

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Брук Блейн

"Не забывай меня"

Серия: *Незабываемый дуэт* (книга 1)

Автор: Брук Блейн

Название на русском: Не забывай меня

Серия: Незабываемый дуэт_1

Перевод: Лана Флата

Редактор: Eva_Ber

Обложка: Bad Banny

Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Три сахара, двойные сливки.

Вот как ты брал свой кофе каждое утро в «Хватай и беги» у Джо.

Но ты этого не помнишь.

Ты ничего не помнишь.

Ничего, кроме меня... тот день...

И трагедию, которая объединила нас вместе.

Глава 1

— СЕГОДНЯ ПОНЕДЕЛЬНИК, и ты знаешь, что это значит, — сказал Майк, отключая двигатель «Большой Берты», и посмотрел на меня в ожидании.

Я потрогал карман брюк, чтобы убедиться, что засунул кошелек внутрь, прежде чем мы отправились сегодня утром, и когда почувствовал второе сложенный контур, я кивнул.

— Да. Очень крепкий кофе на подходе, — когда я открыл пассажирскую дверь, рука Майка крепко вцепилась в мой локоть, останавливая меня, прежде чем я смог выйти из машины скорой помощи, и я оглянулся на него через плечо.

— Это значит, не будь трусом, Олли, вот что это значит.

Подняв брови, я огляделся в поисках того, с кем только что Майк разговаривал, и когда он прочитал мое шутливое выражение, фыркнул.

— Да, речь идет о тебе, — сказал он.

— Ты приглашаешь меня на свидание?

— Ты чертовски прав, это так.

Я покачал головой.

— Я не жалкий трус, и ты это знаешь.

Майк пожал плечами и отпустил мою руку.

— Отлично. Тогда докажи это!

— Я не могу этого сделать.

— Ты *можешь*. Ты просто *не хочешь*.

Да, как бы то ни было, но меня что-то останавливало. Что-то всегда удерживало меня от того, чтобы сказать гораздо больше, чем «Привет!» парню в зауженных брюках, рубашке с накрахмаленным воротником и галстук, которого я видел по утрам в кафе в «Хватай и беги» у Джо, и Майк никогда не мог устоять перед возможностью подколоть меня за это. Я с самого начала вообще не должен был рассказывать ему о своем увлечении, но он был моим лучшим другом, а также моим напарником по работе, что означало, что мы созванивались и делились личным.

— Он натурал, Майк. Оставь это в покое, хорошо?

— Ты не знаешь этого наверняка.

Я взял контейнер с мятными конфетами и вытряхнул пару штук в рот, прежде чем бросить его обратно на консоль.

— Поверь мне. Я знаю.

— Ты спрашивал его об этом, когда виделся с ним в последний раз?

Закатив глаза, я проигнорировал его вопрос и открыл дверь.

— Ты хочешь кофе или нет?

— Ммм... Это свидание и для тебя тоже.

— Господи, — пробормотал я, хлопнув дверью, прежде чем он успел выдвинуть еще какие-то просьбы. Я слышал, как он хихикал позади меня, выходя из машины, чтобы заправить бензин. Я краем глаза уловил на месте парковки пятно красного цвета, что заставило мое сердце биться немного быстрее. Было смешно, что я задумался на секунду, увижу ли я его, так как едва прошел хоть один будний день за четыре месяца, когда я этого не сделал. Но это чувство предвкушения все еще заставляло во мне все трепетать, видеть его несколько минут каждое утро было самым ярким моментом моего дня.

«*Вот и все. Мне нужно вернуться в свою чертову жизнь*». Работа во все эти сверхурочные смены, чтобы получить дополнительные деньги за праздничные дни — и предоставить ребятам с семьями больше свободного времени — отодвинула все мои личные встречи на дальний план. Если я не займусь сексом в ближайшее время, то разорвусь и сгорю. Или, что еще хуже, приударю за натуралом.

— Эй, Олли, — крикнул Майк, и я остановился, положив руку на дверь в кафе, и, прежде чем войти, придержал ее, позволяя женщине позади меня пройти. Когда я обернулся, озорная усмешка играла на его губах, когда он вставил пистолет бензоколонки в бак «Большой Берты» и начал толкаться бедрами.

«*О, Боже праведный...*»

— И пока ты там, может быть,хватишь мне несколько этих яблочных оладьев, лады? И содовую на потом?

«*Это уж слишком для Новогодних признаний*», — подумал я. Это продолжалось немногим более недели. Не то чтобы я обвинял его, когда дело доходило до заманчивой корзины свежей выпечки, которая стояла на стойке у Джо каждое утро, — даже мне было трудно устоять перед ними. Тем не менее, Майк хотел сбросить двадцать фунтов (*прим. 9 кг*) лишнего веса, которые набрал с Хэллоуина, и заставил меня поклясться, что я буду держать его под контролем.

— Ты уверен, что действительно хочешь их? — спросил я.

Майк многозначительно посмотрел на красную Mazda 3, и его улыбка растянулась.

— Жизнь слишком коротка, чтобы лишать себя сладкого, не так ли?

«*Вот ублюдок*». Я покачал головой и бросил красноречивый взгляд в его сторону, а затем вошел внутрь, точно решив выкупить все яблочные оладьи и лично засунуть их ему в глотку.

— Доброе утро, Оливер, — Джо поприветствовал меня из-за стойки, откуда он обслуживал клиентов, и я улыбнулся ему, прежде чем схватил корзину и направился за «Спрайтом» для Майка. Я взял третью бутылку с краю — да, я никогда не брал первую из стоящих — и когда положил ее в корзину, за мной захлопнулась дверь холодильника.

Я крепко сжимал ручку, когда шел по коридору к дальнему крылу помещения, куда вела меня моя интуиция. Наконец, я свернул за угол, и так же, как и каждый день, Синяя птица стоял перед кофе-машиной, с одноразовым стаканчиком в руке, и выглядел более великолепно, чем я помнил (*прим. Синяя птица с давних времен является символом счастья*). Моя память всегда оценивала его по достоинству.

Я не двигался, пока он ставил свой стакан под носик кофе-машины и нажимал кнопку, и я точно знал, что он получит, то же, что и каждое утро — *латте с воздушной пенкой, три сахара и двойные сливки*.

Сегодня он был одет в черные брюки, белую рубашку на пуговицах и темно-синий галстук — как всегда выглядел великолепно, от стильно взъерошенных темно-каштановых волос, таких темных, что они были почти черными, вплоть до его черных мокасин. Двухдневная щетина покрывала его обычно свежевыбритую челюсть, и я представлял, какая на ощупь она будет под моими руками, когда я возьму в ладони его лицо и притяну его к себе...

— Черт возьми!

Проклятие Сине́й птицы вытряхнуло меня из моего оцепенения, и мои ноги снова смогли двигаться, а когда подошел ближе, я увидел, что обычная коричневая жидкость, выходящая из машины, была мутно белой.

Он разочарованно вздохнул.

— Эй, Джо, — крикнул он хозяину. — Машина для латте сломалась.

— Опять? — Джо почесал подбородок и сказал: — Извини за это, Рид. Я сегодня найду кого-нибудь, чтобы починить ее.

— Нет проблем, — ответил Рид, выливая горячую воду из своего стакана в лоток, и привет, теперь у него, наконец, появилось имя: *Рид*. Как я мог так долго не знать об этом?

Я вытащил пару больших одноразовых стаканов из стойки и потянулся к кофейнику в то же время, что и Рид, наши пальцы слегка коснулись друг друга, и мы оба дернулись назад. Прикосновение к нему пронзило меня электрическим током до самого сердца, и удивление, которое зажглось в его глазах, подтвердило, что я не единственный, кто пострадал.

— Прости, — сказал он, а потом откашлялся: — Чертова статика.

«*Это не статика*», — пришел я к выводу, но не собирался просвещать его, поэтому вместо этого показал на почти пустой кофейник.

— Не проблема. Давай.

— О... гм... — он взглянул на то, как мало осталось, и покачал головой. — Все в порядке. Ты был первым.

— Нет, продолжай. Что-то подсказывает мне, что тебе это нужно больше, чем мне.

— Ты уверен? — спросил Рид, его лоб сморщился, как будто он не хотел выглядеть невежливым, но я бы не возражал против того, чтобы он каждый день принимал кофе после меня и его темные шоколадные глаза задерживались на мне.

— Я настаиваю, — сказал я, а затем заговорщически прошептал, — кроме того, я знаю, где Джо хранит свои запасы. Я просто приготовлю еще один кофейник.

Благодарная улыбка заиграла на его губах.

— Спасибо, — налив себе полную кружку кофе, он потер подбородок и спросил: — И часто такое утро?

— Все время.

Рид посмотрел на меня, а затем его глаза переместились на мое имя и должность на нашивке моей униформы. *Оливер Макфадден. Парамедик (прим. специалист с медицинским образованием, работающий в службе скорой медицинской помощи, обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи)*.

— Да, конечно, ты понимаешь. Парамедик, да? Я не представляю, как вы это делаете.

— Помогает то, что мы можем даже в самые трудные дни быстро пропускать кофеин через капельницы.

Он рассмеялся, разорвал три пакетика сахара и бросил их в свой кофе.

— Думаю, что я выбрал не ту сферу.

— Чем ты занимаешься?

— Я преподаю музыку в Касл Хилл.

— В средней школе? — я присвистнул. — Я уж лучше буду придерживаться своей работы.

— В некоторых моментах ты прав. У меня, в основном, хорошая группа, но есть несколько человек, чья миссия состоит в том, как сбежать от нового учителя.

— И ты один из новеньких?

— Работаю около четырех месяцев, — он бросил пустые пакетики в мусор, а затем протянул мне руку. — Кстати, меня зовут Рид.

В течение нескольких ударов сердца, я смотрел на его руку, прежде чем принять ее. Его длинные пальцы были прохладными на ощупь, в отличие от моих вечно горячих. На улице может быть минус пятьдесят, а мои руки все равно будут теплыми.

— Олли, — сказал я и слегка покачал головой. — Ну, Оливер, но все называют меня Олли.

— Олли, — повторил Рид, все еще пожимая мне руку. — Я никогда раньше не встречал человека с именем Олли.

— Мама была большой поклонницей Лорел и Харди (*прим. Стэн Лорел и Оливер Харди, американские киноактёры, комики, одна из наиболее популярных комедийных пар в истории кино*). Я очень рад, что она не назвала меня Стэном, — как только слова вылетели из моего рта, я понял, что это была лишняя информация, потому что он, вероятно, понятия не имел, кто, черт возьми, Стэн Лорел и Оливер Харди, но Рид удивил меня, засмеявшись.

— У твоей мамы хороший вкус. В детстве, у бабушки я смотрел их фильмы, — сказал он, а затем отпустил мою руку.

Я немедленно прервал контакт.

Прежде чем я успел ответить, скрюченные пальцы Джо сжали мою руку, когда он проковылял между нами и ударил тростью по боку кофе-машины.

— Не думаю, что она ответит на избиение, Джо, — сказал Рид, добавляя две порции сливок в свой кофе.

— Когда-то раньше срабатывало. Клянусь Джорджем (*прим. отсылка на президента Джорджа Вашингтона*), я сделаю это снова.

Когда Джо снова ударил по машине, Рид покачал головой упрямому человеку, затем он закрыл свой стакан и улыбнулся мне.

— Еще раз спасибо, Олли. Я в долгу перед тобой.

— В любое время, — серьезно сказал я. — Надеюсь, твое утро пройдет лучше.

— Я рассчитываю на это. Пока, Джо. Я оставлю деньги на стойке.

Джо проворчал, что походило на прощание, и продолжил возиться с машиной, а я вымыл кофейник и начал готовить новый.

Чуть позже, с двумя дымящимися стаканами и пакетом, полным яблочных оладьев, я возвращался к «Большой Берте», все еще приходя в себя от встречи с Ридом. Это было так непохоже на меня, черт возьми, но в нем было что-то, что привлекло мое внимание с первого дня и никогда не отпускало. Сегодняшняя встреча только возбудила мой интерес. Я всегда думал, что он старше, может быть, от двадцати пяти до тридцати лет, но он сказал, что был в Касл Хилле только четыре месяца. Может ли это означать, что он только что закончил колледж? Или может быть он переехал откуда-то. Определенно, откуда-то с юга, или его предки были южане, так как он имел манеру говорить: «Да», «Сэр», «Нет», растягивая гласные, *спасибо, AMS* (*прим. популярный американский кабельный канал*), так подробно рассказывающему об этой части страны, хотя при произношении других гласных акцента не было.

— Это, должно быть, самая широкая и самая глупая улыбка, которую я когда-либо видел на твоей уродливой роже, — сказал Майк, глядя на меня, как будто у меня выросло две головы. — Ты сделал это? Ты пригласил его на свидание?

Я бросил Майку на колени пакет с оладьями и содовой.

— Не стесняйся, давай ими.

— Ах, тогда я буду считать, что это да. Он отшил тебя?

После установки кофе в консоли я пристегнул ремень безопасности и ждал, пока Майк, не дожидаясь подсказки, поймет, что нам пора двигаться.

— Какого черта, приятель? — сказал он. — Ты оставишь меня в неведении?

Я изогнул брови и посмотрел в его сторону, и когда я так ничего и не сказал, он застонал и спустился на платформу.

— Подожди, Олли, — проворчал он, вытаскивая пистолет бензополонки. — Ты знаешь все мое личное дерьмо. Посмотрим, буду ли я еще тебе выворачивать свои внутренности.

— Да ты не будешь знать, что делать, если не сможешь говорить о Деб двадцать четыре на семь.

— Эй, это не моя вина, что я забил отличный гол, встретив и женившись на Деб. Просто сообщаю всем, что они упускают, — Майк замедлил движение и взглянул на меня, поиграв своими черными бровями.

— Не забудь в следующий раз, когда начнешь, сделать нам одолжение и раздать рвотные мешки, — я кивнул на пакет с выпечкой. — И не говори Деб, что у меня ужасно выходит держать тебя под контролем.

— Нет, ей нравятся мои ласковые ручки.

— Бред сивой кобылы.

Он засмеялся и одной рукой ворвался в пакет с оладьями, а другой держал руль. Когда на прошлой неделе он заставил меня поклясться, что я буду держать его под контролем, сказав «я завязываю с этим дерьмом», я подумал, что он спятил. Даже с лишними девятью килограммами и крепким телосложением, ростом метр восемьдесят Майк был как никогда привлекателен. Черные, густые короткие локоны, постоянный загар и ямочки, которые, казалось, стали еще глубже за последние несколько месяцев.

«Натуралы те еще горячие штучки. По крайней мере, в холмах Флойда штата Джорджия», — подумал я, и мои мысли вернулись к человеку, с которым я постоянно сталкивался во время рабочей недели. И да, я почувствовал вибрацию от Рида, хотя даже он не мог отрицать искру, которая зажглась, когда наши руки коснулись друг друга. Однако этого было недостаточно, чтобы на что-то надеяться, как бы я ни хотел.

— Его зовут Рид, — сказал я, нарушая тишину в машине, и когда голова Майка дернулась в мою сторону, с оладушкой, наполовину засунутой в рот, я больше не мог сдерживать ухмылку. — Преподает музыку в средней школе.

Я небрежно потягивал кофе, когда челюсть Майка практически упала на землю.

— Офигеть! — позади нас прозвучал сигнал, и Майк нажал на газ, качая головой. — Чертовски вовремя. Так, о чем еще вы говорили?

— Больше ни о чем. Джо пришел, чтобы сделать кофе-машине сотрясение мозга, и на этом все.

— Черт возьми, Джо. Обломщик.

— Нет, он же не знал.

— Ну, теперь у тебя есть шанс, — сказал Майк, подмигивая мне. — Это был каламбур, если хочешь.

— О, Господи. Я сделал это прямо сейчас.

— Что?

— Создал монстра, который использует каламбуры против меня.

Майк рассмеялся, когда я щелкнул по радио, чтобы заглушить любые другие комментарии, которые его повышенный сахар хотел произвести, но, когда Бинг Кросби начал петь о зимней стране чудес, Майк застонал и начал тыкать кнопки, чтобы изменить канал.

— Я не могу поверить, что они в январе все еще крутят Рождественские песни. Разве они не получили сообщение, что Санта Клаус уже приехал в город, и все, что он принес мне, это чертов снегоочиститель? Когда, черт возьми, я буду пользоваться снегоочистителем? Я думаю, жена попросит родственников об услуге.

Посмеиваясь, я поднес кофе к губам и тихонько подул, а Майк продолжал листать станции, пока не заиграла кантри-песня. Он начал подпевать что-то об именах младенцев и собак, что обычно заставляло меня закрывать глаза как при обмороке. Но так как его рот был занят другим, а не выкапыванием из меня больше информации, я не торопился переключать канал. Пусть он подпевает «Boot Scootin 'Boogie» (*прим. песня в исполнении Brooks & Dunn*), мне все равно. Пока не поступил звонок, мои мысли были заняты... другими вещами.

По радио пришло срочное звуковое оповещение, и я выключил музыку, когда поступил звонок от диспетчера.

— Подразделение 110, пожалуйста, ответьте, код 3 на пересечении улиц Мерсер и Томас, авария нескольких транспортных средств, есть пострадавшие. Пожарники отвечают за возможное извлечение пострадавших.

Я взял трубку.

— Десять-четыре, подразделение 110 в пути. Расчетное время прибытия менее двух минут, — сказал я, когда Майк кинул пластиковый пакет на пол у моих ног и включил мигалку и сирену.

— Я не хотел, чтобы мой день так начинался, — сказал он, пересекая перекресток, чтобы свернуть налево на Мерсер.

— По коням, — сказал я. — У меня такое ощущение, что он будет длинным.

Движение на восток уже начало восстанавливаться после пробок в разгар утреннего часа пик. Теперь, когда впереди авария и машины не могут двигаться в ту сторону, чтобы проехать, Майку пришлось выехать на полосу самоубийц (*прим. имеется в виду встречная полоса движения*). С противоположной стороны, резервное подразделение, вместе с двумя полицейскими и пожарной машиной, свернули к перекрестку, хотя выглядело так, как будто мы доберемся туда первыми.

Я видел дым, поднимающийся впереди, и когда мы подоברались ближе, он, казалось, шел из-под капота огромного черного грузовика 4×4 (*прим. колёсная формула 4×4 означает, что автомобиль имеет 4 колеса*), который врезался в...

— О, черт... Олли... — голос Майка прервался, когда мы оба увидели раздавленную пассажирскую сторону автомобиля, который был сбит. Помятый автомобиль больше не соответствовал понятию автомобиль, похоже, что его отбросило на середину перекрестка во время удара. Капот машины был пробит грузовиком на половину внутрь под неудобным углом, а разбитое стекло засыпало дорогу.

Я видел это зрелище много раз раньше, но никогда так быстро дыхание не покидало мои легкие, никогда не было глухого звона, наполняющего мои уши, и никогда не было дикого чувства паники, охватившего мою грудь, как это было прямо сейчас.

Потому что искореженная машина, на которую я смотрел, была не чем иным, как ярко-красной Mazda 3 Рида.

Глава 2

Странно, что ты запоминаешь каждую секунду этого чистого ужаса. Когда мир переходит в замедленное движение и все, что ты до этого знал, меняется.

Я помню, как Майк максимально приблизил нас к месту аварии, и я положил руку на дверь еще до того, как мы остановились. Я помню, как краем глаза видел огни других резервных подразделений, близко, но не настолько как мы. Мы были первыми, и в ситуации, когда каждая секунда решала вопрос жизни и смерти, я знал, что должен действовать быстро.

— Послушай, может быть тебе взять на себя ассистирование, пока я буду оказывать помощь? — начал Майк, но прежде чем он смог закончить эту фразу и прежде чем мы полностью остановились, я выпрыгнул из машины и побежал к обломкам машины. Все, что я мог слышать, — звук пульсирующей крови в голове.

Дым поднимался из-под капота грузовика, но я не видел огня, и не было утечки бензина. Там, где находилась машина, движение было перекрыто по всем направлениям и место аварии было в безопасности от любых возможных инцидентов, по крайней мере, до

прибытия других бригад скорой помощи, но все равно находились мудаки, пытающиеся маневрировать вокруг места аварии.

Когда подбежал ближе, я мог видеть, насколько пострадал его автомобиль, и силуэт Рида, упавшего на подушку безопасности руля, из-за чего мое сердце дрогнуло, и я начал молиться. *«Боже, пожалуйста, пусть он будет жив. Пожалуйста, не дай ему умереть. Пожалуйста, помоги».*

Залитое кровью окно со стороны водителя было разбито, но стекло оставалось целым, и я старался не смотреть на него, но когда поднял дверную ручку, то обнаружил, что она заперта. Я не собирался рисковать разбивать окно рядом с ним, но мне нужно было быстро добраться до него, поэтому быстро достал манжету для измерения артериального давления из сумки, которую схватил, прежде чем выскочить из машины скорой помощи. Пальцами я дернул верхнюю часть дверной коробки, приоткрывая ее настолько, чтобы вставить манжету внутрь, а затем начал качать.

— Давай, давай, — шептал я, чувствуя, как тикают часы, а Рид неподвижно лежит в нескольких сантиметрах от меня. По мере того, как манжета расширялась, дверь начала отходить от автомобиля, давая мне достаточно доступа, чтобы разблокировать ее тонким стержнем, а затем открыть.

Мое сердце за всю мою жизнь не билось быстрее, чем сейчас, но каким-то непостижимым образом мои руки были уверенными, когда я натягивал перчатки, а затем взялся за запястье Рида, и только годы тренировок, проведенных в чрезвычайных ситуациях, удерживали меня на земле.

Слава Богу, у него прослушивался пульс, хотя он был не таким отчетливым, как мне бы хотелось, и его дыхание было поверхностным. Но он был жив. *Пока.*

— Рид? — позвал я, мне нужно было, чтобы он ответил, но ответа не было. *«Черт».* — Рид, если ты меня слышишь, я вытащу тебя отсюда. Мне просто нужно, чтобы ты оставался со мной, хорошо? Только не двигайся.

Стон вырвался из его горла, когда я быстро разрезал ремень безопасности, а затем начал визуальную оценку его травм. У него сочилась кровь из раны на левой стороне головы, скорее всего от силы удара об окно со стороны водителя, поэтому была определенная травма головы и возможные травмы шеи и позвоночника. Казалось, не было никаких других крупных кровотечений, хотя повреждения, которых я не мог видеть, всегда беспокоили меня больше всего. Не говоря уже о дыме, выходящем из-под капота грузовика, от которого было трудно не только видеть, но и дышать.

— Что тут у нас? — спросил Майк сзади меня, и я посмотрел через плечо, увидев, что у него есть и носилки, и шейный воротник, уже готовые к работе. Одна из команд пожарно-спасательного отряда остановилась позади нас для оказания помощи, в то время как другие отправились к грузовику, чтобы вытащить водителя, который, как я видел, был в сознании и пытался выйти из машины самостоятельно.

Боясь повредить жизненно важные органы Рида, я осторожно открыл заднюю дверь для Майка, а затем снова сосредоточился на Риде. Майк забрался на заднее сиденье, и вместе с остальными мы начали замысловатый танец, чтобы вытащить Рида из машины, сохраняя при этом его позвоночник неподвижным.

— Медленнее... медленнее, — говорил я своей команде, когда Рид начинал бессвязно бормотать. — Я держу тебя, Рид. Мы все держим тебя. — И потом, успокаивая его, я начал объяснять, что происходит. — Прямо сейчас ты почувствуешь несколько пар

рук на своем теле, это для того, чтобы мы могли убедиться, что обездвижили твой позвоночник, и смогли вытащить тебя из машины.

Он издал тихий понимающий стон и закрыл глаза, и когда мы продолжали доставать его, я заметил, что он втягивал воздух всякий раз, когда кто-то касался его правой руки и бока. Остальные тоже это заметили, и я мысленно проанализировал эти травмы, когда мы действовали, перекладывая его на носилки.

Я стоял у головы, когда мы зафиксировали его позвоночник и шею в шейном воротнике, и тогда, наконец, я смог хорошо разглядеть Риду.

Вдоль правой стороны его красивого лица были порезы от осколков стекла, которые выстрелили в воздух, когда грузовик врезался в него, и несколько осколков остались в его щеке. Его темные волосы были пропитаны кровью, стекавшей по брови.

— Рид? Ты можешь посмотреть на меня? — сказал я, вытаскивая фонарик и щелкая им. Когда он открыл глаза, я почувствовал небольшое облегчение, что его зрачки не расширены — что было бы очень плохим признаком в случае травмы головы — и поднял палец, чтобы он проследил за ним. Затем я убрал палец, чтобы посветить фонариком и посмотреть, как он отреагирует, но в этот момент Рид издал ужасный звук, начав задыхаться, и мы начали действовать.

Все время, пока мы его реанимировали — интубировали и подключали капельницу — я продолжал говорить, давая Риду знать, что происходит, хотя, если честно, это было больше для того, чтобы держать меня в здравом уме.

Как только мы загрузили носилки, я забрался через заднюю часть машины скорой помощи, чтобы быть рядом с Ридом, и оглянулся на Майка.

— Ты в порядке? — спросил он, и я знал, что он имел в виду меня, а также Риду. Выдохнув, я быстро кивнул ему.

— Поехали.

Майк захлопнул двери машины, оставляя меня в маленьком пространстве наедине с Ридом и его затрудненным дыханием.

Я не мог вынести этот звук. Не от него.

Мне нужно было нарушить зыбкое молчание, пока оказывал медицинскую помощь и стабилизировал его состояние, и я сказал:

— А ты думал, что неисправность машины латте был самым худшим моментом этого дня.

Тьфу. Да, неудачное время для такой шутки, но лучше пусть это будут ужасные шутки, чем вообще ничего, и я чувствовал необходимость продолжать говорить, чтобы он слышал меня и знал, что кто-то был с ним рядом.

— Ты можешь поверить, что мы до сегодняшнего дня не знали имен друг друга? Это немного глупо, правда? Всегда проходили мимо друг друга по утрам, но никогда ничего не говорили. На самом деле, я всегда думал о тебе, в моих мыслях ты был Синей птицей, нет, я никогда не говорил это тебе в лицо, — я взглянул на его все еще закрытые глаза. — Ну, во всяком случае, не наяву.

Краем глаза я видел, как Майк по дороге регистрировал Риду, и знал, что он слушает каждое мое слово, но никак не реагировал на это. Я пожал плечами. Он делал вид, как будто ему известно не больше, чем Риду.

— Ты, наверное, думаешь, почему Синяя птица, верно? — продолжал я. — В первый раз, когда я тебя увидел, на тебе была светло-голубая рубашка под курткой, а на лацкане

была какая-то серебряная булавка, похожая на крылья. Полагаю, это зацепило меня, и... ну, ты зацепил меня, правда. Итак, я думаю... я думаю, именно по этой причине, Синяя птица всплыла в моей голове, так вот кем ты был для меня с тех пор.

Я взглянул на его показатели и сглотнул.

— Не знаю, зачем я все это говорю, но вот так. Иногда некоторые вещи не имеют смысла, но ты должен принять их. Вроде того, что происходит сейчас.

Я глубоко вздохнул, изучая его лицо. Это красивое, изрезанное лицо и человек, которому оно принадлежало, никак не заслуживал того, что с ним происходило.

Это казалось нереальным, переход от нашего разговора еще полчаса назад к тому, что я везу его в больницу. Это напомнило мне то, что я знал, что было каждодневной правдой — несправедливость этой жизни, которая не пропустила кого-то только потому, что он был хорошим человеком. Я не знал этого мужчину, но нутром чуял, что он хороший. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы он дышал, чтобы он был в безопасности.

Его брови дернулись, и я продолжил говорить.

— Ты в порядке. Слышишь меня? Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, но ты должен пообещать мне, что будешь продолжать бороться.

Веки Рида приоткрылись, и темно-коричневые глаза посмотрели прямо на меня, но я знал, что он слышит меня, видел в них понимание, смешанное со страхом.

Я осторожно коснулся его руки, успокаивая. *Я рядом*, — подумал я, желая, чтобы в его глазах не блестели непролитые слезы.

Но потом его веки закрылись, пульс еще больше замедлился, и у меня в животе все упало.

— Майк, поднажми, — крикнул я. — Быстрее.

— Мы почти на месте, Олли. Заставь его продержаться еще немного.

«*Не смей уходить*», — молил я, держа руку на запястье Рида, как будто таким образом я мог заставить его остаться. За те напряженные секунды, прежде чем мы добрались до госпиталя Флойда — правда, это заняло не больше минуты — казалось, прошли часы.

Когда мы прибыли, команда травматологов была готова, Майк кодом вызвал их по пути, и это был относительно плавный переход, когда Рида перевезли в комнату экстренной помощи и переключили на оборудование больницы. Мои глаза не отрывались от него, пока я рассказывал доктору о происшествии и реанимационных действиях, и после того, как я сделал отчет о его жизненных показателях и возможных травмах, она взяла Рида на себя.

Я знал, что лучше не суетиться и не мешать, пока врачи делают свою работу, но желание остаться было настолько сильным, что я почти не мог заставить свои ноги двигаться. Но они это делали, медленно, но верно, и когда я вышел из комнаты, я послал тихие молитвы, что это был не последний раз, когда я его видел. Что он пройдет через это с минимальными осложнениями и без серьезных последствий.

А потом дверь захлопнулась, и он исчез не только из моего поля зрения, но и любого другого проходящего, а я мог только стоять там, чувствуя себя оцепеневшим и беспомощным, когда он был вдалеке от меня. Но такова была моя работа. Это было то, на что я подписался. Я оказывался первым на месте происшествия в самый ответственный момент для пострадавшего, но в мои обязанности не входило знать, как чувствует себя

пациент, когда мы передаем его врачам и уходим. Я никогда не забывал о них, когда покидал больницу в конце дня и возвращался домой. С ними все было в порядке? Были ли у них какие-то осложнения? Иногда звонил в скорую помощь, и, если отвечала медсестра, с которой я дружил, и будь я проклят за нарушение правил конфиденциальности, получал краткое изложение о состоянии здоровья, но чаще всего я оставлял работу в стенах больницы.

Но в этот раз? Я не мог просто оставить Рида здесь, не зная, как он пройдет через это. Возможно, кому-то это покажется безумием, но хотя мы и не были знакомы, он был частью моей повседневной жизни, даже те несколько минут у Джо. Я даже не мог подумать о том, что у меня не будет возможности проживать эти моменты каждое утро. Что завтра его там не будет, и он не наполнит кружку латте, не добавит туда три сахара и две порции сливок.

Нет, я не хотел об этом думать. Это было слишком болезненно, когда мое чутье говорило мне, что он обязательно выберется из этого.

Я не осознавал, как долго стоял там, погруженный в свои мысли, когда чья-то рука сжала мое плечо. Мне не нужно было смотреть, чтобы понять, что это Майк, и сжатие его руки было необходимой поддержкой, в которой я нуждался.

— Берта чистая, — сказал он тихим голосом. — Я подумал, что тебе нужно немного времени... ну, ты понимаешь.

— Спасибо, — я посмотрел на него, внезапно почувствовав себя настолько уставшим, чем за многие годы работы. — Это действительно произошло?

— Да. Да, дружище, это случилось.

Из радиоприемников, которые мы носили, раздался сигнал, а затем раздался звонок. Укус животного на другом конце города, несерьезно.

— Нам пора, — сказал Майк, и я рассеянно кивнул, продолжая смотреть на дверь, за которой находился Рид.

«Я вернусь, — подумал я, тяжело сглотнув, и позволил Майку вывести меня через специальный выход. — Тебе лучше быть здесь и проснуться, когда я тебя увижу в следующий раз».

Глава 3

Прошло семьдесят два часа.

Семьдесят два часа с тех пор, как я оставил Рида в больнице, где он лежал на четвертом этаже, погруженный в искусственную кому, чтобы уменьшился отек в мозге. И это в дополнение к сломанным ребрам, пробитому легкому, вывихнутым запястьями и щиколотке и множеству порезов и синяков по всему телу.

Но могло быть и хуже. Намного хуже.

В день несчастного случая с Ридом после смены я вернулся в больницу, надеясь получить информацию о том, как у него дела, и узнал, что он находится в реанимации, так что именно туда я и направился.

Я вышел из лифта и увидел, как доктор отводит в сторону людей, которые, скорее всего, были семьей Рида, судя по пустой комнате ожидания и тому, что все они имели сходство во внешности, и я, не стесняясь, стал прислушиваться. Слушал, как доктор рассказывал о состоянии Рида и о том, что произошло, видел, как его мама тихо плакала,

уткнувшись в рубашку мужа. Я хотел подойти к ним, сказать несколько слов утешения, но кто я такой? Никто, кроме как незнакомец, и я не хотел вмешиваться в их переживания, поэтому ждал.

Вот и сейчас, точно так же, как и в тот день после окончания смены, я смотрел и ждал. Я взглянул на ряд кресел, где родители Рида разговаривали с доктором, который только что вышел, чтобы проинформировать их. Когда я впервые увидел мужчину, то сразу понял, что человек, стоящий в нескольких метрах от меня, — отец Рида. Он был таким же высоким, у него были такие же глаза цвета эспresso, такое же телосложение и сильные плечи. Женщина, крепко прижатая к его боку сильной рукой, была именно той, от кого Рид взял цвет кожи — цвет слоновой кости. Как-то я проходил мимо его матери, и она улыбнулась мне той же вежливой улыбкой, что и Рид каждое утро у Джо. А рядом с ней, скрестив ноги в одном из неудобных больничных кресел и сжимая потрепанную книгу в мягкой обложке, сидела молодая девушка, возможно, подросткового возраста и все ее внимание было сосредоточено на том, что говорил доктор.

Не отрывая взгляда и не мигая, словно рептилия, я вслушивался, насколько это было возможно, в то, что доктор говорил им об улучшении состояния Рида.

Прогнозы хорошие... восстанавливается... дышит самостоятельно... уже начался процесс выведения его из комы...

Было удивительно, как быстро тяжесть, которая лежала на моих плечах последние три дня, рухнула с этими словами, и я уронил голову на руки. Было бессмысленно винить себя в его состоянии, я знал это, но было бы трудно найти кого-либо из моих коллег, кто не подумал бы то же самое в моем положении. Самобичевание — это то, что приходит с нашей работой. Мы всегда задаемся вопросом, может мы могли бы сделать что-то иначе, что изменило бы итоговый результат.

Но услышать, что Рид выкарабкается из всего этого? Это была лучшая новость, которую я когда-либо слышал.

Его мать обняла доктора, и когда она отстранилась, вытирая слезы, вернулась в объятия мужа.

— Он справится, — сказала она, и ее голос дрогнул. — С нашим ребенком все будет хорошо.

Отводя глаза, чтобы дать им возможность побыть наедине, я сказал себе, что этого достаточно. Рид пройдет через это, и я смогу и должен двигаться дальше, хочу я этого или нет.

Ну, по крайней мере, так я говорил себе, пока не заговорил отец Рида.

— Почему бы нам всем не поужинать в кафетерии? — сказал он жене и, прежде чем она успела возразить, поднял руку. — Ты уже несколько дней ничего не ела.

— Но... — начала она, но ее муж покачал головой.

— Никаких «но». Ты сможешь вернуться к нему после небольшого перерыва, — он приподнял ее подбородок. — Я не могу позволить, чтобы с тобой что-то произошло.

Противоречие отразилось на ее изящном лице, но она, наконец, кивнула.

— Хорошо, но давай побыстрее. Я хочу быть там, когда он проснется.

— Договорились, — сказал он и поцеловал ее в нос.

Вместе со своей дочерью они прошли к лифту, и мое сердце начало биться в быстром темпе от посетившей меня мысли. С Ридом в реанимации все время кто-то был,

хоть один из членов семьи находился рядом, но сейчас они все будут внизу, по крайней мере, полчаса...

Я посмотрел в коридор, чтобы увидеть, как они входят в лифт, и, когда двери за ними закрылись, я продумал все это за минуту, прежде чем вскочить со стула.

Мне нужно было его увидеть. Просто чтобы убедиться самому, что то, что сказал доктор, было правдой, и тогда я оставлю его в покое и позволю ему спокойно выздоравливать.

К счастью для меня, так случилось, что это была смена дежурства медсестер на посту, и они были слишком заняты друг другом, чтобы заметить, что это не был непосредственный член семьи Рида, проскользнувший по коридору, чтобы увидеть его...

Комната четыре-двадцать четыре, куда я беззвучно вошел, была темной и тихой, свет был тусклым, так как солнце уже давно село. Когда я завернул за угол и увидел Рида, можно было представить, что он просто мирно спал. Его волосы были сбриты, чтобы зашить рану на голове, и он все еще был в шрамах от аварии, но в моих глазах он никогда не выглядел более красивым.

Он живой. С ним все будет хорошо.

Глубоко вздохнув, я медленно подошел к кровати. Теперь, когда я был здесь, я не знал, что сказать или сделать, поэтому я сделал то, что всегда делал, когда был на грани: я начал бормотать какую-то неразбериху.

— Ты в гораздо лучшей форме, чем в прошлый раз. Знаешь, я так рад, что ты послушал меня, когда я сказал тебе держаться. А теперь только посмотри на себя. Док говорит, что ты скоро проснешься, и, надеюсь, тебе не будет слишком больно и ты не вспомнишь аварию. Я слышал, как некоторые люди говорят, что ничего не помнят, а другие говорят, что снова переживают этот ужас во сне.

Я засунул руки в карманы потертых джинсов и качнулся на пятках. Мои глаза остановились на рисунках и открытках, выставленных вдоль стены, и улыбка коснулась моих губ.

— Похоже, твои ученики скучают по тебе. Я прекрасно их понимаю, я тоже, — мой рот захлопнулся при этом признании, но потом я подумал: «К черту». Он все равно ничего этого не вспомнит.

— Так что, думаю, мы не увидимся какое-то время. Я не буду сильно жаловаться на это, так как, по крайней мере, скоро ты будешь рядом, чтобы купить себе кофе. Я обязательно скажу Джо, чтобы машина для латте была исправна, когда ты вернешься. У меня такое чувство, что после того, как он избил ее на днях, ему все равно придется заказать новую.

Шум за пределами комнаты заставил меня замереть и прислушаться к тому, что кто-то может войти и застать меня, но через несколько секунд снова стало тихо, и я с облегчением выдохнул.

Глядя на лицо Рида, я запоминал его черты на случай, если вижу его в последний раз. Не было никакой гарантии, что он вернется в Касл-Хилл или остановится выпить кофе у Джо. Черт, даже не было никакой гарантии, что он будет полностью самим собой, когда выйдет из комы. Личностные изменения, потеря памяти... называйте это как хотите, я уже это видел и слышал. Я надеялся, что с Ридом этого не случится, но всякое может быть...

— Береги себя, Синяя птица, — сказал я ему, а затем, повинаясь импульсу, наклонился и нежно сжал его руку. — Мы еще увидимся.

Я повернулся, чтобы уйти, в последний раз оглянувшись на спокойное выражение лица Рида, как вдруг дверь в комнату открылась, и я услышал, как его мама сказала:

— Я на секунду, я забыла свой...

Как только она увидела меня, стоящего у кровати, она замерла, удивление и замешательство отразились на ее лице. Но когда ее взгляд скользнул позади меня, все, что она собиралась сказать, было забыто, и ее рот приоткрылся.

— О Боже, — она поднесла пальцы к губам, когда двинулась вперед, и я быстро отошел в сторону, желая просочиться сквозь стену.

Как глупо было пробраться сюда. Поистине, глупо...

— Ты проснулся, — сказала она.

«Что?»

Я развернулся так быстро, что чуть не потерял равновесие, когда увидел, что карие глаза Рида были открыты — и они смотрели прямо на меня.

Часть меня была в восторге от того, что он проснулся. Другая часть запаниковала.

«Я должен выбираться отсюда», — подумал я, отступая назад, и уже был готов уйти без предупреждения, когда отец и сестра Рида завернули за угол.

Глаза отца сузились.

— Вы кто такой?

«О, черт». Я действительно не подумал об этом, тем самым нарушая около десяти различных законов о конфиденциальности, столкнулся с семьей Рида — о, и Рид теперь проснулся и наблюдал, как все это происходит. «Так держать, Олли. Супер».

— Мне очень жаль, — сказал я, поднимая руки. — Мне действительно не следовало быть здесь. Простите меня...

У меня были все намерения уйти, и я пошел, пытаюсь обойти его, прежде чем они вызвали бы охрану, чтобы вышвырнуть мою задницу, — одним словом, этот план вылетел в окно.

— Олли.

Я застыл.

Раздался хриплый звук, и Рид попытался откашляться, но потом он снова произнес мое имя, и на этот раз я знал, что это не было плодом моего воображения.

Я медленно повернулся к семье Рида, которая выглядела такой же потрясенной, как и я. Хотя я привлек внимание Рида, их внимание было полностью сосредоточено на их сыне и брате.

— Рид... Боже мой, — его мать разрыдалась и потянулась к его лицу, а затем, казалось, вспомнила о его ранах и поцеловала его в лоб. Они столпились вокруг него, слезы текли, когда они обнимали друг друга. — Ты даже не представляешь, как мы волновались.

— Мама? — Рид нахмурился, глядя на родителей. — Папа? Ты выглядишь... по-другому, — он закрыл глаза и снова открыл их. — Мне это приснилось?

— Нет, детка. Ты проснулся. Теперь с тобой все будет в порядке.

— Я ничего не понимаю, — Рид перевел взгляд на сестру и нахмурился. — Я знаю тебя?

Глаза девушки наполнились слезами, и мама обняла ее за плечи и притянула к себе.

— Ты не знаешь, кто это? — спросила она нежно.

Рид прищурился.

— Я так не думаю.

— Это Анна, — сказала она. — Твоя сестра.

— Нет, — сказал Рид, качая головой. — Анне всего семь лет.

Наверное, это просто седативные средства, хотел сказать я, но не хотел привлекать к себе еще больше внимания, чем уже успел.

— Семь? — его мама выглядела ошеломленной, но быстро пришла в себя. — Сходи за доктором или медсестрой, — тихо сказала она мужу, который кивнул, но когда он обернулся, то понял, что среди них все еще был незнакомец — я.

— Олли, не так ли? — спросил он, глядя на меня сверху вниз, как будто то, что на мне надето, выдаст меня. По крайней мере, я не был в форме.

— Да, сэр.

— Откуда вы знаете моего сына?

— Я... — как ответить на этот вопрос, не потеряв работу и не признавшись, что я гей, который влюблен в их сына?

К черту все. Я не был трусом.

Но оказалось, что мне вообще не нужно было отвечать, потому что Рид снова заговорил.

— Он спас меня, — мы все посмотрели на Рида, который уставился на меня с выражением, похожим на любопытство. И благодарность. — Ты сказал мне... бороться.

Тогда я перестал дышать. Как, черт возьми, он это помнит, но не помнит, что его сестра теперь подросток?

— Это правда? — спросил отец Рида. — Вы один из здешних врачей?

Я покачал головой, и мой голос застрял в горле.

— Нет, я просто парамедик.

— Всего лишь парамедик? — сказала его мать, подходя ко мне. — Просто парамедик, который спас жизнь нашему сыну?

— Я... — мои глаза вернулись к Риду, который все еще смотрел на меня, и я тяжело сглотнул. — Это... это моя работа.

Отец Рида удивил меня, крепко обняв.

— Спасибо тебе. Спасибо, — шептал он снова и снова, крепко сжимая меня, прежде чем отстраниться. Затем он вытер лицо и сказал: — Я лучше пойду посмотрю, где там медсестра.

Когда он вышел из комнаты, я стоял, испытывая неловкость, а мама Рида смотрела на меня.

— Насколько все было плохо? — спросила она, но я точно знал, о чем она спрашивает.

Я схватился за волосы на затылке, потянув их, и посмотрел вниз, не желая снова пережить этот несчастный случай, и чтобы она увидела, как все это отражается на моем лице.

— Плохо.

— Спасибо, — сказала она дрожащим голосом, и я поднял глаза, чтобы увидеть, как она заламывает пальцы. — Спасибо за то, что ты сделал для Рида, и за то, что пришел проведать его. Если бы не ты, его бы здесь не было.

Боже, я даже думать об этом не хотел. Как-могло-все-закончиться. Все произошло не просто так, а как должно было быть. Я должен был верить в это, хотя мне хотелось, чтобы ему не пришлось проходить через эту боль.

— Я должен оставить вас всех... наверстать упущенное, — сказал я и посмотрел на Рида. Он, несомненно, будет потрясен всем, что случилось с ним за последние несколько дней, и ему понадобится время, чтобы поправиться, быть с семьей, вспомнить.

— Я очень рад, что ты проснулся.

— Увидимся снова, хорошо? — сказал он, и то, как он ласково посмотрел на меня, заставило меня захотеть дать ему все, о чем он просил.

Так я и сделал.

— Можешь на это рассчитывать.

Глава 4

Шесть недель спустя

Вторая половина февраля оказалась ужасно холодной. На прошлой неделе был снегопад, но теперь это было нечто иное — температура ниже нормы и сильные порывы ветра.

Это не остановило меня от ежедневных пробежек по пять миль. Запирая входную дверь, я снова подумал о том, чтобы зайти в хозяйственный магазин на этой неделе за краской. Дверь была обшарпана и выцвела, уже не та ярко-красная, какой она была, когда я купил дом. Если подумать, ставни цвета хаки также нуждались в свежем слое краски, а пожухлые листья все еще местами засоряли лужайку после осенней чистки несколько месяцев назад. К сожалению, мой небольшой дом нуждался в большей любви и заботе, на что у меня совершенно не хватало сил, особенно в последнее время, снова взяв на себя больше смен, чем обычно, поскольку мы были парамедиками. Мне бы понадобились еще несколько часов в день... ну или мой клон.

«Все хорошо. Я приведу его в порядок, когда наступит весна», — подумал я, направляясь вниз по ступенькам крыльца, и, как только я это сделал, один из расшатанных кирпичей покачнулся под моей ногой.

«Потрясающе». Еще один момент, который необходимо добавить в список своих дел. Не то, чтобы у меня были причины жаловаться. В общем, это был уютный дом, лучше, чем я ожидал при моем скудном бюджете.

Запихнув ключ от дома в карман толстовки, я начал медленную пробежку по улице к озеру, которое служило центральной точкой района. По всей окружности озера был проложен широкий тротуар, и, поскольку его длина составляла почти полмили, было легко следить за количеством кругов.

Я начал с легкого темпа, позволяя своим мышцам разогреться. Бег был способом очистить мой разум от всего, что связано с работой, что угрожало свести меня с ума. Движение было единственным способом, который я нашел, чтобы отпустить то, что я не мог контролировать, и оставить все позади, поэтому я думаю, что это была своего рода терапией.

Прошедшая неделя была необычайно жесткой, гололед по утрам был причиной множества автомобильных аварий, и с каждым звонком, на который мы отвечали, мои мысли возвращались к Риду.

Я не видел его с того дня, как он проснулся, но... я думал о нем постоянно. Я предполагал, что он все еще поправляется и еще не вернулся к работе, но не был в этом уверен. У нас не было общих друзей, у которых я мог бы спросить, как у него дела, и я даже не помышлял узнать его адрес, хотя бы просто, чтобы знать. Ладно, это было ложью. Может, я и думал об этом, но никогда не пытался это сделать.

На полпути прямо напротив моего дома я ускорил бег, чувствуя тепло в мышцах, когда они разогрелись. Мое дыхание выходило белыми облаками, я наслаждался ясным и морозным утром, но не ускользнуло от моего внимания, что я только что обогнал небольшую горстку бегунов и пешеходов. Обычным делом было видеть, как семьи кормят уток, которые кружили вокруг озера, или почти сталкиваться с детьми на велосипедах, но морозная погода в Северной Джорджии не побуждала людей покидать свои удобные кровати.

«Кучка бездельников», — усмехаясь, подумал я.

— Олли?

Я был настолько сбит с толку голосом, который раздался позади меня, что чуть не хлопнулся лбом в тротуар, когда мои колени подогнулись. Я притормозил, а затем обернулся, подняв руку и прикрываясь от яркого солнца. Когда я разглядел, кто это был, у меня отвисла челюсть.

— Рид? — сказал я, совершенно ошарашенный тем, что он может стоять в нескольких футах от меня, в моем районе. Это было похоже на то, что мысли о нем заставили его материализоваться.

В черных спортивных штанах, шапочке и куртке в тон Рид пересек лужайку, которая отделяла дорожку от домов, выходивших к озеру. Его улыбка была приветливой, когда он подошел ко мне:

— Я подумал, что это ты.

— Обалдеть. Ты выглядишь... — *«Невероятно красивым? Нереальным? Живым?»*

— Лучше? — он усмехнулся и засунул руки в карманы куртки.

— Определенно лучше, чем в прошлый раз, — я старался его не разглядывать, но это оказалось невозможным. Я почти забыл, каким великолепным был этот мужчина. — У тебя... все в порядке?

— Да, все нормально, — он посмотрел на себя и улыбнулся мне в ответ. — Мое тело полностью восстановилось — просто жду, когда мой разум догонит.

«О нет...»

— Что ты имеешь в виду? — хотя я точно знал, что он имел в виду.

— Врачи сказали, что у меня может быть кратковременная потеря памяти из-за количества лекарств, которые они использовали, чтобы держать меня в коме в течение нескольких дней. Кажется, немного более постоянным, хотя.

«Иисус»

— Мне очень жаль это слышать.

— Все в порядке. Досадно, но... — он пожал плечами и пнул небольшой камень, лежавший на тротуаре, в озеро. — Извини, я не хотел прерывать твою пробежку, просто... ну, сейчас я не узнаю многих людей, так что, думаю, я был взволнован, увидев знакомое лицо.

«Знакомый... я? Я был знакомым? Определенно сюрреалистично».

— Еще я хотел поблагодарить тебя, — продолжил он. — Странно, что я не могу вспомнить многого из того, что было до несчастного случая, но я помню, что ты для меня сделал, — его голос стал низким. — Я не думаю, что смогу когда-нибудь это забыть.

Несмотря на холод, жар поднялся по моей шее. Моим первым инстинктом было всегда преуменьшать свою роль, но с Ридом я поймал себя на том, что говорю:

— Я просто рад видеть, что ты в полном порядке.

Мы стояли, неловко переминаясь, ни один из нас, казалось, не знал, что сказать, но опять же, мы на самом деле не знали друг друга, не так ли?

— Ты... ты решил прогуляться? — наконец спросил я.

— О, да, я решил подышать свежим воздухом. С медленной скоростью пытаюсь вернуть себя, понимаешь?

«*К черту пробежку*». Я не мог позволить себе упустить шанс.

— Хочешь присоединиться ко мне? Мне все равно сегодня не очень хочется бегать.

Лицо Рида посветлело.

— Конечно.

Я перешел на внешнюю сторону дорожки, чтобы он мог взять более короткий внутренний путь, а затем позволил ему установить темп, не желая, чтобы он переусердствовал.

— Это слишком медленно? — спросил он, когда мы остановились на полпути. Не скоростная ходьба, но и не неспешная прогулка.

— Нисколько. Все нормально.

— Я пытался восстановиться для спринтерского бега. Просто не до конца уверен, смогу ли.

— Да? Ты бегаешь? — «*Черт, откуда он это мог помнить?*» — Я имею в виду...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — Рид засмеялся. — Нет, я так *не думаю*. Из того, что мне говорили, я не очень-то увлекался спортом. Или любой другой сердечно-сосудистой активностью, если на то пошло. Я просто видел, как люди бегают трусцой, и подумал, что это было бы здорово.

Я только усмехнулся. Мне не нужно было смотреть на него сверху вниз, чтобы понять, что он, вероятно, в этом ошибался, так как признаков утомления не было. Он был намного стройнее, чем до аварии, но и до этого у Рида было спортивное телосложение, на которое я обращал внимание и часто задумывался, что он проводит *некоторое* время в тренажерном зале.

Когда мы проходили мимо моего дома, я спросил:

— Не возражаешь, если я задам тебе личный вопрос?

— Я могу не знать ответа, — пошутил он.

— Возможно нет, — сказал я, и мои губы изогнулись в лёгкой улыбке. — Но... что именно ты помнишь?

Он молча стоял рядом со мной и смотрел на уток, проплывающих мимо.

— Это странно. Я помню отрывки со дня аварии. Как остановился на заправке, чтобы попить, но у них не было, что я хотел, — его щеки слегка покраснели, когда он сказал: — Я помню твое лицо. Знаю, что мы разговаривали, но совсем не помню, о чем. Я знаю, что был одет, чтобы пойти куда-то, думаю на работу, но не могу сказать тебе, где это и чем я занимался. А до этого? Я думаю, здесь все становится еще сложнее, — он стянул свою шапочку и вдохнул воздух. — Когда я проснулся в больнице и увидел

родителей, мне показалось, что я сплю. Они выглядят намного старше, чем в прошлый раз. А Анна, моя сестра? Она еще даже не в средней школе, но мне сказали, что она уже готовится ее закончить. И, конечно, она выглядит именно так. Но, мне кажется, мой мозг на самом деле не понимает, что не хватает десятилетнего куска моей жизни.

Я издал низкий свист.

— Черт. Десять лет? Значит, ты чувствуешь себя... как?

— На семнадцать, — сказал он. — Почти восемнадцать. Но в моих водительских правах написано двадцать семь.

О, боже. «Семнадцать?» Он думал, что ему все еще семнадцать? Я не понимал, что должен был делать с этой информацией, кроме как получить insult.

— Не все так просто, — продолжал он. — У меня есть отрывки некоторых моментов, которые, кажется, были после средней школы, но они такие бессмысленные.

— Как будто смотришь фильм о своей жизни, только не узнаешь персонажей.

Он прищурился от светившего ему в глаза солнца.

— Именно.

Мы возвращались к дому, откуда он появился, и я кивнул головой в его сторону.

— Это твой дом?

— Что? — он проследил за моим взглядом. — О. Нет, это дом моих родителей. Я живу у них с тех пор... — он пожал плечами. — Дом, который, как они говорят, мой, не совсем похож на мой.

— Я не могу себе представить. — Каково это — потерять все это время, все эти воспоминания? Людей, которых ты знал, места, в которые ты ездил. Свою работу. Вся твоя жизнь, какой ты ее знал, *бам*, исчезла в мгновение ока. И вернет ли он все это когда-нибудь, или ему придется начинать все сначала? Как будто нажал кнопку перезагрузки своей жизни?

— Хватит об этом, — сказал Рид, прорываясь сквозь мои мысли. — Расскажи мне о себе.

— А что обо мне?

— Ну, учитывая, что единственное, что я знаю о тебе, это то, что твоя работа — не давать людям умирать, я бы так сказал. Расскажи мне все.

Я засмеялся.

— Ты не захочешь узнать всего.

— Конечно захочу. Начнем с самого простого. Сколько тебе лет?

— Тридцать два.

— Ты женат? Есть девушка?

Я чуть не подавился смехом.

— Нет. И нет, — и затем, чтобы заявить, что станет очевидным достаточно скоро, я сказал, — и парня тоже нет.

Рид сделал двойной дубль.

— О, — сказал он, не слишком обеспокоенный этим, но, скорее, как будто не придал этому значение. — Почему?

— Наверное, можно сказать, что я женат на своей работе.

«Ох, и мне кажется, что это плохо для семнадцатилетнего-переходящего-в-двадцать-семь-лет парня, который ничего не помнит о своей жизни».

— Значит, ты живешь один?

— Только я, я и я.

— У тебя есть животные?

— Нет.

— Это твое настоящее имя, Олли?

Я кивнул.

— Сокращенно от Оливера.

— Оливер...?

— Макфадден, — сказал я, и когда я остановился, он оглянулся на меня.

— Что? Я задаю слишком много вопросов?

— Нет. Просто ты никогда не говорил мне своего имени, Рид...?

— О. Валентайн. Рид Валентайн.

— Приятно познакомиться, Рид Валентайн.

«*Черт Валентайн? Будь я проклят, если это не самое подходящее имя для этого человека*». Я протянул руку, и он уставился на нее, прежде чем слабая улыбка появилась на его лице.

— Приятно познакомиться, Оливер Макфадден. Или ты предпочитаешь Олли?

— И так и так хорошо, но друзья зовут меня Олли.

Когда мы продолжили ходьбу, Рид сказал:

— Я очень рад, что встретил тебя сегодня, Олли.

Ох, да. У меня в животе все перевернулось.

— Я тоже, — сказал я, стараясь говорить беззаботно. — Рад видеть тебя на ногах.

— Я не знал, как с тобой связаться. Понимаешь... Рассказать, как я благодарен тебе за то, что ты сделал.

— Тебе не обязательно это делать.

— Ты ведь шутишь, правда? — Рид покачал головой. — Ты приходишь, спасая жизни, как какой-то супергерой, и даже не хочешь принять спасибо?

Я фыркнул.

— Супергерой?

— Да.

— Не думаю, что меня когда-либо так называли, — я потер щетину на челюсти. — Какой именно?

— Какой супергерой?

— Если я собираюсь стать одним из них, лучше я буду одним из хороших.

Когда брови Рида нахмурились, я слишком поздно понял, что, черт возьми, возможно, он не помнит ни одного имени персонажа. Но потом он сказал:

— Супермен.

— Вот так так. Я рад, что ты не сказал Человек-Паук.

— Кто?

— Э-э, не обращай внимания.

Я был удивлен, как легко протекал наш разговор, и вот уже одна миля превратилась в две. У Рида был нескончаемый набор вопросов ко мне, и я был счастлив ответить на все. Для того, кто прошел через то, что ему пришлось пережить за последние несколько недель, он был, что удивительно, не расстроенным или замкнутым. Вместо этого он был любопытным, дружелюбным и открытым. Во всяком случае, настолько открытым, насколько это было возможным.

Когда мы завершали пятый круг вокруг озера, я увидел, что он начинает немного задыхаться. Из того немногого, что я знал о нем, он, казалось, был типом, который будет выкладываться, даже если не будет чувствовать себя в состоянии это сделать, поэтому я решил облегчить задачу.

— Я должен вернуться домой, подготовиться к работе, — сказал я, когда мы достигли участка, на котором стоял дом его родителей.

— О, — сказал Рид с облегчением и разочарованием на лице. — Ты работаешь по выходным тоже?

— Обычно нет, но в последнее время я беру больше смен.

— У тебя остается время для развлечений?

Развлечений? Что это? Я всегда был парнем, которому звонили друзья, чтобы пригласить потусоваться, но я отказывался потому, что работал сверхурочно как сумасшедший, что они перестали меня приглашать. Черт, когда это я стал такой грустной историей?

— Практически нет, — признался я. Только думал, что нужно что-то менять. Хотя я уже говорил это после Рождества...

— Это очень плохо. Думаю, ты слишком много работаешь.

Когда мы остановились, я схватился за волосы на затылке и потянул голову из стороны в сторону.

— Возможно, ты и прав.

— Я прав.

— И ты выглядишь слишком самодовольным.

— Я буду самодовольным, когда ты скажешь, что взял выходной, чтобы поиграть в боулинг.

— Боулинг?

— Или тусить по барам, или ходить в походы, или что ты там делаешь для развлечения.

— Боулинг, — снова сказал я, смеясь. — Ну, я буду держать тебя в курсе, когда это произойдет.

— Ты это сделаешь. А Олли?

— Да?

— Спасибо за компанию.

— В любое время.

«Правда. Не стесняйся присоединиться ко мне в любое время».

— Ты здесь бегаешь каждый день?

— Обычно около пяти дней в неделю. В последнее время я много работаю, так что иногда бегаю, когда еще темно.

— Окей. Может быть, я скоро снова тебя выловлю, — сказал он, и это прозвучало как вопрос для моих ушей.

— Ну, похоже, мы соседи, так что не думаю, что ты сможешь от меня избавиться.

Я не хотел, чтобы все так вышло, и я надеялся, что у него не сложится неверное впечатление. Ну, это было правильное впечатление, но я не хотел показывать ему это или что-то еще, так что...

«К черту. Я облажался».

— Было бы хорошо иметь рядом друга, — сказал он, засунув руки в карманы. — Во всяком случае, которого я помню.

«Друга». Да, у меня всегда было гораздо больше, чем дружеские чувства к Риду, но я мог справиться с этой дружбой. Было что-то милое в его прямолинейности и в том, как он пылливо, открыто подошел к миру после пережитой травмы. Я всегда думал о нем как о сдержанном, может быть, нерешительном парне, когда видела его у Джо, но эта версия Рида, казалось, была какой угодно, но только не застенчивой.

— Увидимся позже, Олли, — сказал он, направляясь через лужайку, ведущую к калитке родительского двора. Когда он зашел и закрыл за собой калитку, я перестал смотреть на него и помахал на прощание.

Но кого я обманывал? Это было так далеко от прощания — это было, практически, новое начало.

Глава 5

— Черт побери, неужели ты ответил на звонок, — сказал Майк, когда на следующий день я взял трубку. — Деб сегодня раз пятьдесят просила меня позвонить.

— У меня выходной, что ты хочешь? — я зевнул и сунул ноги в тапочки, чтобы пойти проверить почту, потому что забыл посмотреть вчера. Как только я вышел на улицу, я пожалел об этом. Черт, было холодно.

— Деб готовит лазанью. Хотел узнать, не хочешь ли ты зайти попозже.

— Лазанья, да? Не знаю. Звучит подозрительно, как жалкое приглашение.

— Да ладно, тебе не мешало бы поесть. Кроме того, у нее есть друг, с которым она хотела тебя познакомить...

— И вот оно, пожалуйста, — цыкнул я. — Никогда не думал, что ты меня подставишь. Как холодно.

— Что холодно, так это твоя кровать. Я просто пытаюсь помочь своему другу.

— Мне не нужна никакая помощь.

— И мне опять придется смотреть, как ты в очередной раз ждешь у Джо, когда этот парень войдет...

— Я не жду, — сказал я, закатывая глаза и вытаскивая толстую стопку конвертов из почтового ящика. Ну да, я не проверял его всю неделю. — Вот что я тебе скажу, позвони ребятам, и мы как-нибудь вечером сходим в бар.

— Да? Я готов к этому. О, и я хотел спросить тебя...

Все, что он начал говорить, вошло в одно ухо и вылетело из другого, когда я поднял глаза и увидел Рида, идущего по моей улице. Он, очевидно, уже заметил меня, потому что на его лице была улыбка, когда он махал в мою сторону.

— Олли? — позвал Майк. — Ты слышал, что я сказал?

С почтой в руке я помахал Риду, чтобы он подошел, и когда он переходил улицу, я сказал:

— Э-э, Майк, я перезвоню тебе.

— Подожди, ты придешь сегодня вечером?

— Позже, — сказал я и нажал отбой, когда Рид вышел на тротуар. Без шапки было видно, что его густые темные волосы начали отрастать. — Эй. Ты нашел меня.

— Я был тут по соседству и все такое, — пошутил он. — Просто решил подышать свежим воздухом.

— Да? — я приподнял бровь. Одетый в темные джинсы, которые сидели немного свободно на бедрах, рубашку с воротником и легкую куртку, Рид не выглядел так, как будто кто-то решил прогуляться. Но из-за того, что его нос и щеки были розовыми от холода, казалось, что он был уже какое-то время на улице.

— Да, — его взгляд упал на мою одежду. — Ты только что проснулся?

Я посмотрел на выцветшую синюю футболку и спортивные штаны, в которых заснул, когда вернулся домой вчера поздно вечером. Я, вероятно, выглядел очень помятым, и непонятно было, что у меня с волосами. Проведя свободной рукой по спутанным прядям, я сказал:

— Попался.

— Поздно лег, да? Работа или развлечения?

— Уверен, ты знаешь ответ на этот вопрос, — сказал я.

— Я подумал, может, ты примешь мое предложение поиграть в боулинг.

— Я и не думал, что пойду без тебя, — слова прозвучали необдуманно, но, когда они вырвались, это не показалось мне такой уж безумной идеей.

— Это было бы здорово. Я имею в виду, до тех пор, пока ты не решишь, что это какое-то благотворительное дело.

Он сказал это как шутку, но за беззаботным тоном, казалось, скрывалась правда. Эта мысль показалась мне смешной, и тогда я понял, что, возможно, он был так же одинок, как и я, по разным причинам.

— Нисколько. Мы должны это сделать.

— Да?

— Несомненно.

Облегченное выражение лица Рида стало тревожным.

— Слушай, прости, если это показалось странным, просто... сейчас я чувствую всех чужими. И я знаю, что мы не знаем друг друга, но... — он прикусил губу. — Ты единственный человек, который мне знаком.

Это было смешно, как сильно мое сердце трепетало от его слов, даже когда моя голова пыталась напомнить мне, что я имею дело с человеком, у которого была черепно-мозговая травма и у которого перевернулся весь его мир. *«Не самый подходящий момент для обморока, Олли».*

Рид потуже запахнул куртку, и только тогда я понял, как чертовски холодно, и, я как последний засранец, оставил его снаружи замерзать. Не говоря уже о том, что я сам был в тонкой футболке.

Вспомнив о манерах, я кивнул головой в сторону дома.

— Хочешь войти?

Губы Рида изогнулись в благодарной улыбке, и когда он кивнул, у меня в животе все перевернулось, я закрыл почтовый ящик и направился к входной двери.

— Будь осторожен на этой ступеньке, — сказал я, пиная шаткий кирпич на третьей ступеньке. Рид обошел его, а я открыл дверь и отошел в сторону, пропуская его вперед.

Он вошел осторожно, как любой незнакомец, входящий в чужой дом. Видеть его там, идущим по коридору, было совершенно нереально. Удар судьбы, который заставил Рида *прийти в мой дом* прямо сейчас?

Он остановился там, где коридор переходил в гостиную, и я был благодарен в тот момент, что не был холостяком неряхой. Минимум декора, несколько удобных серых кресел, большой диван, стеклянный журнальный столик, телевизор и развлекательный центр. Ничего на стенах, кроме абстракции в массивной раме, которая висела над диваном. Чисто. Просто.

— У тебя здесь классно, — сказал он.

— Ничего особенного, но это мой дом.

— Мне нравится, — его руки исчезли в карманах куртки. — Я думаю, что у меня, должно быть, была работа декоратора или что-то в этом роде, потому что ничто из этого не похоже на то, чего мне бы хотелось. Я имею в виду, это красиво, но... не домашнему, если, конечно, это имеет смысл.

— Здравый смысл. Могу я предложить тебе кофе или что-нибудь еще?

— О, я не пью кофе, просто воды, было бы отлично.

«*Не пьет кофе...*?» Похоже, никто не догадывался, что он любитель латте.

— Раз вода, значит, сейчас будет вода.

— Спасибо, — сказал он, просматривая мою коллекцию фильмов, на одной из полок развлекательного центра. — Кстати, вчера я искал в интернете «Человека-паука». В итоге, закончилось все просмотром фильма.

— Да? И?

— Неплохо. Но я все еще настаиваю, что если ты собираешься стать супергероем, то Супермен — это верный путь.

— Не думаю, что кто-то с тобой не согласится, — сказал я, подавая ему воду со льдом и направляясь на кухню, чтобы наполнить кружку свежесваренным кофе. Когда я вернулся, Рид все еще стоял на том же месте и потягивал воду. Я указал в сторону дивана.

— Диван не кусается, знаешь ли.

— О... точно. Конечно, — сказал он, обойдя кофейный столик и присев посередине дивана, в то время как я сел в кресло.

Поднеся кружку к губам, я сделал глоток и сказал:

— Итак...

— Итак... — он взял одну из рамок на кофейном столике. — Это ты и твоя семья?

— Да.

— Ты единственный ребенок?

— Единственный.

— Они живут где-то поблизости?

Я покачал головой.

— Нет, тут я один.

— Ты не слишком откровенен, не так ли? — подразнил он. — Где они сейчас живут?

— Их уже нет. Они умерли, когда мне было семнадцать.

Рид захлопнул рот и снова посмотрел на фотографию.

— Чувствую себя полным идиотом. Прости.

— Все нормально. Это было очень давно.

— Если ты не возражаешь, я спрошу, как они...

— Умерли? Автомобильная авария.

Голова Рида взлетела вверх.

— Водитель грузовика был слишком долго в пути. Заснул за рулем. Он свернул на нашу полосу раньше, чем мой отец успел увернуться, и врезался в нас.

— Черт, Олли, — Рид поставил фотографию обратно.

— Так что я знаю, каково это — просыпаться и не знать, кто ты. Несколько дней я ничего не помнил, и даже когда мои воспоминания вернулись, я молил Бога и всем сердцем желал, чтобы все забыть.

Он был тих в течение долгого времени.

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через все это.

— Все хорошо. Заставляет тебя быстро повзрослеть.

— Поэтому ты решил заняться медициной?

— Наилучшее предположение.

— Если я задаю слишком много вопросов, ты можешь предложить мне заткнуться.

— Полагаю, на данный момент у тебя много вопросов, — усмехнулся я.

— Это правда.

— Ну, тогда задавай.

— Да? Ты сам напросился, — сказал он, сделал глоток воды и откинулся на спинку дивана, положив одну руку на спинку. — Почему ты решил стать парамедиком? Почему не медбратом или врачом?

— Думаю, решение было принято за меня в ночь аварии. Меня бы здесь не было, если бы не женщина, которая добралась до меня первой. Она смогла вытащить меня из машины до того, как она загорелась. Она спасла меня. Оставалась со мной. Дала мне шанс. Вот и я хочу быть первым на сцене, кто попытается дать шанс кому-то другому.

— Как мне? — сказал Рид, слегка улыбнувшись.

— Как тебе.

— Это довольно смело. Тебе когда-нибудь бывает страшно?

— Все время.

«Особенно когда я увидел раздавленную кем-то красную Mazda3...»

— Не думаю, что когда-нибудь смогу работать в медицине. Я бы, наверное, упал в обморок при одном виде крови.

— Ты не поверишь, но это очень часто бывает, — сказал я, проведя рукой по волосам. Тогда мне пришло в голову, что я все еще в пижаме, со спутанными волосами, черт возьми, в то время как Рид сидел на моем диване в идеально отглаженных джинсах. Ну ладно. Слишком поздно. Я кашлянул, чтобы прочистить горло, и сделал еще один глоток кофе, прежде чем сказать:

— Мой приятель, Майк... это был его первый день на работе, и нас вызвали — падение с высоты. Итак, мы добрались туда, парень довольно сильно порезал щеку, когда упал. По подбородку и шее текла кровь. Обычно рваные раны на лице кровоточат как сумасшедшие, так что это выглядело намного хуже, чем было на самом деле. Я отправил Майка за дополнительными перевязочными материалами, а потом узнал, что его рвало везде. У каждого кустарника, по тротуару. Думал, он никогда, никогда этого не переживет.

— Со мной было бы так же, — Рид громко рассмеялся. — Укол иглой, и я в ауте.

— Да, тогда тебе лучше продолжать учить своих школьников, — *«Ох. Опять. Остановись. Иногда лучше жевать, чем говорить»*. — Я имею в виду... если ты когда-нибудь вернешься к этой работе. Черт, прости.

На его лице отразилось замешательство.

— Откуда ты знаешь, что я это делал? Учил школьников...

— Ты мне сказал. В тот день... — я жестом указал в его сторону, и понимание появилось в его глазах.

— О. Так вот, о чем мы говорили? О моей работе?

— Ммм... Ты сказал, что преподаешь уже несколько месяцев, и для тебя они казались сущим наказанием.

— Да, — он подался вперед на диване, упершись локтями в колени. — Позволь мне все прояснить. Мы никогда раньше не разговаривали, но я жаловался тебе на свою работу?

— Честно говоря, у тебя было дерьмовое утро, — пожал я плечами. — Автомат с латте был неисправен.

Рид посмотрел на меня так, будто я сошел с ума, а потом начал хихикать, сначала тихо, а потом громче, пока хихиканье не перешло в истерический смех. Я не понимал, что он нашел в моих словах смешным, но его смех был заразителен, и я улыбнулся. Независимо от причины, было приятно видеть, как он смеется.

— Не знаю, почему я смеюсь, — сказал он, кашляя и пытаясь взять себя в руки. — Я знаю, что это совсем не смешно. Мне просто кажется странным, что мой день был дерьмовым из-за якобы ужасных школьников и сломанной кофе-машины. Что она сделала, плюнула в меня, когда я проходил мимо нее или что?

— Я почти жалею об этом. Тогда того, что произошло после, можно было бы избежать, — я закрыл рот и провел рукой по лицу. Очевидно, я не хотел, чтобы это прозвучало так, как вероятно, звучало для ушей Рида, и я попытался прояснить. — Я имею в виду, что ты не попал бы в аварию...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, Олли, — сказал Рид с пониманием в улыбке. — Но, думаю, это привело меня к чему-то еще, что меня заинтересовало. Что-то личное.

«Личное, да?» Ставлю пять баксов, что слово гей вылетит у него изо рта следующим, но так как я был готов к этому, я сказал:

— Ты можешь спросить меня о чем угодно.

Он опустил взгляд на стакан, который перекачивал между ладонями.

— Почему ты навестил меня в больнице?

«Окееей, это не слово гей». Вместо этого он задал единственный вопрос, на который я не хотел отвечать.

— Ты так поступаешь со всеми, кому помогаешь? — продолжал спрашивать он.

Я хотел солгать, сказать ему, что я всегда пробираюсь в палаты пациентов, чтобы навестить их, но, когда я увидел искренность в его глазах, то не смог скрыть правду.

— Ответить честно? — спросил я, и он кивнул. — Нет... Нет, я никогда не навещаю пациентов после того, как мы привозим их в больницу, — и, прежде чем он смог задать вопрос, который, как я знал, был на кончике его языка, я добавил: — Иногда я интересуюсь о них другими способами. Например, звоню в скорую, и, если моя подруга берет трубку, она дает мне краткую информацию о состоянии пациента. Но я не должен этого делать, потому что это нарушение частной жизни больного.

Рид приподнял брови.

— Это так?

— Да.

— И в день аварии мы впервые заговорили?

— Да.

Он потер лоб, словно погрузившись в глубокие раздумья, и до него дошло, что я сказал.

— Тогда я ничего не понимаю. Не пойми меня неправильно, но... почему ты был в моей палате, когда я проснулся?

— Потому что... — я не мог подобрать слов. — Ты должен понять, я видел тебя каждый день. Ты всегда приходил в одно и то же место, к Джо, и брал свой ежедневный латте — да, ты пьешь кофе. И я не знаю, как сказать, Рид. Нет, мы не знали друг друга, но мне казалось, что я знаю тебя. Ты был мне знаком. И когда я ответил на сигнал и увидел, что это ты попал в аварию... Я должен был знать, что с тобой все будет хорошо, когда я уйду, и не важно, что это будет неправильно.

Рид не двигался, не моргал. Просто смотрел на меня, пока обдумывал мои слова. Или, может быть, он видел другое сквозь то, что я сказал ему, о чем не нужно было упоминать. Но потом он кивнул и посмотрел на стакан в своих руках.

— Я ценю это, Олли. Мне кажется, я бы сделал то же самое для тебя, если бы мы поменялись местами, — он подошел, поднес стакан к губам и остановился. — Подожди. Ты сказал, что я пью кофе?

Я не мог сдерживать смех и поднял свою кружку.

— Только латте каждый день. Ты вообще пробовал кофе в последнее время?

— Нет. Я просто предположил, что не люблю его.

— Не хочешь попробовать?

— Э-э... я попробую в другой раз, — сказал он и допил воду. — Итак... у тебя были какие-нибудь планы на сегодня, кроме как отвечать на все мои вопросы? Полагаю, тебе, наверное, нужно работать, да?

— Нет, у меня сегодня выходной. Несколько вещей, я думаю, которые мог бы сделать, но обычно я расслабляюсь и ничего не делаю.

— И тут такой я, чертовски тебя достал, — Рид поднялся на ноги.

— Куда ты направился?

— Думаю, я отнял у тебя достаточно времени.

— Что? Нет, останься, — и тогда, прежде чем я понял, чем это все может закончиться, я спросил: — Как ты относишься к пицце? И может быть, кино? Обещаю, у меня в заначке есть кое-что получше «Человека-паука».

— Ты хочешь, чтобы я остался? — нахмурившись, сказал Рид.

«*Черт возьми, да*». Но сейчас не время для *такого* большого энтузиазма.

— Конечно. Никакого давления, но ты выглядишь так, будто тебе самому не помешало бы подкрепиться.

Рид жевал губу, пока спорил сам с собой, и мне было интересно, что заставило его захотеть уйти. Он чувствовал, что слишком надавил на меня? Или, что еще хуже, он думал, что я к нему пристаю?

— Если ты уверен...

— Я уверен. Но есть кое-что важное, что мы должны обсудить, если ты останешься.

Рид снова уселся на диван.

— И что же это?

— Пепперони или сосиски?

Глава 6

— О нет, — сказал Майк на следующий день, подходя к тому месту, где я сидел в задней части машины скорой помощи, проверяя оборудование и инвентарь.

— Что случилось?

Он сморщил свой нос.

— У тебя на лице уродливая улыбка в тридцать два зуба.

— Да пошел ты, — я закатил глаза и вернулся к своему перечню.

— Это как-то связано с тем, почему ты вчера вечером не пришел к нам с Деб? У тебя было предложение получше? — дразнил он.

— Слушай, без обид, потому что вы знаете, что я люблю вас, ребята, но я еще могу думать о миллионе разных вещей, которые предпочел бы делать, вместо того, чтобы быть подставленным.

— Ты избегаешь моего вопроса.

— Я и не собирался отвечать.

— Чувак. Ты. Кто это, из-за кого этим утром ты выглядишь таким счастливым?

— Почему это должно быть кто-то? Может, я наконец-то выспался. У меня был выходной.

Майк фыркнул.

— Черт, уверен, что сон тут однозначно не при чем.

— Ты извращенец.

— А ты от меня что-то скрываешь.

Я знал Майка достаточно хорошо, чтобы понять, что он не перестанет поддевать, пока не выведает всю правду. Так мне и надо, потому что когда я был на его месте, я делал то же самое.

Опустив планшет, я сказал:

— Если я расскажу тебе, ты должен пообещать, что не будешь делать из этого грандиозного события.

— Это ну ооочень грандиозное событие, но ты не хочешь, чтобы я воспринимал его так? Понятно.

— Это не... — вздохнув, я покачал головой, а затем рассказал ему сокращенную версию того, как мы с Ридом столкнулись друг с другом и подружились за последние пару дней. Я даже не успел закончить детали об ужине, когда он прервал меня.

— Погоди-ка, погоди-ка секундочку. Ты снова с ним встречаешься? Сегодня?

«О, вот мы и приехали».

— Мы просто собираемся сходить в рыбный гриль-бар...

— Заткнись, черт возьми, — сказал Майк, а затем достаточно громко вскрикнул, так что один из наших коллег просунул голову внутрь, чтобы посмотреть, в чем дело. Майк не обратил на него внимания, поскольку полностью сосредоточился на мне.

— Йээй, это свидание.

— Это не свидание.

— Это свидание.

— Это просто ужин.

— Да, *свидание* за ужином.

Я бросил в него планшет с перечнем, и он поймал его, смеясь.

— Ты проверишь оставшуюся часть? — спросил я.

— Почему? Тебе нужно подготовиться к свиданию?

Качая головой, я спрыгнул с машины и проигнорировал имитацию сексуальных звуков Майка позади меня. *«Боже. С этим парнем просто невозможно».*

Прежде чем я успел выйти из гаража, Майк решил, что неплохо бы разбудить все здание, потому что его громкий голос эхом отразился от стен, когда он крикнул:

— Эй, Олли! Обязательно сходи на первое свидание, — когда я с ужасом взглянул на него, он подмигнул мне. — С таким парнем.

Мне действительно нужно было, чтобы кто-то напомнил мне, почему я дружу с ним.

Показав ему свои средние пальцы, я вышел из гаража, и звук его смеха следовал за мной.

* * *

— Прекрасно, я не знаю, был ли я тут раньше, чтобы говорить это, но это была лучшая еда, которую я когда-либо ел в своей жизни, — Рид одобрительно погладил живот, когда я придерживал открытой входную дверь рыбного гриль-бара.

Когда дверь за нами захлопнулась, я засмеялся и обернул шею шарфом, чтобы спрятаться от холодного воздуха.

— Не уверен, что когда-то видел, чтобы кто-то ел так много крабовых ножек. Я рад, что тебе понравилось.

— Не то слово, — сказал он, останавливаясь на полпути к пирсу, чтобы посмотреть на что-то в темном озере. — Думаешь, они берут рыбу здесь?

— Возможно, что-то из этого озера.

— Не могу больше думать о еде, — сказал он, оттолкнувшись от перил. — Ты не против катить меня по улице? Я не смогу добраться до машины.

— Я бы понес тебя, но пятьдесят фунтов крабового мяса в твоём желудке могут значительно замедлить нас.

Рид оглянулся на меня, его глаза сверкнули под фонарем.

— Это очень хорошее предложение.

— Было бы, если бы я не шутил, — я засунул руки в карманы куртки, чтобы у меня не возникло соблазна сделать какую-нибудь глупость, например, схватить его за руку, а потом, проходя мимо, подтолкнуть его.

— Ну же, копуша.

— Я не копуша. Я сытый.

Я усмехнулся, когда он сделал вид, что переваливается с ноги на ногу позади меня, и замедлился, чтобы он догнал меня.

— Ты был тут в последнее время? — спросил я, кивнув в сторону Брод-стрит. *«В переводе: Ты вообще помнишь центр города Флорид Хиллз?»* Когда Рид покачал головой, я посмотрел на крошечные белые огоньки, висевшие на деревьях вдоль улиц, придавая центру города праздничное сияние в эти мрачные и серые февральские дни.

— Не хочешь посмотреть?

Рид улыбнулся.

— Да. Мне бы этого очень хотелось.

Мы шли по тротуару, и я, останавливаясь, рассказывал о магазинах, ресторанах и барах, мимо которых мы проходили, многие из которых должны были уже закрываться. Рид жадно слушал, задавая вопросы, или шутил, когда мы вглядывались в витрины.

Когда мы подошли к Newton's Music, Рид остановился и, прищурившись, посмотрел на вывеску, прежде чем снова посмотреть на витрину магазина.

— Я знаю это место, — пробормотал он, подходя к витрине, чтобы заглянуть внутрь.

— Ты был тут раньше?

— Я... мне так кажется, — он смотрел на различные музыкальные инструменты, гитары и барабанную установку, но, когда его взгляд остановился на маленьком рояле, его рука поднялась к стеклу.

— Что с тобой? — пока он продолжал рассматривать, я проверил часы работы магазина. Он еще работал. — Хочешь зайти внутрь?

— Думаю, да, — оттолкнувшись от стекла, как будто в трансе, он вошел в маленький магазин, и я только мог представить, что сейчас происходило у него в голове. Что-то возвращается к нему? Будет ли это началом, толчком, который вызовет его воспоминания, заполняющие темные пространства в его сознании?

Дверь за нами закрылась, и женщина, лет шестидесяти, вышла из задней части магазина и тепло приветствовала нас, прежде чем остановила пристальный взгляд на Риде.

— О небеса, я не знала, что ты зайдешь! Я так рада тебя видеть. Подойди сюда, — она схватила Рида за плечи и крепко обняла его, пока он смотрел на меня, словно спрашивая: «Кто, черт возьми, эта женщина?».

Когда она отстранилась, Рид нерешительно улыбнулся и спросил:

— Вы знаете меня?

— Как же я могу забыть такого талантливого исполнителя, как ты, Рид Валентайн, — сказала женщина. — Кроме того, ты прекрасно знаешь, что всегда был моим любимцем. Хотя прошло так много времени с тех пор, как ты последний раз заходил. Чем я могу вам помочь?

Рид уставился на женщину, как будто пытаясь понять, откуда он ее знает, и когда он не ответил после продолжительной паузы, я слегка подтолкнул его. Он моргнул, качая головой.

— О, э-э... думаю, что вы не будете возражать, если я... — Рид посмотрел на рояль, и женщина вздохнула.

— Рид, с удовольствием. Да, конечно, — сказала она, указывая на инструмент.

Я последовал за Ридом, когда он подошел и благоговейно провел рукой по крышке рояля.

— Ты играешь? — спросил я.

— Да, — прошептал он и сел на скамеечку, выпрямив спину и держа пальцы над клавишами. Он, конечно, выглядел как настоящий пианист, но только когда его руки начали плавно двигаться по клавишам, как будто знакомясь с ними, я понял, что он не просто выглядел органично — он был на *своем* месте.

Магазин наполнила тихая, грустная мелодия, и краем глаза я увидел сияющую женщину, прислонившуюся к задней стойке с прижатыми к груди руками.

Я обогнул рояль и сел рядом с Ридом, пока он продолжал играть, его движения уже не были неуверенными, они были мастерскими.

— Это потрясающе.

— Спасибо, — сказал он, не пропуская ни одной ноты. То, как его руки так грациозно скользили по клавишам, завораживало, и я без сомнения понимал, что могу часами смотреть, как он играет. Я хотел спросить, где он научился играть. Хотел спросить его о стольких вещах, но сейчас я просто с удовольствием слушал.

— Сегодня ко мне кое-кто приходил, — тихо сказал он.

— О?

— Она сказала, что мы встречались несколько лет.

Я проигнорировал боль в груди.

— Ты ее не помнишь?

— Не совсем. Ее зовут Наташа. Она была милой. Красивая. Теперь я понимаю, почему она мне нравилась.

То, как он так небрежно говорил о своей прошлой любви — девушке — лишний раз напоминало, что Рид никогда не будет для меня вариантом. Он как будто дал мне пощечину, говоря: *«Проснись, тупица»*, — и я невольно вздрогнул. Не то чтобы я забыл, что Рид натурал. Нет, мне просто больше не приходило в голову, что это имеет значение. Мы только начали узнавать друг друга, но столкнувшись с женщиной из его прошлого... *«Ну, черт. Это было больно, хотя и не должно так быть»*.

— Она помогла мне понять несколько вещей, — сказал Рид, когда его длинные, изящные пальцы танцевали по клавишам. — Я задавался вопросом, почему пошел преподавать, когда все, что я когда-либо хотел делать, когда был моложе, — это гастролировать по миру, играя музыку. Оказывается, — его рука передвинулась к концу ряда клавиш, и зазвучали трепетные звонкие ноты, — я это делал.

Мои брови приподнялись.

— Ты гастролировал? Играл на рояле?

— Ммм... У Наташи был альбом с фотографиями с разных мест по всей стране, которые она хранила. Небольшие площадки, конечно, ничего серьезного, но все же. Я это делал.

— Она, — сглотнул я, — вообще упоминала о ваших отношениях? Почему вы расстались?

— Это прозвучит странно, но... я не знал, о чем с ней говорить. Я задал тебе, человеку, которого едва знал в другой жизни, сотню вопросов, но с этой девушкой, с которой я якобы провел два года своей жизни, ничего, — мелодия изменилась, превращаясь в раскаленный гул низких нот. — Она показала мне фотографии нас вместе, путешествующих, проводящих отпуск с семьей. Мне казалось, что я смотрю на чужую жизнь. Я ничего не понимаю. Я просто так... злюсь. Там только пустые места, и я не знаю, что должен делать, или кто я, или как вернуть свою жизнь, — он бил по клавишам, выплескивая свои эмоции. — Или даже если я хочу вернуть эту жизнь. Из того, что я видел, я не могу сказать, что знаю, чего хочу. Например... я хочу начать все сначала. Чистый лист, новое начало, но я даже не знаю, как это сделать, — он задохнулся от своих слов и отдернул руки.

В тишине, которая без музыки заполнила комнату, единственным звуком, который можно было услышать, было его рваное дыхание. Не раздумывая, я положил руку ему на спину, желая как-то избавить его от паники и разочарования, которые бушевали внутри него. Он не отстранился, вытирая глаза рукавом и позволяя мне медленно выводить круги на его спине.

— Прости, — прошептал он. — Я так стараюсь.

— Все хорошо. Тебе не нужно быть храбрым.

Рид издал сдавленный смех.

— Говорит Супермен.

— Я открою тебе секрет, — сказал я и подождал, пока он не посмотрит на меня.

Печаль кружилась в его коричневых глубинах, и я всей душой желал стереть ее. Дать ему новый старт, в котором он нуждался. Было что-то настолько доверчивое в человеке, сидящем рядом со мной, и именно поэтому я не колебался в том, что сказал дальше: — Я никогда не был так напуган, как в тот день, когда увидел тебя лицом вниз в машине. Думаю, в тот день я молился больше, чем когда-либо в жизни.

— На самом деле? — сказал он. — Почему?

— Потому что ты был для меня кем-то, независимо от того, знали мы друг друга или нет. Я знал, что твоя жизнь зависит от того, как быстро я вытащу тебя из машины. Как быстро мы сможем тебя реанимировать и доставить в больницу. Уверю тебя, тогда я не чувствовал себя храбрым.

Глаза Рида наполнились слезами, когда я держал его взгляд, чтобы он мог почувствовать правду моих слов. Мне было все равно, видит ли он меня насквозь, я только хотел, чтобы он почувствовал эту связь, в которой он так отчаянно нуждался.

Он сглотнул, опустил глаза и его веки закрылись.

— Спасибо тебе, Олли.

— Всегда пожалуйста, Рид.

Снова выпрямившись, он глубоко вздохнул, и я убрал руку со спины. Моя рука касалась его, посылая мурашки по спине, и ощущала дрожь Рида. Затем он снова начал играть, скользя пальцами по клавишам.

Грусть и тревога прошлого перешли в нечто более мирное, почти как колыбельная, под которую я мог заснуть.

— Мне нравится. Ты знаешь, что это?

— Я играю это по памяти, — тихо сказал он, и пока он продолжал играть, я позволил своим глазам закрыться. Однако слишком быстро все закончилось, и Рид усмехнувшись, толкнул меня.

— Я заставил тебя заснуть. Это нехорошо, — задумчиво произнес он, хотя губы его изогнулись в улыбке.

— Не думаю, что я был так расслаблен в течение последних нескольких недель. Я мог бы слушать эту музыку каждый вечер.

— Я буду считать это комплиментом.

— Будь уверен. Это было прекрасно, — я оглянулся, чтобы посмотреть, все ли еще рядом женщина, но после эмоционального всплеска Рида она, должно быть, ускользнула, чтобы дать нам немного побыть наедине. — Знаешь, я думаю, что женщина, которая здесь работает, была твоей учительницей.

Уголок рта Рида приподнялся.

— Она не та, у кого я учился, но... может быть, позже? Я не помню. Наверное, было бы странно мне спрашивать об этом.

— Нет, просто скажи: «Эй, у меня была тяжелая черепно-мозговая травма, и я понятия не имею, кто вы, черт возьми, так что, не можете ли просветить меня, пожалуйста?»

Он засмеялся.

— Вот так просто, не правда ли?

— Да. Легко, — я посмотрел вниз, на его пальцы, которые все еще были на клавишах. — Кстати, о легком... сыграешь мне еще?

— Да? — спросил он, широко улыбаясь. — Хорошо, давай посмотрим, — через мгновение он начал играть бодрую, веселую мелодию, которую я узнал, но не мог вспомнить название, и он пританцовывал немного на своем месте, заставляя нас обоих смеяться.

— Рид, очевидно, это именно то, в чем ты великолепен, и если ты зарабатывал на жизнь тем, что любишь, тогда почему ты бросил это? Наташа... сказала?

— Скорее всего, мои родители были не очень заинтересованы в моем выборе карьеры. Забавно, если учесть, что в детстве они заставляли меня брать уроки игры на фортепиано три раза в неделю. Чтобы быть *культурным*, — сказал он с улыбкой. — Я думаю, что эти уроки были больше для того, чтобы «держать меня от неприятностей», чем для карьеры.

Я приподнял одну бровь.

— Они что-то имели против искусства?

— Это просто не «настоящая» работа. Мои родители... дело в том, что они не из богатых семей. Мой отец работал в банке, и в моей голове практически просверлилось, что мне нужен колледж и постоянная работа.

— Это твоя жизнь.

— Да. Но что происходит, когда ты не можешь оплатить счета, и твоя семья предлагает некоторую стабильность? Новую машину, квартиру, способ встать финансово на ноги вместо того, чтобы путешествовать как цыгане и надеяться на концерты.

— И ты согласился.

— Я согласился, — вздохнул Рид. — Они хорошие люди. Они хотят лучшее для меня, я знаю, и они это делают. Но трудно не обижаться после всего, что случилось...

— Потому что ты не вернулся бы сюда, не было бы новой машины и не было бы несчастного случая, — закончил я. — Это веская причина, чтобы злиться на меня, но я готов поспорить, что их вина так же очевидна.

— Вот почему я стараюсь не злиться.

— Ну, могло быть и хуже. Ты мог бы стать банкиром, как папа. Хотя старшекласники тоже ненамного лучше. Чем занимается твоя мама?

Рид посмотрел на меня и грустно улыбнулся.

— Мама работает учительницей.

«Аааа... Вот вам и ответ». Ему не нужно было ничего говорить. Давление семьи и отсутствие денег заставят любого выбрать стабильную жизнь.

Когда Рид закончил последние ноты, я начал хлопать в ладоши, а затем он встал и наигранно поклонился.

— Думаю, после этого ты заслуживаешь чаевых.

— Только купюры по двадцать и пятьдесят, пожалуйста.

— Черт. Если это текущая ставка на сегодня для чаевых пианиста, мне придется сидеть дома. Я подумал, может немного сладкого?

— Да? Я готов вести переговоры.

— Все зависит от того, сыт ли ты еще. Там, вниз по улице, есть «убийца» — магазин мороженого...

— Продано, — сказал Рид, хватая меня за руку и поднимая со скамейки, пока я смеялся над его рвением.

— Мороженое — это его слабость. Рад слышать, — сказал я себе, поднимаясь на ноги.

— Поторопись, Олли, — сказал Рид, сверкая глазами. — Я как-то внезапно проголодался.

Глава 7

Последние несколько дней пролетели незаметно: вместо обычных восьми я работал по двенадцать часов в смену и начинал нервничать. Прошло три дня с тех пор, как я видел Рида, и я обнаружил, что расхаживаю по дому, как наркоман, ищущий дозы.

Печально.

К сожалению, у меня не было возможности изменить ситуацию, так как я обещал пойти сегодня вечером с парнями. Раньше мы собирались вместе, по крайней мере, раз в неделю в центре города, то в бильярд, то на пиво, но в последнее время жизненные обстоятельства стали мешать не только мне, но и всем нам.

После быстрого принятия душа я надел джинсы и сорвал бирки с футболки с длинными рукавами, которую купил на днях. Погода не могла решить, будет ли на этой неделе теплой или холодной, поэтому мне пришлось купить новую одежду, универсальную для любой погоды.

Я зачерпнул немного геля на пальцы, а затем провел ими по волосам. Каштановые пряди были естественно волнистыми, и так как они были непослушными, я таким образом старался их немного приручить.

Мой сотовый зазвонил, когда я заканчивал, и я вытер руки, прежде чем ответить.

Майк. Без сомнения, он звонил, чтобы убедиться, что я не передумал.

— Да, я обязательно пойду, мамочка, — сказал я в знак приветствия.

— Вообще-то, именно поэтому я и звоню. Прости, что так поступаю с тобой, чувак, но мы с Тедом задерживаемся на станции Скорой помощи, и, скорее всего, освободимся поздно. Не возражаешь, если мы соберемся в следующие выходные?

Вероятно, от этого мне должно было быть хреново, но я почувствовал облегчение. Мне всегда нравилось встречаться с друзьями, но последнее время мои мысли были заняты кем-то другим, чтобы думать еще о чем-то.

— Все нормально. Вам нужна помощь?

— Нет, мы справляемся. Но, может быть, это подтолкнет тебя к небольшим действиям с твоим парнем, а?

Я застонал:

— Он не мой парень, и никаких действий не будет. Просто выкинь это из головы.

— Никогда не говори «никогда», дружище. Одну секунду... — должно быть, Майк убрал телефон от уха, потому что разговор был невнятным, а потом продолжил, — прости, Олли, мне надо бежать. Дай остальным знать, хорошо?

— Да, я понял.

Когда я отключил трубку, у меня начала формироваться идея, и прежде чем я смог отговорить себя от этого, схватил свой бумажник и направился к двери.

Через две минуты я был на крыльце дома родителей Рида и звонил в дверь. Если я не могу выкинуть его из головы, то это обязательно надо исправлять.

Через несколько секунд Рид открыл дверь, и на его красивом лице отразились удивление и восторг. Босой, в черных спортивных штанах и футболке, он был самым сексуальным парнем, которого я когда-либо видел, и мне пришлось придержать челюсть.

— Олли, — сказал он. — Что привело тебя сюда?

— Хочешь поиграть в боулинг?

Он моргнул.

— Боулинг? Seriously?

— Seriously.

Широкая улыбка появилась на его лице.

— Черт возьми, да. Сейчас?

— Если только ты не занят.

— Нет, все в порядке, — он остановился и посмотрел на свой наряд. — Наверное, мне стоит переодеться...

— Нет, не надо, — слишком быстро сказал я, и когда он поднял брови, я пожал плечами, как будто совсем не думал, как он чертовски потрясающе выглядит. — То, что на тебе надето, отлично.

— Да? Хорошо, тогда позволь мне обуться, — он исчез на минуту, а потом вернулся, захлопнув за собой дверь и закрывая ее на ключ. Когда он повел плечами, поправляя светлую куртку, его глаза блуждали по моей груди, и я почувствовал его взгляд, как будто клеймо раскаленного железа.

— Мне нравится эта футболка, — сказал он, поднимая воротник. — Почти такого же цвета, как твои глаза.

То, как он это сказал, звучало так небрежно, и я решил, что он даже не понял, что делает комплимент другому мужчине. Все вышло само собой, как будто он говорил о погоде.

Конечно, внутри я раздувался, как гордый павлин, что он так на меня смотрел.

— Спасибо, — сказал я. — Готов?

— Готов, — ответил он.

Я сузил глаза и с дразнящими нотками протянул:

— Не думаю, что ты готов к тому, что сейчас произойдет, но я с нетерпением жду вызова.

— Ах, вот как это будет? — рассмеялся он. — Я с нетерпением жду, чтобы доказать, что ты неправ.

Когда мы сошли с крыльца, белый внедорожник заехал на подъездную дорожку и остановился рядом с моей машиной, и его мама вышла, так же безукоризненна, как в первый и последний раз, когда я видел ее в больничной палате Рида. Она достала с заднего сиденья пакет, упакованный до краев продуктами, а затем пошла по дорожке, и когда она увидела меня, то вздрогнула.

— Оливер... привет, — сказала она, придерживая пакет на бедре и вежливо улыбаясь. — Как поживаешь?

— Здравствуйте, миссис Валентайн. Со мной все в порядке, а вы?

— Привет, мам. Мы идем в боулинг, — сообщил ей Рид, прежде чем она успела ответить. — Я скоро вернусь.

— О. Это хорошо, — она с любопытством перевела взгляд с Рида на меня. — Будь осторожен.

Рид поцеловал мать в щеку и потянулся к пакету, который она несла.

— Хорошо, буду. Тебе помочь занести пакет?

— Что? Нет, нет, я справлюсь. Идите развлекайтесь, мальчики.

— До свидания, миссис Валентайн, — сказал я, вытаскивая ключи из кармана. — Я буду беречь его как зеницу ока.

— Конечно, — ее лоб нахмурился, но ей удалось еще раз улыбнуться, но всю дорогу до моей машины, я чувствовал ее вопросительный взгляд на своей спине.

* * *

Переодевшись в уродливые ботинки, которые, казалось, были во всех боулингах страны, мы с Ридом выбрали шары и, видя, что рядом с нами никого не было, заняли два стула около монитора.

— Я предполагаю, что тебе не нужен Человек-Паук, — дразнил я, заполняя наши профили игроков. Рид, конечно, назвал меня суперменом, но, на мой взгляд, ему не нужно было придумывать имя. Идеальным вариантом был Валентайн.

— А как же Синяя птица? — предложил он.

Я повернул голову к нему лицом и открыл рот. *«Это откуда взялось?»*

— Как ты... — сказал я, теряясь в словах. Когда я вообще ему это сказал... В машине скорой помощи, когда не думал, что он меня слышит. *«Слово не воробей, Олли».*

— Разве ты не так меня называл? — спросил Рид, а потом нахмурился. — Мне это не приснилось, не так ли?

— Э-э, нет. Нет, тебе это не приснилось, — я чувствовал, как горячий поток смущения распространяется по моему телу. Почему этот парень так на меня действует? Я никогда не был человеком, который стеснялся кого-либо, но Рид? Он превратил меня в Олли подросткового возраста; я только надеялся, что это не слишком заметно.

— Мне нравится Синяя птица, — сказал Рид, и улыбка медленно расплзлась на его лице. Он так хорошо выглядел, его кожа была гладкой и без шрамов от стекла, которое впилося в его лицо всего несколько недель назад. — Олли?

— Хм? — я встряхнулся от оцепенения. — Прости, ты что-то сказал?

— Я сказал, почему бы тебе не поменять? — Рид указал на монитор.

— Ты хочешь быть Синей птицей?

— Думаю, что уже готов к этому.

«Черт. Желудок. Сальто».

— Хорошо, — сказал я, набирая имя, которое придумал для него несколько месяцев назад.

Рид помешивал соломинкой содовую, его взгляд прошел мимо меня.

— Этот парень наблюдает за тобой.

— Кто? — спросил я, оглядываясь на ближайшие к нам дорожки.

— Нет, вон там, на восьмой дорожке, в красной рубашке.

Я обернулся и сразу же встретился взглядом с привлекательным темноволосым парнем лет тридцати. Он улыбнулся в мою сторону, но, если раньше я обычно подавал кому-то знак подойти, то сейчас я развернулся к монитору, чтобы закончить наши профили.

— Что? — спросил Рид. — Разве он не в твоём вкусе?

— Я здесь не для того, чтобы встречаться с парнями. Я здесь, чтобы надрать тебе задницу, — сказал я, вставая на ноги, а затем взял шар, который ранее выбрал из стойки. Я сделал бросок и одним ударом шар сбил все десять кеглей, выстроенных в одну линию.

Я неспешно вернулся к Риду с ухмылкой на лице *«глотай за мной пыль»* и сел рядом с ним.

— О, у нас тут объявился профессионал. Тогда ладно, — Рид встал и потянулся из стороны в сторону преувеличенными движениями, которые заставили меня усмехнуться.

— Вперед, — усмехался я. — Покажи мне. Я бросаю тебе вызов.

Он не торопился, настраиваясь, но, когда он выпустил шар, он приземлился с громким стуком и быстро скатился в желоб.

Когда я вопросительно поднял бровь, он сказал:

— Это я специально.

Второй бросок Риду удалось сделать ненамного лучше, сбив две кегли. Когда он сел рядом со мной и увидел ухмылку на моем лице, он пожал плечами.

— Что? Это у меня черепно-мозговая травма. Ты должен быть помягче со мной.

Я похрюкивал от смеха, вставая делать свои броски.

— Ты вообще музыкальный гений и можешь позволить мне это.

— Привет, Супермен. Я не должен позволить тебе такое дерьмо. Я просто разогреваюсь.

Я тихо свистнул, когда он дразнил меня, и сказал:

— Теперь все серьезно. Хочешь пари?

— Сколько очков ты позволишь мне выиграть?

— Я ни черта не позволю тебе это сделать. Я не люблю проигрывать.

Я выбил еще один страйк, и когда откинулся на сиденье, Рид покачал головой.

— Я начинаю жалеть о своей болтовне.

— Так быстро сдаешься?

— Никогда, — затем что-то за моим плечом привлекло его внимание. — Он все еще смотрит.

— Красная рубашка? Пусть смотрит.

— Тебе действительно не интересно?

— Ты действительно хочешь, чтобы я встал и оставил тебя здесь одного?

— Не совсем, — нахмурился Рид, — Очевидно, я дерьмовый игрок. Меня не надо оставлять в одиночестве. По крайней мере, на дорожке без бортиков, чтобы шар не скатился в сточную канаву.

Посмеиваясь, я столкнул его со стула.

— Тогда иди и делай свое грязное дело. Теперь твоя очередь.

— Мини-гольф, — сказал Рид, вернувшись после двух бросков. — Держу пари, я действительно классный игрок в мини-гольф.

— Хочешь, я дам тебе пару советов на следующих бросках? На бесплатной основе.

— И признать, что ты король боулинга? Никогда.

— Как хочешь, — сказал я, но прежде чем я успел поднять шар, Рид подскочил ко мне сзади.

— Хорошо, хорошо. Может быть, было бы неплохо хотя бы научиться избегать сточной канавы.

— Ты думаешь? — ухмыльнулся я и шагнул на дорожку. — Теперь смотри, что я делаю. Я поворачиваюсь немного вправо и встаю достаточно далеко, чтобы сделать около четырех шагов, прежде чем отпустить шар. Теперь, чтобы получился удачный бросок, шар должен попасть в промежуток между первой и третьей кеглей. Вот одна в центре и одна справа. Вот куда я целюсь, — я отступил назад, а затем следуя инструкциям, которые я только что выложил для него, сделал бросок, и через несколько секунд шар врезался в кегли, отправляя их в разные стороны.

Рид положил руки на бедра.

— Я почти уверен, что именно так я это и делал.

— Ты так поздно отпускаешь шар, что, наверное, оставил вмятины на дорожке. Подойди сюда.

Он прижал шар к груди, а когда подошел ближе, я положил руки ему на плечи и повел туда, где ему нужно было встать.

— Видишь те стрелки внизу? Ты тоже правша, поэтому надо целиться во вторую стрелку справа. И убедись, что ты опустил руку достаточно низко, чтобы шар выскальзывал из рук.

— О, так ты не бросаешь его как бейсбольный мяч? — сказал Рид, его голос сочился сарказмом, и, если бы он был моим, у меня было бы искушение стереть поцелуем эту ухмылку с его лица.

— Нет, умная задница, — я старался не обращать внимания на то, как близко мы были, и то, что его спина касалась моей груди. Я старался не вдыхать запах шампуня, которым от него пахло, и не проводить руками по его плечам до бицепсов. Мне даже не надо было представлять то, как его кожа будет чувствоваться под моими руками, дрожь его живота, когда я потянусь к пуговице его штанов...

— Ты предлагаешь, куда его бросить?

Я отпустил его и шагнул в сторону, чтобы дать ему возможность двигаться.

— Сделай несколько шагов, не спуская глаз с этой стрелки, а затем, как только доберешься до линии, отпускай шар, — сказал я, показывая ему как завершить бросок.

Рид переложил шар в другую руку, а затем повторил мои движения.

— Вот так?

— Да, только немного поверни руку, — я потянулся к его запястью, почувствовав под кончиками пальцев ровный пульс, намного сильнее, чем в прошлый раз, когда я касался его таким образом, а затем повернул его в нужную сторону. Когда я поднял глаза, темные глаза Рида с интересом смотрели на меня, и что-то в выражении его лица заставило мое сердце забиться. — Попробуй, — тихо сказал я, отпустил его руку и попятился в сторону.

Рид снова сосредоточился на дорожке и не торопился, отходя от линии, и когда на этот раз он отпустил шар, он выскользнул из его рук и плавно покатился по дорожке и сбил больше половины кеглей.

— Черт возьми, да! — крикнул я, и Рид усмехнулся. — Намного лучше.

— Теперь ты выдал свои секреты. Это лишь вопрос времени, пока я не догоню мастера.

«Не стесняйся обгонять меня, в любое время», — подумал я.

— Семь кеглей, и он становится дерзким ублюдком.

Он рассмеялся и взял еще один шар.

— Что же мне теперь делать с остальными?

— Ты хочешь сказать, что не знаешь? — ахнул я.

— Конечно, знаю. Я же не дилетант. Мне просто интересно, что бы *ты* сделал.

— Ммм, непременно, — поддразнивая, сказал я и с удовольствием еще раз показал ему, где стоять и куда целиться, чтобы сбить оставшиеся кегли. — Хорошо, Синяя птица. Покажи мне, на что ты способен.

Я мог бы поклясться, что чувствовал, как он слегка дрожал под моими руками, прежде чем я отпустил его, но, должно быть, у меня разыгралось воображение.

Он сделал неуверенный шаг вперед, но затем собрался и отправил шар по дорожке. Когда он сбил все кегли, кроме одной, он громко вскрикнул, прежде чем развернуться и указать на меня.

— Ты видел это? Я приду за тобой.

«Я очень на это надеюсь», — подумал я.

— Мне нравится решать сложные задачи. Ну давай.

Рид смеялся до тех пор, пока его глаза не переместились мимо меня, а затем его улыбка потускнела. Я обернулся и увидел парня в красной рубашке, стоящего у наших стульев, склонив голову набок и кидая на меня двусмысленные взгляды.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — сказал он, медленно переводя взгляд на мое лицо, — но я заметил, что ты даешь своему другу советы и подумал... может быть, ты мне тоже поможешь?

«Советы?» Единственный совет, который так желал получить парень, это каким лучше способом отсосать у меня.

— Вообще-то, я немного занят...

— Ничего страшного. Я быстро учусь, — сказал он, соблазнительным голосом. — Это не займет много времени.

— Я так не думаю...

— Ты должен пойти, — сказал Рид, и когда я бросил на него взгляд, он натянуто улыбнулся. — Эгоистично держать тебя при себе, когда ты можешь помочь кому-то другому.

«Что? Будь эгоистом!» — хотел сказать я, но, когда я попытался возразить, Рид кивнул головой в сторону бара.

— Я пойду возьму картофель фри или еще чего-нибудь, — сказал он. — Не торопитесь.

— Рид... — пошел я за ним, но парень в красной рубашке встал передо мной.

— С чего мы должны начать? Думаю, я использую шар не того размера. Может, мне лучше воспользоваться твоим? — он посмотрел на молнию на моих штанах.

«Господи, в самом деле?» Я взглянул на Рида, стоящего в одиночестве около стойки. Я не мог думать о ком-то другом, даже с-таким-лицом парне в красной рубашке. Не тогда, когда я все еще чувствовал, как рука Рида каждый раз касается моей, когда он

проходит мимо меня или сидит рядом со мной, и не тогда, когда опьяняющий одеколон, которым он пользуется, заполняет мой нос и заставляет мою голову кружиться.

— Послушай, — сказал я, — я очень ценю, что ты хочешь моей... помощи, но я не заинтересован. Поищи кого-то другого, чтобы поиграть с его яйцами.

И прежде чем он успел сказать еще хоть слово, я подскочил к бару как раз в тот момент, когда Рид подошел сделать заказ.

— Думаю, я в настроении для начос, — сказал я, подкрадываясь к нему и просматривая меню.

Рид оглянулся.

— Куда делся твой новый друг?

Я пожал плечами и протянул парню за прилавком десятидолларовую купюру, чтобы покрыть оба наших заказа.

— Потерялся.

— Почему? Из-за меня?

— Потому что я занят и не заинтересован.

— Послушай, Олли, — вздохнул Рид, — Я не хочу вмешиваться в твою жизнь больше, чем уже вмешался...

— Ты не вмешиваешься...

— ...так что, если ты хочешь поговорить или... что угодно, то можешь. Это никак не заденет моих чувств...

— Рид, — позвал я и подождал, пока он не посмотрит на меня. — Я никуда не собираюсь уходить. Я знаю, ты думаешь, что я хочу быть где угодно, только не здесь с тобой, но я могу заверить тебя, что это далеко не так.

Глаза Рида слегка расширились.

— Перестань пытаться избавиться от меня или подсунуть кому-нибудь другому, — продолжал я. — Я знаю, ты нервничаешь из-за того, что я сильно надеру тебе задницу в этой игре, но я верю в ответные удары. Не так ли?

Его рот дернулся с одной стороны, и когда тарелка, полная картошки фри, была подвинута к нему, он взял одну и сунул ее в рот.

— Думаю, я не могу так просто тебя отпустить, — сказал он, жуя.

— Чертовски верно. Мне же нужен кто-то, чтобы отработать потраченные деньги.

Бармен вручил мне тарелку начос и сдачу, и когда мы возвращались на нашу, к тому времени, пустую дорожку, Рид сказал:

— Ты сумасшедший, ты знаешь это?

— Больной на всю голову, — согласился я и решил, что процитирую Алису из Страны Чудес. — Для разнообразия не помешало бы повстречать кого-нибудь умного.

Глава 8

Не проявляя милосердия и ловко надрав задницу Риду не только один, но и два раза, мы вернулись в мою машину, и я включил обогрев. Температура в салоне резко снизилась, пока мы были в боулинге, и мы сидели вместе, дрожа и наблюдая, как легкий снежный вихрь ударяется о лобовое стекло, пока не пошел горячий воздух.

Зубы Рида стучали, и мы поднесли руки к решеткам обдува, чтобы согреть их.

— Не думаю, что я создан для холодного климата. Мне следует быть где-нибудь на пляже.

— Я слышал, в Майами хорошо в это время года, — я уже собрался выезжать с парковки, но рука Рида остановила меня.

— Ты не возражаешь, если мы не сразу поедem домой?

— Конечно. Все в порядке?

Он кивнул и отпустил мою руку, и я пожалел, что ему пришлось это сделать. Я был гиперчувствительным каждый раз, когда он прикасался ко мне, и все же я понимал, что за его жестами не было ничего, кроме естественного дружелюбия и комфорта от общения с кем-то. Мне было достаточно, что ему комфортно со мной. *«Пусть этого будет достаточно, Олли, черт возьми».*

— В доме моих родителей начинает немного душить, вот и все, — сказал он, откинувшись на спинку сиденья и глядя на снег, падающий за стеклом. — Они смотрят на меня, как будто я в любую минуту могу сломаться.

— Я уверен, что они просто беспокоятся о тебе. С их стороны это тоже было переосмысление всего.

— Я понимаю, — он провел рукой по щетине, покрывающей его щеки, привлекая мое внимание к его сильной челюсти. Рид до аварии, казалось, тщательно следил за тем, чтобы его лицо было чисто выбрито, но я должен был признать, что щетина, которая у него была сейчас, выглядела горячо. — Я вижу это по их глазам. Ожидание. Интересно, смогу ли я когда-нибудь вернуть память.

Я молчал и слушал, что я мог сказать? Не было никакого способа узнать, сможет ли он когда-нибудь заполнить пробелы в своей памяти, и я не собирался давать ему ложную надежду. С другой стороны, иногда казалось, что он предпочел бы не знать, кем он когда-то был, что делало меня еще более любопытным в отношении человека, сидящего рядом со мной.

— Думаю, может, мне лучше вернуться к себе, — продолжил он. — Чтобы жить, я имею в виду.

— Ты можешь. Если чувствуешь, что готов к этому.

— Эй, — сказал он, повернувшись ко мне лицом, и глаза его загорелись. — Хочешь посмотреть на него?

— На твой дом?

— Да.

«Выкрутите мне руку, почему бы не сделать это».

— Конечно. Куда? — сказал я, включая задний ход и отъезжая.

— О, — Рид приподнял бедра, чтобы вытащить бумажник из заднего кармана, и достал из него листок бумаги. — Лайнс-Драйв, шестьдесят два в комплексе Гарден Лейкс. Квартира 2А.

— Предусмотрительно с твоей стороны — это записать.

— Это тоже было в моем удостоверении, но я не был уверен, что запомню точный адрес, — признался он, когда я выехал на главную дорогу. — Я был там всего пару раз.

Моя работа позволяла мне знать город как свои пять пальцев, и мне приходилось раньше выезжать на вызовы в Гарден Лейкс, поэтому я точно знал, куда мы направляемся, но, когда Рид начал вспоминать направление — *правильное*, чему я был крайне удивлен — я так обрадовался, что позволил ему взять инициативу на себя. Через несколько минут он

указал на поворот впереди и сказал мне повернуть налево, и я, включая поворотник, выехал на встречную полосу и подождал, пока не пройдет поток машин.

Гарден Лейкс был комплекс с апартаментами высокого уровня, закрытого типа и с несколькими частными озерами, отсюда и название (*прим. Garden Lakes в переводе с английского — Частные озера*). После того, как мы набрали код на воротах — также указанного на листочке — я поехал вокруг комплекса, пока Рид не сказал мне остановиться.

— Вот и все, — сказал он, кивая на балкон второго этажа благоустроенного строения с белой отделкой и деревянными акцентами синего цвета, которое напомнило мне уютный домик, в котором я останавливался во время зимней поездки в Пиджен-Фордж в прошлом году.

— Очень мило, — сказал я, выключая двигатель.

— Я тоже так думал.

— Почему я слышу в твоём ответе «но»?

Рид улыбнулся, его лицо было наполовину в тени от того места, где я припарковался под уличным фонарем.

— Сейчас увидишь.

Я последовал за Ридом вверх по лестнице и воспользовался возможностью, пока никого не было рядом, насладиться видом его задницы. Боулинг был испытанием на прочность со всеми его наклонами, и спортивные штаны, в которых он был, обтягивали его ягодицы так, что мне хотелось протянуть руку и прикоснуться к нему.

Когда мы поднялись на второй этаж, Рид достал из бумажника ключ, и когда он повернулся ко мне, я поднял глаза.

— Вот это, — сказал он и принялся открывать замок. — Дом, милый дом, — он толкнул дверь и приглашающе махнул мне рукой, и когда я вошел внутрь, рукав моей куртки коснулся его, а тепло его дыхания коснулось моей шеи, вызывая мурашки по коже.

Было темно, когда я вошел, Рид последовал за мной и щелкнул выключателем, освещая всю угловую квартиру.

Рид провел рукой по голове, избавляясь от снежных хлопьев, которые попали ему на волосы и куртку.

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду? Украшения, декор... у меня даже слов нет.

Я решил, что он имел в виду *отсутствие* декора. Несмотря на то, что квартира была большой, открытой и полностью меблированной, и на стенах висели картины, все было так... мягко.

— Ну, — сказал я, прогулявшись по кухне и заходя в гостиную. — Ты всегда можешь снять и избавиться от всего этого. Начать с нуля, — я отодвинул одну из тяжелых бежевых штор в сторону, открывая вид на ночное озеро внизу. — Какой твой любимый цвет?

Рид оглядел бежевые стены, бежевый ковер и бежевую мебель.

— Не бежевый?

Я усмехнулся и отпустил занавеску.

— Не бежевый, должно быть, достаточно легко определить.

— Наверное, но я даже не знаю, с чего начать.

— Вот что я тебе скажу. У меня есть подруга на работе, которая в свободное время любит заниматься такими вещами. Я поинтересуюсь, сможет ли она помочь тебе воплотить некоторые идеи.

— В самом деле?

Пожав плечами, я сказал,

— Если хочешь. Никакого давления или обещаний, но я могу поговорить с ней.

— Это было бы здорово, — сказал он, опуская плечи. — Я думаю, что сошел бы с ума, если бы мне пришлось жить в такой обстановке, как сейчас.

— О, все не так уж и плохо.

— Ты это говоришь просто из вежливости.

— Даже не думал. Клянусь.

— У тебя есть отличное место, вроде твоего дома, куда ты действительно хочешь вернуться.

— Ну, ты можешь приходить в любое время, — Рид поднял брови, и я продолжил, — Я имею в виду, у меня есть еще одна комната, если тебе нужно... выбраться, улизнуть... или что-то еще.

Он криво улыбнулся мне.

— Ты не должен делать такое предложение незнакомцам. Они могут поймать тебя на этом.

«Поверь мне, когда я говорю, что вообще не возражал бы против этого, — это правда».

— Я бы предложил тебе выпить, но не думаю, что у меня есть что-то... хотя, подожди. Возможно, есть, — он пошел на кухню и стал открывать шкафы. — Я раньше не проверял, но у двадцатисемилетних обычно должен же быть запас спиртного, верно?

«О Боже, я совсем забыл. Он, наверное, не помнил, пил ли он когда-то в жизни, не так ли?»

— Та-дам, — Рид поднял полупустую бутылку «Кроун Роял» (*прим. известная марка канадского виски*). — Нашел кое-что.

— Уверен, что хочешь начать с этого?

— Почему бы и нет?

— Никаких проблем.

Он нашел пару стаканов в одном из шкафов и поставил их на кухонный бар рядом со мной, а затем начал наливать приличное количество в оба.

— Стоп, стоп, стоп, — сказал я, смеясь. — Может, сначала попробуем. Посмотрим, как тебе понравится.

Рид снова поднял бутылку, и оставшаяся янтарная жидкость забультыхалась внутри.

— Предполагаю, что я фанат.

Мне пришлось сжать губы, чтобы не улыбнуться. *«Это будет интересно...»*

— За твою первую выпивку, — сказал я, прикасаясь к его стакану. — Второй раунд.

— Второй раунд, — согласился он. Потом поднес стакан ко рту и, прежде чем сделать глоток, поднес его к носу и нахмурился. Затем он дернулся назад, и его глаза начали слезиться. — Ох, черт. Пахнет ужасно.

— Пахнет как виски.

— Виски ужасно пахнет. Адски. Бьюсь об заклад, это также ужасно и на вкус, — когда он сделал маленький глоток и его лицо сморщилось, я рассмеялся. — Тьфу. Не думаю, что мне это нравится.

— Ты мог пить его с колой.

Рид снова понюхал виски и поморщился, но сделал еще один маленький глоток жидкости.

— Сначала кофе, а теперь виски, — продолжил я. — Возможно, придется отозвать твое удостоверение совершеннолетнего.

— Поверь, мне нравится пиво. Я думаю, если у меня было это, мне это нравилось. Возможно.

— По крайней мере, мне не придется беспокоиться о том, что ты напьешься до смерти, когда вернешься сюда, — я подошел взять его стакан, чтобы вылить его обратно в бутылку, но Рид забрал его обратно.

— Нет, я собираюсь сделать это, и ты тоже, — затем он указал на меня. — Пей.

Мои глаза расширились, когда он сделал большой глоток, и я попытался не рассмеяться, когда он вздрогнул.

— Тебе не обязательно это пить.

— Да, понимаю. Я не хочу, чтобы мое удостоверение отозвали, — Рид подмигнул мне и снова отхлебнул.

— Ладно, хватит, пьяница, — сказал я, посмеиваясь, так как мне удалось забрать у него стакан, прежде чем он прикончит его. — Если я привезу тебя обратно пьяного и блюющего, скорее всего, тебя никогда больше не выпустят из дома.

— Разве это не похоже на какой-то обряд посвящения?

— Не тогда, когда тебе двадцать семь.

Он помахал мне рукой, когда вошел в гостиную и плюхнулся на жесткий диван.

— Думаю, ты прав. Может, в следующий раз с кокаином.

Я оставил свой стакан на стойке, чтобы не опьянеть и не потерять голову, и выбрал кресло поближе к Риду.

— Это замечательно. Мне тепло. Как будто алкоголь распространяется по всему телу, понимаешь? — перекатившись на диване, он лег на спину и погладил руками свой живот. — Как одеяло для внутренностей.

«Боже. Он тоже чувствовал это».

— Если бы виски было музыкой, — продолжал он, — я думаю, что она началась бы с пунша, а затем превратилась бы в нечто медленное и легкое, — его пальцы танцевали в воздухе, как будто он играл мелодию, и именно тогда я заметил, чего не хватало в комнате.

— Где твое пианино?

— Его нет.

— Почему нет? Разве это не важно для тебя?

— Что-то типа жалоб на шум.

Недостатки проживания в квартире.

— Попался. Так ты тренируешься в доме своих родителей?

— Нет, они много лет назад избавились от своего.

— Дааааа...

Рид перестал «играть» и отклонил голову назад, чтобы посмотреть на меня.

— Что?

— Ну, а где же ты играл?

— Я... я не знаю. Предполагаю, что нигде.

После аварии или может раньше, я не знал, но что это было за дерьмо? Он перестал следовать своей мечте ради стабильной жизни, и теперь у него даже не было инструмента, чтобы играть в свободное время? Казалось странным, что у него не было доступа к тому, что, очевидно, было его страстью, если только не урывками несколько минут в школе.

— Держу пари, ты всегда можешь сходить в музыкальный магазин на Брод. Та женщина была так рада, что ты пришел, что она, вероятно, даже заплатит тебе за игру.

— Эй, — сказал он, садясь. — Это неплохая идея.

— Тебе стоит это сделать.

— Полагаю, это значит, что мне придется смириться и спросить ее имя.

— Я же говорю тебе, воспользуйся оправданием травмы мозга. У тебя словно есть идеальная карточка досрочного-освобождения-из-тюрьмы.

— Да, конечно, — он снова лег, а я проследил пальцем закрученный узор подлокотника кресла. — Ты придешь ко мне, если я буду играть?

— Если ты заплатишь мне.

Он пристально посмотрел в ответ:

— Серьезно?

— Нет, — сказал я, смеясь над его шокированным выражением лица.

— Ох. Отлично, — он перевернулся на живот, вытягиваясь на диване, как кошка, и положил подбородок на руки. — Мне бы хотелось, чтобы ты пришел.

«Я бы тоже очень хотел, чтобы ты пришел, — но мы не думаем об одном, о чем-то, даже отдаленно похожем».

— Что бы ты хотел сыграть?

— Хм. Может быть, сюиту Баха *«Воздух»*... что-то из ноктюрнов Шопена, может быть, девятый. Возможно, я добавлю немного Бетховена, может *«Лунную сонату»*, чтобы тебе не было скучно.

Я издал неприличное фырканье:

— Мне никогда не будет скучно.

— Тебе может.

— Мне не было бы. Поверь мне.

Рид нахмурился:

— Я действительно доверяю тебе. Что должно быть странно, правда? Но это как... как будто я в безопасности с тобой.

Не было никакого способа, чтобы он не смог услышать быстрое стаккато, которое отбивало мое сердце, и я мог только попытаться успокоить это дерьмо, сделав вдох, прежде чем сказать:

— Ты.

— Я тебе верю.

Долгое мгновение он просто смотрел на меня, его большие карие глаза были открыты и ловили мой взгляд, как будто он пытался найти ответ на вопрос, который мог услышать только он.

— Не знаю, зачем я это говорю, — прошептал он, наконец, нарушая тишину. — Это должно оставаться в моей голове, — подтвердил он свое утверждение, постучав по виску и издав горький смешок.

Господи, для своего же блага, он был чертовски милым.

— Все хорошо. Мне нравится слушать твои мысли.

— Да? Ну... тогда скажи мне кое-что.

— Хорошо.

Он снова поиграл нижней губой между зубами, как будто готовясь задать вопрос и сомневаясь, каким будет мой ответ.

— Тебе когда-нибудь бывает одиноко? В твоём большом доме, когда ты совсем один?

— В большом доме? — рассмеялся я. — Едва.

— Ты отклоняешься от ответа.

— Такой серьёзный вопрос. На тебя так действует «Кроун»?

— Возможно. А может и нет. Но ты все еще не ответил.

— Мне становится одиноко? — отталкиваясь ногами от пола, я раскачивал стул взад и вперед, обдумывая его вопрос. Мне одиноко? Обычно я был слишком занят, чтобы думать об этом, и у меня было много друзей на работе и вне ее. Разве мне могло быть одиноко? Конечно, так и было, особенно когда Рид вышел из моей двери. — Я предполагаю, что да.

— В какие моменты?

— В основном по ночам. Иногда я не могу уснуть и... — я вздохнул, прежде чем признаться, — было бы хорошо, если бы кто-нибудь... — *«Было бы хорошо, если бы ты был там».*

Рид лег щекой на руки.

— Я тоже часто не могу заснуть. Я просыпаюсь от кошмаров. Одни я помню, другие — нет.

Это было честное признание, и оно сильно меня зацепило. Он всегда казался таким спокойным после того, что с ним случилось, что было трудно соотнести добродушного человека с тем, кто прошел через такое ужасное испытание. Но, конечно, он был в ужасе, даже если его страхи проявлялись только во сне. Рид никогда не показывал себя мне таким, но с другой стороны, почему он выложил все свои заботы и беды к ногам кого-то, кого он только начал узнавать? Я был тем человеком, который помог ему, не побоюсь этого слова, забыться.

— Могу я тебе позвонить? — спросил он. — Если мы оба проснемся посреди ночи? Может, мы сможем помочь друг другу уснуть.

В его словах была такая милая невинность, что мне захотелось наклониться, взять его лицо в свои руки и соединить наши губы, пока внешний мир не исчезнет. С ним, может быть, я не был бы таким беспокойным, а может быть, со мной, он не был бы таким напуганным.

— В любое время, — сказал я. — Ты можешь звонить мне в любое время и днем, и ночью.

Он улыбнулся мне, видимо, удовлетворенный таким ответом. Но потом его лоб сморщился, и он сказал:

— Это ужасно, ты же понимаешь.

— Что такое?

— Я помню, ты говорил, что занят и у тебя нет времени на отношения, но... ты действительно классный парень, и мне кажется ужасным, что у тебя никого нет, с кем ты можешь поделиться своим.

Мое сердце сжалось, и мне пришлось смотреть на колени, чтобы он не увидел слез, грозящих выплеснуться из моих глаз.

Но мое дрожащее дыхание, должно быть, выдало меня, потому что он сказал:

— Прости. Я не хотел тебя расстраивать. Но я просто думаю... ты заслуживаешь счастья. И у меня такое чувство, что это не так?

«Боже, откуда это взялось? Он что, видел меня насквозь?»

— Спасибо, что сказал... Все это. Но со мной все в порядке.

«Я просто не понимал, насколько пуста была моя жизнь, пока ты не заполнил ее».

— Ты всегда можешь позвонить мне, — сказал он и зевнул. Его глаза начали закрываться, но я знал, что должен отвезти его домой, пока он глубоко не заснет. Я дал ему немного отдохнуть, пока выливал виски обратно в бутылку «Кроун», убирал ее и ополаскивал стаканы. Его было нелегко разбудить, и он довольствовался тем, что в полусонном состоянии поднялся и спустился по лестнице, и мне пришлось держать его, чтобы он не упал. Вероятно, как только Рид сядет в машину, он отключится.

Я открыл машину и помог ему сесть, а когда сам сел за руль, услышал, как он тихо произнес мое имя.

— Спасибо за сегодняшний день, — слова Рида были невнятными, выдавая усталость, он снова закрыл глаза и прислонил голову к окну. Мы и так были с ним долго, но расставаться с ним было нелегко, и я чувствовал возрастающую потребность быть с ним *столько времени*, насколько это было возможным. Кто знает, долго ли он у меня будет, когда он решит двигаться дальше?

Протянув руку через грудь Рида, я потянул ремень безопасности вниз и пристегнул его. При лунном свете, струившемся по его лицу, он выглядел умиротворенным, и я позволил себе наблюдать за ним, как его дыхание замедлилось до спокойного вдоха и выдоха. Он сидел в моей машине, рядом со мной, и я почти мог представить, что он мой. Что мы были в городе и направлялись вместе домой. Мысль не казалась такой уж далекой, пока он был на расстоянии прикосновения.

Мои кончики пальцев покалывало от желания протянуть руку, и, хотя, мне совсем не хотелось его будить, я не смог остановиться, чтобы не наклониться и слегка провести тыльной стороной ладони по его челюсти. Щетина там была на удивление мягкой, и только когда я провел рукой в обратную сторону, она немного покалывала. Когда Рид даже не пошевелился, я снова повторил движение, полагаясь на удачу.

Он был прекрасен. Такой красивый. И теперь я понял, что дело не только в том, как он выглядел или в том, каким он был каждый день, *он* был прекрасен.

Слова висели на кончике моего языка, когда Рид пошевелился, и прежде чем я успел отодвинуться, он наклонился так, что его щека легла мне в ладонь. Я затаил дыхание, ожидая, что он откроет глаза и поймает меня на том, что я прикасаюсь к нему, хотя не должен этого делать. Но он не проснулся и снова погрузился в глубокий сон. Я бросил на него последний взгляд, запоминая, как он выглядел, как его прекрасное лицо лежало у меня в руке, а затем медленно потянул свою руку назад. Когда он окончательно заснул, я выдохнул и откинулся на спинку сиденья.

Мы были слишком близко друг к другу. Но резкий щелчок в моей системе подкинул мне идею, и именно с этой мыслью я отвез Прекрасного Принца домой.

Глава 9

— Можете подвинуть его немного вправо? Да, прямо перед окном. Идеально.

Когда грузчики разместили подарок Рида там, где я указал, я прислонился к стене и представил себе реакцию Рида, когда он увидит то, что я нашел раним утром. Это не было причудой, но у меня было чувство, что он оценит этот жест, и поскольку это был мой выходной, я не хотел терять ни одной минуты и показать ему. После того, как я дал грузчикам чаевые и они ушли, я быстро отправил Риду сообщение.

Не прошло и пяти минут, как в дверь позвонили, и звонок не остановился, пока я не открыл дверь, посмеиваясь над нетерпением Рида. Он стоял на пороге, запыхавшись и уперев руки в бедра.

— Ты бежал всю дорогу? — спросил я.

— Ты сказал, приходи скорее, — он посмотрел на меня сверху вниз. — Что случилось?

— Все в порядке. Я просто подумал, может, ты захочешь увидеть свой сюрприз...

Брови Рида поднялись до линии волос.

— Сюрприз? Для меня?

— Да. Закрой глаза.

— Подожди — это хороший сюрприз или плохой?

— Просто закрой глаза.

— Ты сегодня ужасно загадочный.

— Я думаю, что правильно сказать, как говорят южане: *«далек от ясности»*. Твои глаза закрыты? — я провел рукой перед лицом Рида, и когда убедился, что он не подглядывает, взял его за запястье и повел по коридору. В гостиной не было места для того, что я нашел в комиссионном магазине города Флойд-Хиллз, поэтому его сюрприз в настоящее время занимал место, где раньше был мой маленький кухонный стол — так как я никогда им не пользовался.

— Можно мне их уже открыть? — спросил Рид.

— Ты такой нетерпеливый.

— Думаю, тебе доставляет удовольствие сводить меня с ума.

Я кашлянул, когда подумал: *«Ты даже представить себе не можешь»*.

— Держи их закрытыми, — когда мы остановились у проема между кухней и гостиной, мои нервы взяли надо мной верх, и я чуть не развернул его обратно. Может быть, я переборщил. Или, может быть, в конце концов, это была не такая уж отличная идея...

— Олли, ты убиваешь меня.

— Хорошо, хорошо, — сказал я, и отпустил его запястье. — Можешь открывать.

— Наконец-то! — когда глаза Рида открылись, улыбка на его губах спала, челюсть отвисла, и он замер.

— Сюрприз! — сказал я, показывая на пианино *«Vanna White»*, но чем дольше Рид молчал, тем больше колебалась моя улыбка. Он был настолько спокойным и тихим, что я даже не был уверен, дышит ли он.

— Э-э, я подумал, — прочистил я горло, — раз уж ты не можешь иметь его у себя, то мог бы... ну, ты знаешь. Может быть, оно будет здесь? И ты можешь пользоваться им в любое время.

— Я... я не... — он моргнул несколько раз. — Не знаю, что и сказать, Олли...

В моем животе все перевернулось.

— Если тебе не нравится, я могу сдать его обратно, — быстро сказал я. — Я знаю, что это, вероятно, не та марка, которой ты пользуешься... пользовался. Но оно играет, и сегодня позже ко мне придет кое-кто, чтобы настроить его для тебя так, чтобы оно хорошо звучало.

— Ты купил мне пианино, — прошептал Рид, шагнув к нему и слегка проведя рукой по крышке. Затем он оглянулся на меня, выражение на его лице все еще было шоковым, но также... благодарным?

Я почувствовал облегчение, когда он провел рукой по лицу и покачал головой так, будто он не мог поверить в то, что он видел.

— Зачем ты это сделал для меня?

Почему бы мне *не сделать* это для него, вот в чем вопрос.

— Тебе нравится?

— Нравится ли мне? Олли, это... чересчур.

— Это не так, — я указал на скамеечку. — Что ж, вперед. Сыграй на нем.

Улыбка Рида стала еще шире, когда он сел и посмотрел на клавиши. Через несколько секунд он положил пальцы и начал играть, и музыка звучала как та нежная колыбельная, которую он на днях играл в музыкальном магазине.

Я расслабился, прислонившись к холодильнику, наблюдая, как он погружается в музыку, и ему не нужно было говорить мне, что он думает о своем подарке — я видел восторг, написанный на его лице. Закончив играть, он закрыл клавиши крышкой и опустил голову.

— Олли, это самый невероятный подарок, который ты мог мне сделать.

— Рад, что тебе понравилось.

— Мне очень понравилось, правда. Но... — его глаза встретились с моими. — Я не могу это принять.

— Конечно, можешь.

— Нет, это слишком много. Ты не должен был тратить на меня свои деньги.

— Рид, — я подошел к пианино и посмотрел на него. — Я не представляю, что бы я мог такого приобрести, что даст мне хотя бы половину того удовольствия, которое я получаю от прослушивания твоей игры. Это также и мой выбор, как я трачу свои деньги, и, если ты решишь, что не хочешь его принимать, тогда все в порядке. Оно останется здесь в качестве украшения.

— Олли...

— Я не принимаю «нет» за ответ. Тебе это нравится. Я вижу, что тебе это нравится. Просто скажи спасибо и наслаждайся. Пожалуйста.

Рид покачал головой, и я подумал, что он собирается устроить еще один бой, но потом он расплылся в сияющей улыбке.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности. Видишь, это было не так уж сложно, не так ли?

Со смехом он сказал:

— Наверное, нет. И мне это действительно нравится. Это прекрасно.

«Прекрасно, когда ты за пианино».

— Ты проголодался? Я могу приготовить обед, если ты сыграешь мне еще.

— Это довольно крутая сделка.

— Я тоже так думаю. Бургеры подойдут? Я могу пожарить на гриле.

— Вообще-то, — Рид встал и покачнулся на каблуках. — Прежде чем ты это сделаешь, я кое-что хотел тебе подарить, но я не совсем уверен, что ты этого хочешь.

— Рид, ты не обязан мне ничего дарить.

— Ты тоже, но ты все равно это сделал.

— Намек понят.

— Но... дело в том, что ты знал, что мне понравится пианино. Не знаю, как ты отнесешься к моему подарку.

— Не говори глупостей. Если это от тебя, мне понравится.

— Как ты можешь быть в этом уверен, если не знаешь, что это такое. Это эгоистичный подарок, правда.

— Да? Теперь мне любопытно, — сказал я.

— Закрой глаза, и я пойду за ним.

— Ты принес его с собой?

— В некотором смысле. Закрой глаза.

Я сузил глаза, прежде чем сделать, как он сказал.

— И кто тут теперь загадочный?

— Не двигайся и не подглядывай. Обещаешь?

— Да, да, я обещаю, — что бы ни было у него припрятано в рукаве, это меня заинтриговало, но я не мог догадаться, что это может быть. Я не слышал ни его шагов по плитке, ни какого-либо другого звука.

То, что произошло пять секунд спустя, я и представить себе не мог, ни за миллион лет.

Теплые, мягкие губы нежно прижалась к моим, в то время как рука Рида обхватила меня за шею. Если бы он не держал меня на месте, когда мои глаза распахнулись, я бы отпрянул от удивления.

— Все в порядке? — прошептал он в мои губы, и мой рот автоматически приоткрылся, прежде чем мой мозг смог осмыслить происходящее.

Это не может быть правдой. Рид не мог стоять у меня на кухне и целовать меня. Уж никак не он должен был быть инициатором. Это должно быть сон, потому что реальность была слишком ошеломляющей, чтобы полностью это осознать.

На мгновение я сосредоточился на губах Рида, целующих мои, и на том, как его неуверенность начала перерастать во что-то более интенсивное.

Боже, как мне хотелось засунуть руки ему под рубашку, чтобы почувствовать его тело, когда я прижму его к себе. Я хотел, чтобы его возбуждение прижалось к моему, сводило меня с ума, до тех пор, пока я больше не смогу этого выносить. Потом я прижму его к стойке, расстегну ему брюки и упаду на чертовы колени.

Стон слетел с моих губ при этой мысли, и Рид воспринял это как зеленый свет, потому что его другая рука поднялась, и я почувствовал, как бархатная гладкость его языка погрузилась внутрь, чтобы потереться о мою.

Черт, это зашло слишком далеко. Я никак не хотел останавливаться, и в этом была проблема. Потребовалось все, что у меня было, каждая унция контроля, чтобы собраться и отодвинуть его на расстояние вытянутой руки.

Губы Рида покраснели, он стоял, тяжело дыша, его глаза остекленели от желания, казалось, сначала у него даже не щелкнуло, что я больше не отвечаю ему взаимностью. Только когда заставив себя сосредоточиться на мне, он понял, что происходит. Что я оттолкнул его. Что этого не может быть.

— Прости, я думал, ты... — он запнулся, на его щеках появился румянец. — Я, должно быть, все неправильно понял.

— Дело не в этом...

— Мне не следовало этого делать. Прости.

— Не извиняйся...

Он провел рукой по волосам, а затем провел ими по лицу.

— Просто у меня были эти мысли, и я мог бы поклясться, что ты тоже это чувствовал, но... я ошибся. Пожалуйста, просто забудь об этом.

— Мысли? Какие мысли?

Он остановился и посмотрел на меня.

— О тебе, — сказал он, как будто это было самое естественное в мире — думать обо мне.

«О Боже. Не бери в голову». Мне не нужно было это слышать. Мне не нужно было, чтобы он искушал меня больше, чем уже это сделал, потому что я едва мог сдерживаться. Но я должен был знать...

— Какие мысли?

— Ты мне нравишься, Олли. Мне нравится быть рядом с тобой. Проводить время с тобой. А в последнее время я думаю о том, как это — целовать тебя.

«Черт возьми». Я обнаружил, что качаю головой. Как так получилось, что он ничего не скрывал? Что ему даже не пришло в голову прятаться от меня? Я не мог заставить себя признаться, что мои чувства к нему вышли далеко за пределы дозволенного, но он был здесь и так легко излагал все это.

Вцепившись в стойку, мой голос прозвучал грубо, как наждачная бумага, когда я спросил:

— А теперь, когда ты это сделал?

Он сделал шаг в мою сторону.

— Я хочу поцеловать тебя снова.

Шок и адреналин, проходящие через мое понимание, заставили меня отступить, ударяясь о стойку так сильно, что я решил, что позже у меня будет синяк.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Да. Понимаю.

— Я думаю, ты забыл, как сильно ударился головой.

— Что? Думаешь, удар головой заставил меня поцеловать тебя? Быть рядом с тобой? — он громко рассмеялся. — Это просто смешно.

— Ты просто не можешь думать об этом прямо сейчас, хорошо? — ха, там не было шуток, тема была далеко не смешной. Я даже не понимал, почему вдруг так расстроился, кроме того, что понимал, что рано или поздно он поймет, что совершает ошибку, а я не

хотел, чтобы со мной играли. Может, у Рида и не было плохих намерений, но, если я поцелую его еще раз, здесь случится катастрофа. *Черт*.

— Я не эксперт, но не думаю, что это сработало, Олли.

— Господи Иисусе, Рид, — я потерял виски. — Ты не гей. Тебе никогда в жизни не нравились парни. Я понимаю, что тебе может быть любопытно, но я не хочу быть твоим экспериментом, хорошо? — *«Мое сердце, черт возьми, не выдержит»*. Лучше было не знать, чего мне не хватало, нежели, потом он поймет, что чувства к мужчине, сексуальные или нет, не для него.

— Я не прошу тебя, — сказал он, опешив. — Почему ты так злишься?

— Злость — неподходящее слово.

— Тогда что же? Очевидно, я расстроил тебя, но это не входило в мои намерения.

— Ты меня удивил, вот и все.

— Не очень приятный сюрприз, — пробормотал он и тяжело вздохнул. — Можно тебя кое о чем спросить? — не дожидаясь моего ответа, он спросил: — Как ты объяснишь тот факт, что я тебя помню? Все остальное вокруг в день моего несчастного случая туманно, но по какой-то причине, воспоминания о тебе кристально чисты. Думаешь, это какое-то совпадение?

«*Нет*». Я скрестил руки на груди.

— Да, думаю.

— Ну, не знаю. Я не верю, что ты так думаешь.

Его темный взгляд проникал сквозь меня, и половина меня хотела взять назад все те слова, что я только что сказал, и начать все сначала. Вернуться к тому времени, когда его губы были на моих, это было намного лучше, чем в моих снах. Но другая половина, логичная, реалистичная половина, сказала мне сохранять самообладание. Это было легче сказать, труднее сделать с тем, как мое сердце физически болело с каждым сильным ударом.

Я уловил момент, когда его уверенность поколебалась. Его челюсть сжалась, как будто он специально заставил ее закрыться, чтобы еще несколько слов не вывалились наружу. И с тем, что я не давал ему ничего взамен, кроме сильных ударов сердца, казалось, что его самообладание также побеждало.

— Это была плохая идея, — сказал он низким и неровным голосом. — Мне очень жаль, Олли. Жаль, что я не могу все вернуть, — он бросил на меня последний взгляд, покачал головой и прошел мимо. — Увидимся позже.

— Подожди, что ты делаешь?

— Я собираюсь уходить.

— Нет, Рид, тебе не нужно уходить...

— У меня нет причин оставаться. Ты высказал свою точку зрения. Спасибо за пианино, — затем, не взглянув на меня, он пошел по коридору.

— Рид, подожди! — наконец крикнул я ему вслед, но единственным мне ответом был звук захлопывающейся за ним двери.

Глава 10

— Не хочешь рассказать, почему ты выглядишь так, будто кто-то нассал тебе в кофе, или я должен попытаться угадать? — спросил Майк пару дней спустя, когда мы прогуливались по магазинам в городском торговом центре между вызовами. Он хотел подобрать несколько вещей на день рождения своей жены, и у меня практически не было выбора: либо пойти с ним, либо дуться в машине, как я делал это последние сорок восемь часов.

— Я не в настроении, — да, даже для моих ушей я звучал как угрюмый подросток, которого лишили привилегий айпада. *«Печально»*.

— Нет? Во-первых, утром ты напугал интернов.

— Хорошо. Они чуть не облили меня из шланга, когда предполагалось, что они должны были мыть «Большую БERTу».

— О. Ну, между нами, я просто сгреб все яблочные оладьи, а ты даже не попытался вырвать их из моей руки.

— Ты это сделал?

— Нет, но это доказывает, что ты ни хрена ни на что не обращаешь внимания.

— Ты уже нашел то, что тебе было нужно?

— Видишь ли, если бы ты *обращал внимание*, ты бы знал, что я не купил еще ни одной вещи. От тебя никакой помощи.

— Тебе не нужна помощь. Просто купи ей что-нибудь милое.

— Милое? — усмехнулся Майк. — Новая микроволновка — это мило. Заменить масло, чтобы ее машина хорошо ездилась — это сверх мило. Ни одна из этих вещей не позволит затащить кого-то в постель.

— Ты женат, тебе не обязательно что-то покупать, чтобы потрахаться.

— Говорит человек, который никогда не был женат, — когда я даже не улыбнулся, Майк сильно толкнул меня. — Да что с тобой? Ты наконец-то сделал шаг к Синей птице, а он тебе отказал?

— Не совсем так, — я выбросил пустой стаканчик из-под кофе в мусорное ведро. — Он поцеловал меня.

У Майка отвисла челюсть, и отнялся дар речи.

— Да. У меня тоже была такая же реакция.

— Срань господня, Олли! Мы должны выпить шампанского и закусить шоколадом, — начал восклицать Майк, дергая плечами в такт тому, что шелкало в его тупой голове. — Да ладно, не заставляй меня праздновать в одиночку! — когда я не присоединился, он перестал танцевать и закатил глаза. — Чувак, ну в чем проблема?

— В чем проблема? Это должно быть очевидно.

— Э-э... — махнул он рукой, чтобы я уточнил.

— Он не гей. Он просто запутался. И он не должен был целовать меня.

Майк стоял и моргал, глядя на меня.

— Ты шутишь. Просто скажи мне, что ты решил вывести меня из себя и что ты не оттолкнул его или совершил глупость что-то в этом роде.

— Ты не поймешь, — сказал я, уходя.

— О боже. О, боже мой! — застонал Майк. — Скажи мне, что это не так!

— Я же говорил, что ты не поймешь.

— Прости, но мне нужно, чтобы ты вернулся и повторил все это в мое здоровое ухо. Потому что мне показалось, что ты говорил, что парень, в которого ты влюбился, целовал тебя целую вечность, и ты оттолкнул его, но это не может быть правдой, потому что ты не тупица.

— Я действительно так сказал.

— Тогда я передумал. Ты действительно тупица.

— Майк, дай мне передохнуть...

— Дать тебе передохнуть? Какого хрена, чувак? Что с тобой?

— Я не знаю, — слишком возбужденный, чтобы стоять и спорить, я начал расхаживать. — Он не понимает, что делает.

— Да ни хрена! Он все понимает!

— Рид все еще пытается выяснить, кто он, и все, что я делаю, только еще больше запутывает его.

— Ох, точно. Ты хочешь его. Он хочет тебя. Это никогда не произойдет, — Майк хлопнул себя по лбу. — Подожди, нет, все не так.

— Ты должен поставить себя на мое место.

— Взглянуть со стороны: «Я — гребаный придурок»?

— Я, вроде как, воспользовался выгодой его положения.

— Пожалуйста, напомни мне, как ты воспользовался выгодой, когда он поцеловал тебя.

— Ты забыл, что у него была серьезная черепно-мозговая травма?

— Э-э, нет. Я был там.

— Тогда бы точно знал, как это может изменить человека.

— А что, если он сейчас именно такой, какой есть? — когда мой рот открылся и закрылся без ответа, Майк кивнул. — Да. Что тогда?

Я не собирался доставлять ему удовольствие быть хоть немного правым, поэтому проигнорировал его и продолжил идти.

— Знаешь, в чем, по-моему, твоя проблема? — спросил он.

— Нет, но у меня такое чувство, что ты мне расскажешь.

— Ты чертовски прав. Тебе страшно! — его брови приподнялись. — Да, ты правильно меня понял. Ты боишься, что в любой день он проснется — я имею в виду фигурально — и вспомнит, что он должен быть по запястье в вагине.

— Майк... *Господи!*

— Может, это и глупо, но я просто говорю то, в чем ты боишься себе признаться. Ты знаешь, что я прав.

— Ты можешь отвязаться?

«Оставь меня в покое заниматься сомоедством в одиночестве».

— Я сейчас в ударе, так что нет, и я скажу тебе почему, — юмор исчез из его глаз, когда он схватил меня за плечи, чтобы я повернулся к нему лицом. — Ты, мой друг, слишком строг к себе, — я закатил глаза и попытался вырваться, но его хватка была сильной. — Нет, нет, послушай. Это правда. Кажется, ты думаешь, что все в мире заслуживают счастья, кроме тебя. Но я знаю, что ты чувствуешь к этому парню. Я видел, что ты для него делаешь. Там нет ни грамма плохих намерений. Вероятно, он тоже ничего плохого тебе не сделает.

Я закрыл глаза. Боже, я ненавидел, когда он был прав. Я ненавидел себя за то, что был так осторожен с Ридом, что непреднамеренно все испортил.

— Перестань сопротивляться, дружище, — продолжил Майк, его тон был мягче, чем я когда-либо слышал. — Ты заботишься о парне. Черт, действуй. Не заставляй меня повторять дважды.

Когда я кивнул, улыбка медленно распространилась по его лицу.

— Да? Все хорошо? — спросил он.

— Все хорошо.

— Просто охренительно, — он хлопнул меня по плечу, и когда мы снова отправились в путь, то прошли мимо секции с женским бельем, и Майк резко остановился и издал низкий свист. — При-и-ивет, вот теперь можно и поговорить.

Вот так и закончилось время серьезных разговоров.

— Что ты собираешься делать? — спросил я.

— Теперь, когда я решил за тебя твою проблему — добро пожаловать — а теперь пора за покупками моей жене, — он повернул вешалку-стойку и, схватив пару комплектов воздушного кружевного белья, поднял их, показывая мне. — А ты как думаешь? Деб понравится белый или розовый?

— Это не то, чего она хочет.

— Откуда ты знаешь? Может она... — он снова посмотрел на них сверху вниз. — Она любит розовый цвет.

— Это подарок для тебя, а не для нее, — сказал я, выхватывая вешалки из его рук и вешая их обратно на стойку. — Подари ей день в спа-салоне. Она будет благодарна тебе за это.

Майк поджал губы, но потом кивнул.

— Да, хорошо. В любом случае, это не продержится долго, — затем он зарычал, намекая, как разрывает белье в клочья.

— Я сделаю вид, что не слышал это, — сказал я, уходя к выходу, и он по пятам последовал за мной. По крайней мере, он позволил нашему предыдущему разговору закончиться, и за это я был ему благодарен.

— Эй, ты же не думаешь, что эти массажные кабинеты для женщин со счастливым концом, не так ли?

Я вздохнул.

— И где это ты собирался получить чертовски счастливый конец?

— Что? Я не говорю про себя, я говорю вообще, — затем он подтолкнул меня. — А что, может, ты знаешь один из таких?

— Господи, — пробормотал я. — Нет.

— Ха-ха, я пошутил. Я бы никогда так не поступил.

— Конечно, ты бы не стал.

— Я бы не стал. Но серьезно, я тоже не собираюсь устраивать своей жене подобный хеппи-энд, так что тебе лучше дать мне знать, если они с таким же бонусом.

— Верный путь к стереотипу.

— Это не стереотипы, это вполне закономерный вопрос.

— Ну, извини, что разочарую тебя, но я не знаю ни одного такого места.

— О, точно. Ты предпочитаешь, чтобы твой счастливый конец оставался в твоей голове, и я не имею в виду тот, что ниже пояса.

— Майк?
— Да?
— Заткнись.
— Эй, я говорю серьезно.
— Я буду в машине.
— Ой, да ладно, я просто отвечаю тебе той же монетой.
Когда я толкнул дверь выхода, я услышал, как он смеется и кричит:
— Олли! Эй, Олли, вернись. Клянусь, я никому не расскажу по поводу сыпи.

* * *

Удивительно, но я отпустил Майка домой целым и невредимым. После остановки в одном из спа-салонов в центре города для покупки подарочного сертификата для Деб, и чтобы убедиться в том, что сотрудники были профессионалами и не нанимали привлекательных мужчин, что могло разозлить Майка, — пришло время закругляться и отправиться домой, чтобы принять долгий и горячий душ.

Но я все еще был взбудоражен, мой разум боролся сам с собой. Разговор с Майком только показал мне, насколько я глуп. Потому что, когда дело дошло до этого, о чем я действительно волновался? Что Рид был не в состоянии четко мыслить?

Или потому, что я боялся, что он причинит мне боль?

«Динь — динь — динь. У нас есть победитель!»

Вот к чему все сводилось, не так ли? Я был напуган до смерти. И этот страх заставил меня оттолкнуть того, кого я действительно хотел.

Рида.

Господи, я был настолько глуп.

Отключив воду, я схватил полотенце и задумался, что делать. Позвонить Риду и извиниться? А он хочет, чтобы я это сделал? Или мне нужно было дать ему пространство?

Вытираясь, все еще неуверенный, но слишком возбужденный, чтобы сидеть на месте, я решил сделать одну вещь, которая всегда помогала очистить голову, но позже опять требовала душа, — я пошел на пробежку.

Заходящее солнце освещало редкие полосы облаков на небе розовым и оранжевым цветом, температура была достаточно мягкой, и мне сошло с рук то, что я забыл надеть куртку.

Чем дольше я бежал, тем яснее становилось, что я совершил большую ошибку с Ридом. Я должен был встать на колени, благодарить Бога или свою счастливую звезду за то, что они услышали мои заветные желания, но вместо этого я верил, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я только надеялся, что еще не поздно все исправить.

Как оказалось, мне не пришлось стучать в дверь его родителей, потому что, когда я подбежал ближе, я увидел Рида, стоящего на краю озера, в руках у него была сумка с хлебом, он отламывал кусочки и бросал их кричащим уткам, которые, практически отталкивая друг друга, ныряли за едой.

Я замедлился до легкого бега, пытаюсь восстановить дыхание, и когда я был всего в нескольких метрах от него, Рид с нечитаемым выражением на лице, наконец, поднял глаза.

— Эй, — сказал я, осторожно шагнув вперед, как будто я приближался к пугливому животному, которое могло убежать.

— Ты проделал весь этот путь ради меня или просто пробежка?

«Ах, значит, сегодня не только я сердился».

— Я не был уверен, что ты захочешь меня видеть.

— Почему я не хочу тебя видеть? — глаза Рида сузились. — Думаю, я ясно дал понять, как сильно хочу тебя видеть.

— Я знаю, что ты сделал, — поднимая руки вверх, сказал я. — И прости, что я испугался...

— Почему ты испугался? — он подошел ко мне, и его карие глаза впились в мои. — Я видел, как ты на меня смотришь, Олли. Возможно, у меня есть некоторые пробелы, которые я не могу восстановить, но я не настолько глуп.

— Я знаю, что это не так.

— Знаешь, с тех пор как я вышел из больницы, я хожу как по яичной скорлупе со всеми подряд. Мои родители, моя сестра, люди, которых я называл друзьями. Ты был единственным человеком, который заставил меня чувствовать себя нормальным. Единственный человек, с которым я не чувствовал себя глупым.

— Рид...

— Нет, я еще не закончил. У меня было два дня, чтобы все обдумать, так что тебе придется выслушать, — он остановился и положил руки на бедра. — На чем я остановился?

— Я единственный человек, с которым ты чувствуешь себя нормально, — подавил я улыбку.

— Да, и будь ты проклят за это, если решил испугаться из-за поцелуя.

— Ты прав, — я расправил плечи и выдохнул. — Мне стало страшно.

— Тебе стало страшно? Почему?

— Думаю, ты знаешь почему.

— Ну вот, опять твои предположения. Скажем так, я не знаю почему. Чего тебе бояться?

— Тебя.

Рид взвился, как будто я дал ему пощечину.

— Почему?

Прежде чем я успел ответить, стая уток, которых он кормил, вылезли на травянистый берег и начали копошиться вокруг Рида, тыкаясь в сумку с остатками хлеба, которую он держал. Рид рукой забрался в нее и бросил пару пригоршней в озеро, отправляя большую часть уток обратно в воду, в то время как другие остались вокруг его ног, собирая крошки на земле.

— Это все, что у меня есть, ребята, — сказал он, бросая остатки хлеба в озеро. — Давайте. Брысь. Идите ешьте рыбу. Правильно, белок для вас лучше, чем углеводы.

Когда они все вернулись в холодную воду и поплыли в поисках другой еды, он стряхнул крошки с рук и снова посмотрел на меня.

— Ради всего святого, в свободное время я кормлю уток хлебом. Я не настолько страшный.

— Это одно из твоих лучших качеств, — улыбка тронула мои губы.

Рид уставился на меня и медленно покачал головой:

— Ты приводишь меня в замешательство, ты знаешь это?

— Я не хотел этого делать. Дело в том... — *«Просто скажи это. Он уже знает, так что говори»*. — Я чертовски без ума от тебя.

Рид резко вдохнул, его глаза расширились, и я продолжил дальше, прежде чем он успел что-то сказать.

— Я сдержался в тот вечер потому, что не хотел быть ошибкой, которую ты потом захочешь исправить. Я *не хочу* быть для тебя ошибкой.

— Олли, — сказал он, его голос был таким напряженным, что походил на сдвленный шепот. — Это не так. Я бы не стал.

— Ты так говоришь сейчас, но...

— Но это не так. Ты не чья-то ошибка, тем более моя.

Тепло, которого я не чувствовал годами, распространилось по моей груди, и как бы я ни пытался сдержать улыбку, она все равно вырвалась.

— Я понял, о чем ты думаешь, — сказал Рид, делая шаг ко мне. — Что, если я вдруг вспомню свою жизнь до тебя и как-то по-другому на тебя посмотрю? — он сделал еще один шаг, на этот раз приблизившись на расстояние прикосновения. — Но все, что я могу сказать, это то, что тебе нужно верить в то, что я могу принимать собственные решения. Я не понимаю, что происходит, больше, чем ты, но, по крайней мере, я готов попробовать. А ты?

Я потянулся к его руке и притянул его к себе, и он охотно пошел. Его грудь коснулась моей, и так как он был ниже меня на несколько дюймов, ему пришлось слегка вытянуть шею, чтобы посмотреть на меня. Никого больше не существовало, когда он смотрел на меня так — озеро, люди, проходящие мимо, все это исчезло, пока все, что я мог видеть и чувствовать, было Ридом.

— Может, попробуем еще раз? — спросил я, давая ему шанс передумать и уйти, если он захочет, но, когда появился язык Рида, чтобы облизать губы, это был единственный сигнал, который мне был нужен.

Я убаюкал голову Рида своими указательными пальцами и обхватил его челюсть большими пальцами. Он сделал прерывистый вдох, пока я искал в его глазах признаки колебания.

— Поцелуй меня, Олли, — прошептал он, и это был последний толчок, который мне был нужен. Повернув голову к нему, я сделал, на этот раз, шаг первым, коснувшись его губ, прежде чем накрыть его рот своим. Его губы приоткрылись, приветствуя меня внутри, и его руки двинулись к моей талии, крепко цепляясь за меня. Я не мог остановить дрожь, которая прокатилась по мне, когда я позволил себе насладиться вкусом и ощущением его. На вкус он был как самый вкусный запретный плод, но я убедил себя, что он мой.

Когда наши языки переплелись, Рид застонал, и его руки переместились с моей талии на нижнюю часть спины, прижимая меня к нему, позволяя мне чувствовать возбуждение, наливающееся против моего собственного. Рефлекторно я прижался к нему бедрами, и он задохнулся, жадно набрасываясь и впиваясь в мои губы.

Я потерялся в нем, прямо посреди озера, когда солнце скрылось в сумерках, и это было лучшим, что я мог себе представить. Я бы целовал его целую вечность, если бы не заблудившийся прыгающий мяч, врезавшийся мне в икры.

Мы с Ридом разошлись и увидели маленького мальчика лет пяти или около того бежавшего по берегу за мячом, а его мать летела за ним.

— Джек, — позвала она, когда мальчик схватил мяч, приземлившись у моих ног. — Я же говорила тебе не бросать, пока мы не вернемся домой, — она вздохнула, потерла лоб и вежливо улыбнулась нам сожаляющей улыбкой. — Извините за беспокойство.

— Без проблем, — сказал я, держа Рида прижатым к себе, потому что, ну, я был твердым, как гребаный камень.

Мальчик с мячом в руках бросился обратно к склону, и я повернулся к Риду, который улыбался и смотрел на меня, а не на проходящую мимо семью.

— Так, — он схватил меня за талию, — ты действительно без ума от меня, да?

Я откинул голову назад в порыве смеха и позволил своим ладоням спуститься вниз по его рукам. Мурашки покрывали его кожу там, где я касался. Мне это нравилось. Мне это чертовски нравилось.

— Не позволяй этому вскружить тебе голову, Синяя птица.

Рид ухмыльнулся мне, а затем поднялся на цыпочки, чтобы поцеловать меня снова, но прежде чем он это сделал, он прошептал:

— Слишком поздно.

Глава 11

Мы проводили вместе каждый вечер в течение всей недели. Однажды вечером мы еще раз посетили рыбный гриль-бар и снова зашли в музыкальный магазин. Рид наконец-то набрался смелости спросить женщину, откуда она его знает, и она сказала ему, что была его наставником в колледже.

Было несколько вечеров, когда я работал допоздна, и мы заканчивали день тем, что просто бездельничали, развалившись на диване, тратя больше времени на разговоры, чем на что-либо по телевизору. Я был удивлен, узнав, что как только Рид принимал решение о чем-то, он не стеснялся продолжения, и это было особенно важно, так как мы избавились от недопонимания между нами. Если он хотел поцеловать меня, то целовал. Если он хотел держать меня за руку, он тянулся за ней. Мне нравилось, что он всегда хотел быть рядом или касаться, его рука всегда касалась меня, была ли она на моей талии, моей руке, моем бедре. И хотя дальше наших вечерних поцелуев дело не продвинулось, я был доволен, что так будет продолжаться столько, сколько ему нужно.

Предел удовольствия. Я был счастливее, чем когда-либо в жизни.

В один из уик-эндов, когда я спросил Рида, готов ли он к приключениям, и он ответил громким: «Черт возьми, да!», я решил отвезти нас в одно из моих любимых секретных мест, в часе езды в сторону Востока. Когда мы поднимались в гору, я вспомнил разговор, который вызвал эту идею в первую очередь.

— Я начинаю узнавать многие вещи о себе, но я все еще недостаточно знаю о тебе, — сказал Рид, положив голову мне на колени, и я рассеянно гладил его волосы.

— Достаточно, — сказал я. — А когда для тебя будет «достаточно»?

— Когда я узнаю все.

— Хм. Это может занять некоторое время.

Пожав плечами и лениво улыбнувшись, он сказал:

— *У меня есть время.*

Тогда мне пришло в голову, что вместо того, чтобы рассказывать ему о том, что мне нравится, было бы намного интереснее, если бы я мог показать ему. И на полпути к одной из гор Северной Джорджии лежало сокровище, которое начиналось с длинной и пустынной парковки.

Когда мы подъехали, Рид опустил солнцезащитные очки и оглядел заброшенное пространство. Сорняки росли через трещины в гравии, и единственная надпись, указывающая на то, что было там за дико заросшими кустами, была на покосившейся деревянной вывеске, с написанными спреем словами *«Держись подальше»*.

Рид наклонился ко мне, чтобы посмотреть на приборную панель, когда я выключил машину:

— У нас закончился бензин?

— Нет. Мы приехали.

— Остановившись здесь.

— Ты сказал, что готов к приключениям, да? — я открыл свою дверь. — Давай, пойдем повеселимся.

Рид остался на месте:

— У меня ощущение, что из этих кустов выскочит сумасшедший клоун и разрубит меня на кусочки.

— Не глупи, — сказал я, вынимая рюкзак с едой и напитками с заднего сиденья и надевая его. — Клоун не рубит. Он перемалывает, как мясорубка.

— Что?

— Я пошутил. Но не волнуйся, я буду защищать тебя.

Подняв бровь, Рид открыл дверь, и я, обогнув заднюю часть машины, взял его за руку. Я провел его через небольшой проход в кустах, и, когда мы протиснулись между ними, его глаза расширились.

В паре сотен футов был старый кирпичный вход в парк, с выцветшей желто-зеленой вывеской, висящей над входом, провозглашающей: *«Мы идем, чтобы увидеть волшебника...»*

А дальше то, что когда-то было дорогой из ярко-желтого кирпича, ведущей через густой лес.

— Что это за место? — спросил Рид, когда мы направились к входу.

— Это был парк развлечений, который начали строить еще в семидесятых годах, но его так и не достроили. Он был заброшен в течение десятилетий, и я думаю, что большинство людей забыли, что он когда-либо существовал.

— Парк развлечений *«Волшебник страны Оз»*? Разве он не должен был «взлететь»? Особенно если у них были летающие обезьяны.

— Может, в этом и заключалась проблема. Их не было, — подмигнул я, когда мы подошли к открытой кирпичной арке, где слева стояла будка билетной кассы, а справа — заколоченный сувенирный магазин. Не было ни дверей, ни замков, что могло нас остановить, и когда мы вошли внутрь, Рид потянул меня за руку.

— Это будет считаться несанкционированным проникновением, если он заброшен?

— Возможно. Ты же не против нарушить со мной парочку правил?

Рид поджал губы, но не сопротивлялся, когда я повел нас к неровной дороге из кирпича, которая со временем выцвела до тускло-желтого.

— Похоже, ты нарушитель правил. Пробираешься в старые парки, в больничные палаты...

— Ты ведь не жалуешься, правда? — я громко рассмеялся.

— Не на последнее.

— Ну, ты хотел узнать обо мне побольше, — я остановился.

— Ты хочешь сказать, что одержим *«Волшебником страны Оз»*?

— Нет, — фыркнул я.

— Да, конечно. Это были рубиново-красные туфельки, которые сделали это, верно? Это то, что тебя так затянуло? Или, может быть, тебе просто нравится жуткая атмосфера заброшенных мест.

— Бинго. Но мне это не кажется жутким. Это больше...

— Ужасно?

— Я хотел сказать очаровательно.

— Ужасно очаровательно.

Я покачал головой.

— По-моему, это романтично, — я показал на деревья, которые росли по обе стороны от нас, их ветви были густыми и суровыми, в отличие от последнего раза, когда был здесь, в окружении пышной зелени лета. Или до этого, около Хэллоуина, когда разноцветные листья осыпались и покрывали землю. — О. Ну... думаю, в любое время года здесь хорошо. Мне кажется, зима заставляет чувствовать себя по-другому. Я не думал об этом.

— Я думаю, это потрясающе. У меня будет частная экскурсия? — Рид встал передо мной и схватил меня за лацканы куртки.

— Ммммм, — промычал я, нацелившись на его губы, и не смог удержаться, чтобы не наклониться вперед, чтобы попробовать их. Он потянулся ко мне, углубляя поцелуй, но прежде чем мой член проснулся и обратил на все внимание, Рид отстранился и отпустил мою куртку. Затем он снова взял меня за руку.

— Мы идем к волшебнику, не так ли? — сказал он с усмешкой, когда мы отправились по дороге из желтого кирпича, стараясь обойти кирпичи, которые торчали под углом. Последнее, что нам было нужно, кроме вывихнутой лодыжки, это еще один визит в скорую. — Может быть, он сможет помочь мне поменять мои мозги...

— Как ты думаешь, почему мы здесь?

Он пихнул меня, сталкивая с дороги на траву, и покачал головой:

— Умник.

Когда мы прогуливались, я показывал достопримечательности, которые посмотрел онлайн после моего первого посещения. Лачуга с проржавевшим велосипедом, стоявшая в самом начале, была домом семьи Дороти, а в задней части был зоопарк, который могли посетить гости парка, когда он был открыт. Дальше был магазин костюмов для детей и взрослых, где они могли одеться как любимые герои фильма. А затем на небольшом расстоянии, на холме, возвышался замок со шпилями, которые представляли Изумрудный город.

— Это удивительно, — сказал Рид. — Как ты вообще нашел это место?

— Один из парней с работы встречался с девушкой, которая была одержима «*Волшебником страны Оз*» и знала все об этом месте. Он как-то упомянул об этом в разговоре, так что я решил посмотреть.

Когда мы приблизились к Изумрудному городу, лес закончился, и мы оказались на большой площади, которая была расчищена для семейных пикников, и я подвел нас к участку, который не был слишком заросшим сорняками. Изгородь, которая шла по периметру, давно исчезла, открывая нам великолепный вид на холмы внизу.

Расстелив одеяло, которое я принес, чтобы мы могли посидеть, я поставил контейнеры с обедом и напитками, которые упаковал утром, и мы сидели, ели бутерброды и любовались видом.

Когда Рид закончил, он вытер руки и хитро улыбнулся.

— Первое свидание с Олли: жуткий старый парк.

— Эй, грубовато. И с чего ты решил, что это наше первое свидание?

— Первое *выездное* свидание.

— Мммм... Первое *жуткое* выездное свидание, — пробормотал я, делая вид, что обиделся.

— Вообще-то, — он пододвинулся ко мне и поцеловал в челюсть, — Это чертовски круто. Мне нравится, что ты привез меня в такое, неожиданное для меня, место.

— Мне нравится все неожиданное.

Рид откинулся на одну руку и переплел свои пальцы с моими.

— Иногда в выходные я просто сажусь в машину и уезжаю, — сказал я. — Еду туда, где я никогда не был, чтобы заблудиться и попытаться найти выход. Открыть для себя крутые заброшенные парки, как этот, или места, где я еще не был. Есть так много красивых и интересных мест, которые люди никогда не увидят, потому что они слишком боятся сойти с проторенного пути, — я погладил его руку большим пальцем. — К тому же это позволяет мне быть подальше от людей.

— Ты не кажешься слишком асоциальным, — поддразнил он.

— Нет, но иногда приятно расслабиться. Моя работа — это постоянный стресс, и когда его становится слишком много, мне нравится, что есть возможность уехать и очистить голову от всего.

— Думаю, мне это тоже нравится. Взрыв мозга, — кивнул Рид, глядя на холмы.

— Взрыв мозга? — хихикнул я. — Мне кажется, с тебя достаточно, не так ли?

Его челюсть отвисла, и он начал смеяться.

— О, туше, туше. Я в долгу не останусь.

— Обещаешь?

Рид повернул голову в мою сторону, и через две секунды он толкнул меня обратно на одеяло и положил руку мне на грудь, чтобы удержать меня на месте.

— Какого... — начал я, но Рид двинулся на меня, оседлав мою талию, а затем наклонился и поцеловал меня, фактически заткнув мне рот.

— Пожалуйста, скажи мне, что это твой способ вернуть мне долг, — прошептал я ему в губы, и когда я попытался приблизиться, он отклонился и сел.

— На самом деле, да, — тяжесть его тела на моем животе исчезла, когда он слез с меня и сделал глоток воды, делая вид, что и не нападал на меня.

— Обалдеть, — я сел и ошеломленно покачал головой. — Ты чертовски зло дразнишь.

— Как это было для взрыва мозга?

— Ты доказал свою точку зрения. И перекройте мне кровообращение, — сказал я, поправляю свою растущую эрекцию, чтобы мог сесть.

Ноздри Рида расширились, когда он посмотрел вниз, и снова направился ко мне, но я поднял руку.

— Воу, парень. Дай мне несколько минут, чтобы успокоиться.

— Может быть, я смогу помочь, — предложил он, но тут я увидел дьявольский блеск в его глазах. — Я могу тебе помочь...?

— *Чееерт*, это не поможет. Поговорим о чем-нибудь другом, — сказал я, откидываясь на одеяло и потягиваясь.

— О чем-нибудь другом, кроме огромного питона в твоих штанах?

— Да, кроме этого, — я издал сдавленный смех.

— Полагаю, о моем ты тоже не хочешь говорить?

— *Рид*.

— Хорошо, хорошо, — он снова рассмеялся и, успокоившись, продолжил: — Есть кое-что, о чем я хотел тебя спросить, но ты не обязан отвечать, если не хочешь.

— Теперь это не похоже на человека, который требовал знать обо мне «все».

— Я стараюсь предоставить тебе такую возможность, но ты прав. Ты должен мне рассказать.

Я усмехнулся, придвинувшись поближе и приподнявшись на локте, чтобы подготовиться к тому, что он выдаст мне.

— Давай вперед. Выкладывай.

— Окей, — он сложил руки на коленях. — Когда ты понял, что ты гей?

— И это все?

— Что? Это довольно личный вопрос.

— Судя по тому, как ты это произнес, я думал, ты спросишь что-то вроде кода от сейфа.

— О, звучит заманчиво. Ты мне скажешь код от сейфа?

— Может быть, когда-нибудь, если ты очень вежливо меня об этом попросишь, — сказал я, подмигивая. — И, отвечая на твой вопрос, думаю, я всегда знал. Я не припомню ни одного момента, когда для меня это стало открытием. Просто так было всегда.

— И твоя семья знала об этом?

— Они знали. Они усадили меня на «разговор», ну ты понимаешь какой, о мужчинах. Мой отец вел себя как герой, — я провел рукой по щетине на щеке, вспоминая прошлое. — Не думаю, что он когда-либо встречал геев в своей жизни, но он никогда не стеснялся и не сдерживался, чтобы сказать мне, чего ожидать и как соблюдать безопасность. Не думаю, что в тот момент уважал его больше, чем когда-либо. Иногда в консервативном городе бывает трудно выделяться из большинства, но я никогда не чувствовал ничего, кроме гордости, когда он смотрел на меня. Это касается и моей мамы тоже.

— Мне они кажутся хорошими людьми.

— Да, — кивнув, сказал я. — Они лучшие.

Рид посмотрел на свои дрожащие руки:

— Я еще не рассказал о тебе своей семье.

— Я догадался.

— Тебя это расстраивает?

— Нет, — ответил я. — Это тебе решать. Я никогда не заставлю тебя делать то, к чему ты не готов. Я имею в виду, ты можешь проснуться завтра и решить, что вообще не хочешь этого делать. И это будет нормально. — *«Неверно. Это будет чертовски больно»*
— За последние несколько месяцев у тебя были тонны дерьма, и тебе позволительно принимать решения в любом темпе, в котором тебе удобно.

— Олли? — Рид лег на бок, повторяя мою позу и приподнимаясь на локте.

— Да?

— Я не представляю, что могу передумать насчет тебя.

Его слова растопили мое сердце, но я не был настолько наивен, чтобы поверить им — пока нет.

— Могу я задать тебе еще один вопрос?

— Нет. Да.

— Как тебе... Эм... Я имею в виду, как это делается, когда ты... — румянец окрасил его щеки, когда он изо всех сил пытался спросить о том, что ему было интересно. — Как ты... или делает кто-то... Ах, дерьмо. Я не знаю, что я пытаюсь сказать...

— Ты спрашиваешь меня, сверху я или снизу?

— Эээ... Я не знаю, что это значит.

«Нет, черт возьми, Олли, разумеется, он не знает».

— Это в основном означает, что мне нравится трахать или мне нравится, когда трахают меня.

— Ох, — Рид еще больше покраснел. — Тогда да, именно это я и имел в виду.

— Я так и подумал. И тебе не нужно стесняться спрашивать. Это нормальный вопрос и очень важный, когда ты знакомишься с кем-то, с кем ты, возможно, захочешь этого. Честно говоря, мое предпочтение заключается в том, что мне нравится снизу — когда трахают меня — но я могу быть и сверху, заботясь о человеке, который мне не безразличен.

Рид кивнул и долго молчал, но через минуту, когда он все еще ничего не сказал, я продолжил:

— Это слишком много, чтобы принять?

— А? О, нет, нет. Я... отложу это на потом.

— Окей. И чтобы ты знал, здесь нет никакой спешки, хорошо? Я хочу проводить с тобой время, в любом виде.

— Спасибо, что привез меня сюда. Показал мне эту часть тебя, — он потянулся ко мне и провел рукой по моей руке.

— Лучше сейчас решить, во что ты ввязываешься.

— Поверь мне, я не переживаю. Даже близко, — Рид прикусил внутреннюю сторону щеки и, казалось, спорил сам с собой. — А если... я захочу большего? Это будет нормально?

«Черт, да!», — хотел сказать я, но заставил себя умерить свою реакцию.

— Думаю, я смогу с этим справиться.

— Да? — он провел рукой по моему плечу, по моей шее, а затем снова вниз, но на этот раз он провел пальцами по моей груди. Я судорожно вздохнул, когда мой живот сжался от его прикосновений, и когда он достиг края моей рубашки, его глаза поднялись к моим.

— Можно мне? — спросил он.

Когда я кивнул, его рука исчезла под тканью, моя кожа покалывала там, где его пальцы скользили по моему прессу и ложбинке между моими грудными мышцами. Затем его большой палец коснулся моего затвердевшего соска, я вдохнул и прикусил губу, чтобы не застонать.

Он подвинулся ближе, пока наши тела не соединились, а затем просунул колено между моими бедрами, раздвигая их и переплетая наши ноги, и обнял меня за талию. Когда наши губы соединились, его бедра начали двигаться против моих, от трения наших эрекций под штанами, ощущения его движений с моими, и понимания того, что это я и мое тело вызвали эту реакцию в Риде... мне хотелось взорваться. Я не мог насытиться и знал, что долго не протяну, если мы продолжим.

Рид был первым, кто оторвался, тяжело дыша, и, хотя я не хотел останавливаться, но, также, не хотел, чтобы его первый опыт со мной был в таких условиях. Я хотел, чтобы нам не надо было торопиться, хотел вылизывать, сосать и целовать каждый дюйм его стройного тела.

— Олли, — голос Рида был хриплым и полным желания, — можем ли мы...

— Да?

— Мы можем вернуться к тебе? — я не пропустил, как его бедра прижались к моим, когда он озвучивал свою просьбу, или как мой сердечный ритм поднялся еще на ступеньку выше. — Я хочу...

«Ох, черт». Когда его рука сжала мою задницу, прижимая нас ближе, Риду даже не пришлось заканчивать предложение. Я чувствовал его пульс под пальцами, колотившийся так же быстро, как и мой. Я точно знал, чего он хочет. Того же, чего я тоже хотел. Я не знал, как, черт возьми, я должен был отвезти нас домой с такой бешеной эрекцией, какая была сейчас у меня, но я должен быть сильнее, чем когда-либо, и все это ради него.

— Да, — прошептал я, затем снова поцеловал его, глубоко и страстно, давая ему понять, что я готов — во всех отношениях — на все, что бы он ни захотел.

После того, как мы отлепились друг от друга и смогли подняться на ноги, Рид помог мне бросить все в рюкзак, и когда я увидел, что доказательство его возбуждения плотно зажато его штанами, мне пришлось сказать себе остановиться и подумать о чем-то еще, прежде чем я кончу в джинсы, даже не касаясь себя.

И... черт. Он хотел прикоснуться ко мне. Так же, как я хотел прикоснуться к нему. Я видел это в его взгляде и чувствовал вибрацию между нами.

Я только молился, чтобы мы вернулись домой до того, как взорвемся.

Глава 12

Всю дорогу домой я побелевшими от напряжения пальцами крутил руль, и тишина между нами почти сводила меня с ума. Рид был тихим, а он никогда не был тихим, но меня бы это не беспокоило, если бы я не видел, как его кулаки сжимались на коленях, когда он старался не смотреть на меня.

Я едва помнил, как выходил из машины или открывал входную дверь, но все прояснилось, как только за нами захлопнулась дверь.

Язык Рида нырнул мне в рот, в то время как я потянулся навстречу, и мы пожирали друг друга, пытаясь сбросить обувь. Мы спотыкались в коридоре, губы не отрывались

друг от друга дольше, чем требовалось на то, чтобы снять футболки. Руки Рида вплелись в мои волосы, а мои прижимали его ко мне, и, толкая дверь, мы ввалились в мою спальню.

Я слышал, как его штаны упали на пол, и он потянулся к моим. Когда он расстегнул мои джинсы, мои глаза распахнулись, и я понял, что вот-вот должно было произойти.

— Подожди, подожди, подожди, — сказал я, схватив его за запястья и слегка оттолкнув назад. — Я не хочу, — *глубокий вдох*, — торопить события.

— Если ты беспокоишься, что я могу изменить свое решение...

— Нет, — я глотал воздух, пытаюсь успокоить свое гребаное либидо. — Дело не в этом.

— Подожди, *ты* передумал? — Рид нахмурил лоб.

— Господи, нет, — я опустил его руку на свои джинсы, где мой член дернулся, как только он его коснулся. — Доверься мне. Нет, черт возьми, не передумал. Но я слишком сильно хочу, чтобы это не закончилось в ближайшие пять минут.

Когда я отпустил его, он попятился, его икры врезались в каркас кровати. Он повернулся, чтобы посмотреть на то, с чем столкнулся, и при виде моей большой кровати, он сказал:

— Боже, — он оглянулся на меня, потом снова на кровать, потом снова на меня. — Ты прав. Ты... *Дерьмо*.

Он потерял живот, как будто его сейчас стошнит, и я чертовски надеялся, что он не подумает, что все это было ошибкой, когда все стало настолько реальным.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Почему я вдруг начинаю нервничать?

— Ты расстроен?

— Нет. Не расстроен.

— Боишься?

— Эм... Я так не думаю.

— Волнуешься?

Он сглотнул.

— Д-да, думаю, что, скорее всего, так.

Я сделал шаг навстречу ему.

— Что ты сейчас чувствуешь?

— Хочу... я хочу, чтобы ты подошел ближе.

Еще один шаг.

— А теперь?

Я был достаточно близко, чтобы Рид протянул руку и положил ее мне на живот.

— Я не думаю, что это нервы, то, что я чувствую сейчас.

— Рид? — позвал я, накрывая его руку своей.

— Да?

— Ложись на кровать.

Его глаза слегка расширились, но затем он сделал, как ему сказали, и откинулся на матрас, одетый только в темно-серые боксеры. Я пока не снимал джинсы, потому что мне нужен был этот барьер, если я собирался хотя бы попытаться не торопиться. Забравшись на матрас, я наслаждался тем, как Рид следил за мной, с похотью, кружащейся за этими карими глазами. Когда я это сделал, он встал на колени, и я взял его лицо в свои руки.

— Ты можешь прекратить это в любой момент, — сказал я, потому что тоненькая ниточка все еще сдерживала меня до тех пор, пока я не услышу от него слова, которые мне необходимо было услышать.

— Я не хочу останавливаться.

Приблизив его лицо к своему, я всосал его нижнюю губу, и когда он застонал, я просунул свой язык в горячий, влажный жар его рта.

Если бы это было все, что у меня когда-либо было, как сливаются наши губы в поцелуе и ничего больше, я знал, что все равно умру счастливым человеком. Но желание Рида, казалось, полностью соответствовало моему, потому что он опустил на спину и потянул меня за собой.

Вытянувшись рядом с ним, я провел кончиками пальцев вниз между его грудными мышцами, затем по его животу, и я увидел, как его тело дрожит от моих прикосновений.

— Ты все еще нервничаешь?

— Не из-за тебя.

Я улыбнулся.

— Ты скажешь мне, если это слишком? — и я двинулся дальше, мои пальцы скользили по гладкой коже пробираясь под резинку его трусов, касаясь мягких завитков, которые, я знал, будут такими же темными, как волосы на его голове.

У Рида перехватило дыхание.

— Не бойся. Доверься мне, — его эрекция напряглась, упираясь в тонкий материал, толстая и твердая, и, прежде чем двинуть рукой и обхватить его член, я поцелуюем накрыл его губы.

Он задыхался, когда я целовал и гладил его сквозь ткань, его поцелуи стали голодными, а затем он оторвался, чтобы прошептать:

— Это так... хорошо, — когда он выгнул спину, его бедра, жадные и нетерпеливые, дернулись под моей рукой. Вот таким я хотел его видеть, отчаянно нуждающимся в большем.

Но он был не единственным, кто нуждался в большем.

Я приподнялся, вставая на колени, а затем взял его за пояс обеими руками. Медленно снимая боксеры с его тела, я наслаждался видом его голого, в первый раз подо мной, тела.

Он был чертовски идеален.

Густые каштановые кудряшки окружали его покрасневший член, набухшая длина указывала на его владельца, который смотрел на меня хищными глазами.

Отбросив его трусы в сторону, я устроился между его бедер, пуская слюни на то, чего я так долго желал.

— Подожди.

Я замер.

У него перехватило дыхание.

— Я не вижу тебя?

Я посмотрел вниз, туда, где все еще был в джинсах, хотя они были расстегнуты с того момента, когда он их расстегнул.

— Это... то, чего ты хочешь? — видит Бог, что я не хочу давить на него, но, черт возьми... мысль о том, чтобы быть перед ним голым, почти отправила меня прямо в оргазм.

Когда Рид кивнул, облизывая губы, я не мог отказать ему ни в чем, о чем он просил.

Когда я поднялся на ноги, Рид приподнялся на локтях, а затем я просунул большие пальцы под резинку своих боксеров и стянул их вниз вместе с джинсами, позволив им упасть на землю, и откинув их в сторону.

Потом я подошел обратно к кровати, но Рид поднял руку.

— Просто останься там на минуту, — прошептал он, и его глаза скользнули по мне. Мое сердце забилося под его взглядом; я никогда не был такой открытым и уязвимым под чьим-то взглядом, никогда никто не просил просто смотреть на меня, никто не смотрел на меня так, как Рид. Как будто он хотел запомнить каждый дюйм, как будто мое тело хранило секреты, которые он хотел медленно раскрыть.

Когда его глаза снова встретились с моими, любовь, которую я увидел, смешалась с его желанием.

— Ты прекрасен.

Прекрасен. Я. Мое тело, несовершенное и покрытое шрамами, было с чего-то прекрасным для этого человека, и именно тогда я понял, что сегодня не будет сдерживания ни для кого из нас.

Дрожащими руками я открыл ящик рядом с кроватью, достал бутылочку смазки и презерватив и положил их на тумбу. К его чести, Рид не казался обеспокоенным моими приготовлениями. В действительности, когда я забрался обратно на кровать, он потянулся за смазкой и презервативом и положил их рядом с собой на матрас.

«Ох, черт». Он был уже готов, а ведь мы только начали. Мне пришлось ущипнуть головку члена, чтобы не кончить прямо на месте, и когда Рид заметил, что я делаю, его ноздри дернулись.

— Если ты не хотел кончать, тогда тебе не надо было снимать джинсы, — сказал он, садясь и убирая мою руку, чтобы взять мой член. На кончике была капелька предсемени, и когда он провел большим пальцем по головке, мои глаза практически закатились до затылка.

— Рид... Ох черт, — выдохнул я, когда он обхватил меня рукой и начал дробить. Мои бедра сами собой двинулись вперед, когда я схватил Рида сзади за шею, чтобы крепко держаться.

Его рука была гребаным мастером; он точно знал, как сильно, как долго двигать ею, чтобы довести меня — и держать меня — на грани.

— Еще нет, — чертыхнувшись, сказал я и заставил его лечь на спину, прежде чем он доведет меня до оргазма. Мой член физически болел от отсутствия его прикосновений, но сегодня не для меня. Ни за что. Сегодня все для человека подо мной, о котором я мечтал в своей постели больше месяцев, чем мог вспомнить в тот момент. Он был тут, лежал, раздвинув ноги, и смотрел на меня так, как я и мечтал. А потом он сказал два слова, которые заставили меня начать действовать.

— Олли... пожалуйста.

Я встал между бедер Рида, мой рот наполнился слюной при виде его, лежащего подо мной. Просунув руки под его задницу, я приподнял его бедра ко рту, поднося как пир, который я умирал от желания съесть.

Так и было.

Когда мой рот опустился на член Рида, его бедра дернулись вверх, и кончик его члена ударил меня по горлу.

— О Господи, Олли, — простонал он, сжимая покрывало. — *Господи*.

Правда, о Господи, потому что его вкус был чертовски *ошеломляющим*. Его. Черт. Вкус. Ничего подобного не было, декадентского и пряного, в моем новом любимом блюде. Я выпустил член из рта, кружа языком вокруг головки, дразня, прежде чем втянуть его обратно между губами. Удовольствие, которое я получал от ощущения его во рту, не было похоже ни на что, что я когда-либо испытывал раньше. Я делал этого человека сумасшедшим. Это было видно по стонам, которые вылетали из него, и по тому, как его пальцы в моих волосах до боли сжимали меня. Я чувствовал, что он на подходе, но не мог решить, чего я хочу больше, чтобы он кончил мне в рот или в задницу.

К счастью, Рид принял это решение за меня.

— Олли, — прошептал он, затаив дыхание. — Я хочу... — он не мог произнести эти слова, поэтому поднял лежащий рядом пакетик с презервативом, и когда мои глаза поймали это, я с хлопком выпустил его член из рта.

— Ты уверен? — откидываясь на пятки, спросил я.

— Я в этом абсолютно уверен. Я хочу сделать это. Я хочу знать, каково это — быть внутри тебя.

Мои глаза ненадолго закрылись, и когда они открылись, я понял, что он должен видеть пылающий ад, ревущий внутри них.

— В таком случае, Рид?

— Да?

— Надень чертов презерватив.

Дрожащими пальцами, он предпринял пару попыток, чтобы разорвать пакетик, но раскатать резинку ему удалось с первого раза. Моя задница сжалась в ожидании его внутри меня, и я взял смазку и открыл крышку.

— Иди ко мне, — позвал я, и когда он приподнялся, я налил жидкость в ладонь и покрыл его член смазкой. — Тебе нужно использовать это. И на мне тоже.

Рид вздрогнул, когда я протянул ему смазку, и я взял его подбородок между большим и указательным пальцами. Я целовал его медленно, основательно, страстно, говоря в этом поцелуе, как сильно я хочу его, и как только я это сделал, его дрожь утихла. На этот раз он был тем, кто толкнул меня на спину, и порочная ухмылка, изогнувшая его губы, сказала мне, что он ждал этого так же сильно, как и я.

Сползая ниже, я раздвинул ноги и согнул колени. Его член торчал перед ним, готовый взять меня, Рид посмотрел на меня — на всего меня — первый раз в жизни, а затем он сделал такое, что заставило меня улыбнуться. Он облизал губы.

— Господи, ты такой сексуальный, — сказал он, устраиваясь между моих бедер и выливая больше смазки на свой обтянутый презервативом член. Он наклонил свою эрекцию вниз, чтобы смазка стекала, и я почувствовал ее там, где мне это было нужно.

— Войди в меня, Рид, — хриплый звук, исходящий из моего рта, не был похож на мой, но Рид сильно прикусил губу, и прижался головкой к моей горячей дырочке.

Я был готов, ох, так чертовски готов, и я собирался сказать ему это, когда он медленно толкнул головку внутрь меня. Задышавшись, он отстранился, но я потянулся к его бедрам и удержал его.

— Просто сделай это. Медленно. Ты не причинишь мне вреда, — я направил его обратно к своему входу, и Рид толкнулся внутрь, проскальзывая глубже, и когда головка вошла в меня, я глубоко вдохнул, впуская его.

— Ух ты, — пробормотал он себе под нос, останавливаясь, и я снова схватил его за бедра и заставил продолжать. Я приветствовал жжение и боль от того, что не был растянут заранее — у меня уже несколько месяцев не было партнера. Удовольствие граничило с болью, но я желал ее. Я не только хотел этого, но и нуждался в этом. Если бы не боль, я бы подумал, что это галлюцинации — великолепное, мускулистое тело Рида надо мной, его слегка загорелая кожа контрастирует с моей бледно-белой.

— О Господи, я не могу, — прохрипел Рид, его лоб покрылся потом. — Ты чувствуешь слишком хорошо... слишком туго. Я сейчас кончу.

— Посмотри на меня, — сказал я и подождал, пока он это сделает. — Ты не кончишь, пока я не почувствую тебя внутри себя. *Всего* тебя.

Не сводя с меня глаз, он последовал моей команде, хрипя и проскальзывая до конца. Когда он полностью вошел в меня, я провел руками вниз по гладким изгибам его задницы и дал ему последнее указание:

— А теперь возьми меня.

Если бы я подумал, что Рид будет сдерживать меня только потому, что это был его первый раз, я был бы абсолютно неправ. Он точно знал, что делать, точно знал, как взять меня и заставить мои пальцы подгибаться при каждом толчке его бедер.

Склонившись надо мной и продолжая двигаться, он схватил мои губы, погружая язык глубоко внутрь, так что не было ни одной его части, которая не была бы соединена со мной. Секса ему было недостаточно. Он хотел быть полностью связанным, переплетенным со мной физически и эмоционально. Я так долго хотел, чтобы он был внутри меня, и теперь, когда это произошло, это было намного... *больше*. Более интенсивным, более эмоциональным, и более поглощающим, чем я когда-либо мог себе представить.

Надвигающаяся волна угрожала захлестнуть меня, когда Рид простонал:

— Я кончаю... я не могу сдержаться...

— Кончи со мной, — прорычал я, вены на моей шее натянулись как канаты, когда самый мощный оргазм в моей жизни захлестнул и угрожал поглотить меня. Я слабо слышал, как Рид звал меня, почувствовал, как его бедра беспорядочно дернулись, но я слишком глубоко провалился в экстаз своего оргазма, чтобы подтолкнуть его. Через несколько секунд Рид рухнул на меня сверху, на свидетельство моего удовольствия между нами, оба мокрые от пота, но ни один из нас не мог пошевелиться. Мои ноги одеревенели, словно я бежал марафон в изнуряющей пустынной жаре. Мы оба лежали, переводя дыхание и ожидая, когда рассеется плотский туман.

— Так ты настоящий? — слова Рида были приглушены моей грудью.

— Я думал то же самое о тебе.

— Это было... — он поднял голову, чтобы посмотреть на меня, — просто невероятно.

Я издал слабый смешок, мое тело все еще вибрировало, но он был прав. «Невероятно» — слишком слабое описание того, что только что произошло между нами.

Я открыл прикроватный ящик, затем потянулся внутрь и схватил полотенце, и Рид неохотно лег на спину, чтобы я мог вытереть его. Вытерев себя, я откинул покрывало и встал, чтобы бросить полотенце в корзину для белья. Рид никогда раньше не оставался у меня дома на всю ночь, и я надеялся, что он не собирается одеться и уйти.

Когда он натянул покрывало на бедра и похлопал по пустому месту рядом с собой, я облегченно вздохнул и скользнул к нему. Рид прижался ко мне боком, обнял меня за талию и положил щеку мне на грудь. Мне был виден шрам на его голове, и я легонько коснулся его пальцами.

— Все зажило.

— Мммм... — промычал Рид.

— У меня тоже на память остались шрамы.

Это привлекло его внимание.

— Да? Где?

— Ты не заметил? Думаю, тебе придется их найти.

— В следующий раз. Я позабочусь о более тщательной проверке тела.

Я улыбнулся при мысли, что будет следующий раз.

— Ты сделаешь это.

— Обязательно, — сказал он и зевнул. Он долго молчал, и я подумал, что он заснул, но потом он спросил: — Олли? У тебя всегда было так?

Моя рука сжалась вокруг него.

— Нет, Синяя Птица. Ничего подобного у меня не было.

Он поцеловал меня в грудь, и через несколько секунд его тело расслабилось и утонуло в глубоком, мирном дыхании сна.

Прошло много времени с тех пор, как я молился, но, лежа с Ридом в моих руках, я мысленно поблагодарил того, кто меня услышал. Ничто и никто никогда не подходил мне так идеально, как Рид Валентайн, и я поклялся сделать все возможное, чтобы сохранить его в своей жизни.

Счастливым.

Здоровым.

Вместе.

Глава 13

Две недели спустя я проснулся посреди ночи в пустой постели под ласковые звуки фортепианной колыбельной. В течение нескольких минут я лежал, довольный тем, что слышал, и меня снова начал накрывать сон, но мое желание увидеть Рида и убедиться, что с ним все в порядке, пересилило любую потребность снова закрыть глаза. Я сбросил покрывало, надел спортивные штаны и прошел по коридору.

В доме было темно, мир снаружи все еще спал, и когда я прошел мимо часов, время показывало 3:00 ночи. Рид сейчас стал чаще оставаться у меня дома, все время рассказывая родителям, что он вернулся в свою квартиру, — он сказал, что не страдал от кошмаров, которые мучили его регулярно, вытаскивая его из сна. Я надеялся, что сегодня все будет по-другому, но он никогда раньше не вставал играть. Это была главная причина, по которой я оставил тепло кровати: мне нужно было проверить своего мужчину.

Оставаясь в темноте, не желая беспокоить, но достаточно близко, чтобы видеть его, я прислонился к двери, которая вела в кухню. Освещенный только лунным светом, проникающим сквозь щели в жалюзи, Рид сидел за роялем с закрытыми глазами, его тело мягко покачивалось, пока он играл.

Шли минуты, и время от времени он останавливался, брал ручку, лежавшую на пианино, и что-то записывал, прежде чем продолжить или начать играть сначала, и все это время я молчал, пользуясь моментом, чтобы просто смотреть на него. Он не оделся перед тем, как прийти сюда; его грудь была обнажена, и на нем были только боксеры. С того места, где я стоял, я видел, как двигались сильные мускулы на его плечах и руках, изгибались под гладкой кожей цвета слоновой кости, когда он играл. Я знал, каково это — водить языком по выступам и изгибам, как ощущается под моими губами его крепкое тело. Чувствовал, как его член толкается между моих губ — я улыбнулся при этой мысли.

Волосы Рида быстро отрасли, и теперь они были той же длины, что и раньше, когда мы не были знакомы. Но тогда они были в идеально-дотошном, безукоризненном виде, а теперь он ерошил их пальцами в стиле «Проснись-и-иди», который ему очень подходил — и мне не нужно было говорить ему, что я больше предпочитаю взъерошенный вид. Учитывая, что всякий раз, когда он был рядом, я не мог удержаться от того, чтобы провести пальцами по прядям и притянуть его к себе, у меня было чувство, что он показывает мне, что именно поэтому и продолжает держать их таким образом.

Когда он увидел меня в дверях, музыка прекратилась.

— Я тебя разбудил? — спросил он.

— Нисколько, — я покачал головой и вошел в комнату. — Я хочу, чтобы ты играл всегда, когда захочешь.

— Я уверен, что ты не имел в виду три часа ночи, — сказал он с улыбкой, снова перебирая пальцами клавиши.

— Я имел в виду любое время, — улыбаясь, я подошел к нему и наклонился над пианино, чтобы поцеловать его. Он что-то напевал.

— Сегодня это был не кошмар, не так ли?

— Сегодня нет. Я проснулся с мыслью о том, как закончить мелодию, над которой работал, и я не хотел ее забыть.

— Ту, которую ты только что играл?

— Да. Тебе понравилась?

— Это моя любимая. Ты играл ее в тот вечер, когда мы нашли музыкальный магазин в центре.

— Она напоминает мне тебя, — он улыбнулся. — То, что ты чувствуешь. Что ты *заставляешь* чувствовать меня, — Рид снова начал играть медленную мелодию. — Безопасность... полноценность... дом.

— Я рад, что заставляю тебя так чувствовать, — я улегся верхней частью тела на пианино, уткнувшись подбородком в руки, и закрыл глаза, пока он играл. Я не мог представить себе более прекрасного звука в мире. Если бы он хотел играть каждую ночь, не было бы ничего лучше, от чего я хотел бы проснуться.

Ничего лучше кроме этого мужчины.

Внезапно музыка прекратилась, и когда я открыл глаза, то увидел, что голова Рида опущена, а лоб нахмурен.

— Ты в порядке?

Его голова взлетела вверх, лицо разгладилось, и он слегка улыбнулся мне.

— Да, я в порядке, — сказал он, поднимаясь на ноги.

— Тебе не нужно останавливаться.

— Нет, кажется, теперь я записал ее, — он что-то нацарапал в блокноте, а затем бросил на него ручку. — Иногда мне приходится ее вытаскивать. Но сейчас я очень устал. Готов снова лечь с тобой в постель, — сказал он, взяв меня за руки, и я притянул его к себе, прижимаясь носом к его теплой шее.

— Это одно из моих любимых занятий в мире, слушать, как ты играешь.

— Ты предвзят.

— Даже не думал, — я поцеловал его ниже уха. — Мне очень повезло.

— Мне тоже повезло.

— Посмотрим, сможешь ли ты также сказать после этой недели, — сказал я. После того, как Майк безостановочно донимал меня тем, что когда он официально встретится с Ридом, я, наконец, смягчился, и, к моему удивлению, Рид ухватился за эту идею. Майк придет с Деб, и я не сомневался, что эти двое поладят с ним и будут не разлей вода. Но все же, Майка будет достаточно, чтобы бежать от него сломя голову, только если они не будут слишком прочно связаны.

— Я уже говорил, что не могу дождаться встречи с твоими друзьями?

— Они тоже очень хотят с тобой познакомиться. Но я еще раз заранее извиняюсь за язык Майка.

— Он меня не испугает.

— Он может. Черт, он даже меня пугает.

Рид засмеялся. Когда мы забрались обратно в постель, наш разговор перешел в томные поцелуи, после чего, обняв друг друга, устроились в мирной тишине, той, которая наступает перед сном. Но шли минуты, и, несмотря на замечание Рида о том, что он устал, он, казалось, не мог расслабиться. Я практически слышал, как его мысли бегут со скоростью миля в минуту, немного отодвинувшись, я повернулся к нему лицом.

— Что обычно тебя будит? — спросил я. — Когда тебе плохо?

Он долго молчал, и только это подсказывало мне, что я попал в точку.

— Доктор сказал, что это панические атаки. Иногда они накрывают так сильно, что я думаю, что умру.

— На что это похоже?

— Такое ощущение, что кто-то сидит у меня на груди, сдавливая легкие, и у меня такое чувство... это трудно объяснить, — я ждал, пока он подберет слова. — Может быть, смерть? Опустошение? Страх? Во сне я не могу отделить, что реально, а что нет. Я вспоминаю моменты, которые происходили, или это мои фантазии? Думаю, это самый страшный момент. Ощущение, будто у меня нет чувства реальности. Я уверен, что это то, что вызывает приступы.

Мое сердце сжалось — через какие трудности ему приходится проходить, хотя прошло уже столько времени. Он сохранял храбрый вид, но внутри был в ужасе. Никто не знал, пройдут ли когда-нибудь панические атаки, вспомнит ли он когда-нибудь, но ничего из этого не может быть под моим контролем. Все, что я могу делать, это быть с ним. Быть якорем, который ему нужен в реальном мире.

Как будто читая мои мысли, он сказал:

— Но я не чувствую этого, когда я с тобой. Все это проходит. Ты похоже... держишь меня... как-то, — он приподнялся на локтях. — Я не могу представить, что то, что у меня было раньше, могло быть таким же удивительным, как то, что у меня есть сейчас. Даже с провалами памяти, паническими атаками, разочарованием... кажется, что у меня все с

чистого листа. Это имеет смысл? Как будто не имеет значения, что было раньше, и именно сейчас я понимаю, что мне нравится, что мне не нравится... что я люблю.

Всплеск тепла затопил мою грудь, но я не стал комментировать его слова. Вместо этого я сказал:

— Я помогу тебе вспомнить. Если ты этого хочешь.

— Я не знаю. Часть меня хочет знать, кто я... кем я был до несчастного случая. Но что, если мне не понравится то, кем я был?

— Это невозможно, — покачал я головой.

— Почему?

— Потому что меня тянуло к тебе, — на его лице появилась улыбка, и я поцеловал его. — Итак, видишь? Ты не мог быть настолько плохим.

— Возможно, — он положил голову мне на плечо. — Можем мы просто остаться такими как сейчас?

— В постели? Голыми?

— Ммм... И это тоже.

Я обхватил его рукой, защищая от всего, желая оградить от кошмаров, от пустоты, которую он чувствовал. Хотел бы я вернуть ему недостающие части. Как это его изменит? Изменить нас? И сделал бы я это, если бы это означало, что я могу потерять его? Он за такое короткое время стал неотъемлемой частью моей жизни, что мысль о том, чтобы быть без него, была невыносимой. Невообразимой.

Я старался не заикливаться на этих мыслях, отвлекаясь, целуя его макушку и проводя пальцами вдоль позвоночника. Его тело начало расслабляться, и вскоре сон снова настиг его.

Но я не спал, тишина, которой я когда-то наслаждался, когда его у меня не было, теперь оглушала.

Глава 14

— Это всего лишь я, — крикнул Рид, закрывая входную дверь на следующий день после того, как я вернулся с работы.

Я поставил на плиту сковороду с говяжьим фаршем поджариваться до коричневого цвета, а затем, деревянной ложкой начал разбивать его на мелкие кусочки.

— Привет, я на кухне.

Рид завернул за угол, это никогда не менялось, что, как только он входил в любую комнату, в которой был я, его лицо начинало светиться, и широкая улыбка пересекала его губы. И это не было дружеским *приветствием*, улыбкой: «Привет, как поживаешь?», это было намного больше. Это было выражение, сохраненное исключительно для меня, от которого в моем животе начинали порхать бабочки, и, каждый раз, когда я его видел, я знал, что это чувство не исчезнет в ближайшее время.

«Мой, — подумал я, когда Рид подошел и поцеловал меня в губы. — *Весь мой*».

— Ты отлично выглядишь в фартуке, — сказал он, теребя завязки на моей шее. Я никогда не надевал его, но, когда я собирал продукты для ужина, увидел фартук с *поцелуями от шеф-повара* и не смог устоять. Любой намек, чтобы Рид прикоснулся ко мне своими губами.

Рид сзади обнял меня за талию и наклонился ближе к моему уху.

— Готов поспорить, ты отлично выглядишь именно в этом фартуке.

«Черт». Если он пытался заставить меня возбудиться, у него это получилось. Мой член дернулся под молнией, и я застонал.

— Если ты здесь, чтобы поиздеваться надо мной, у тебя получилось.

— Просто даю тебе то, чего ты ждешь, — сказал он, и предвкушение того, что произойдет позже, чуть не заставило меня сказать: «К черту ужин». Я всегда предпочитал сначала десерт.

— Нехорошо дразнить, — сказал я, прижимаясь к нему задницей. Его руки скользнули вниз по моим штанам, погладили мою растущую эрекцию, и я выпустил проклятие.

— Рид, — предупреждающее сказал я. Если он не остановится, вместо ужина я приглашу его в другое место. Но потом он усмехнулся, и его руки исчезли с того места, где они сводили меня с ума.

— Я буду хорошо себя вести. Пока.

— Вряд ли ты знаешь, что это. Но я не жалуюсь.

— Надеюсь, что нет, — он положил голову мне на плечо и смотрел, как я режу чили, чеснок и смешиваю их с луковым порошком. — Вкусно пахнет. Что готовишь?

— Как ты относишься к тако во вторник?

— Мммм... Я бы сказал, что чертовски хорошо отношусь. И ты сам делаешь приправу для тако? Черт. Я достал.

Я засмеялся и поцеловал его в нос, все еще поражаясь тому, что так спокойно могу сделать такую простую вещь, как эта.

— Чем я могу помочь? — спросил он, подойдя к раковине, чтобы вымыть руки.

— Ты можешь предложить мне развлечение.

Рид закрыл кран и прищурил глаза.

— Это твой способ держать меня подальше от кухни и от твоих штанов?

— Я бы никогда не хотел держать тебя подальше от моих штанов, — я изобразил на лице шок.

— Конечно, — ответил он со смехом, садясь за пианино. Наступила пауза, а затем он начал в быстром темпе песню, которая идеально соответствовала настроению.

— Мне это нравится. Что это?

— «Суперкалифраджилистик» (прим. в переводе с англ. «Суперархикстраультрамегаграндиозно», песня из фильма «Мэри Поппинс», 1964 г.).

— Оу. Вспомнил.

— Мне нравится, что тебя так легко впечатлить, — рассмеялся Рид.

— Трудно таким не быть, когда речь идет о тебе.

— А что насчет этого? — он начал играть веселую песенку, которую я сразу узнал.

— «У старины Макдональда была ферма»? Теперь ты смеешься надо мной.

Он снова начал играть, а я снял сковороду с плиты и выложил фарш в дуршлаг, чтобы стек жир. Затем вымыв сковороду, положил фарш обратно и посыпал домашними приправами. Все казалось таким нормальным, разговор и приготовление ужина, пока Рид играет на заднем плане. Просто. По-семейному. Так, как и должно быть.

Музыка внезапно остановилась, и я оглянулся через плечо и увидел, как Рид качает головой, поворачивая шею из стороны в сторону.

— Ты в порядке?

— Да, у меня все хорошо. Просто немного потянулся.

— Это намек на то, что позже я должен тебя раздеть и сделать массаж?

Рид облизнул губы и кивнул.

— Да, черт возьми.

Я подмигнул, возвращаясь к приготовлению ужина, но через несколько минут музыка снова остановилась, и на этот раз Рид склонился над клавишами, схватившись за голову.

— С тобой все в порядке? Рид? — бросив салат, который резал, я бросился к нему и присел.

— Я в порядке, — сказал он, держась за голову.

— Что происходит? Что случилось?

— Ничего. Все пройдет, — по его закрытым глазам и искаженному от боли лицу были видно, что боль не прекращалась.

— Что пройдет? Сильная боль?

— Это просто головная боль, — выдавил он.

— Где болит?

— С этой стороны. Прямо здесь, — сказал он, прикрывая шрам на левой стороне.

— Просто головная боль, когда твой череп ударился об окно и разбил его? Где-нибудь еще болит?

— Нет. Ничего страшного.

Я вспомнил прошлую ночь, когда он сидел на этом самом месте, остановил игру и покачал головой, как будто что-то отгонял от себя. Может быть, что-то вроде гребаной головной боли?

— Как давно у тебя такая боль?

— Олли...

— Сколько времени, Рид?

— Пару дней... — он резко вдохнул и согнулся пополам, держа голову в руках. Вот и все. У меня произошел выброс адреналина.

Чертыхаясь, я сжал его колено и побежал, чтобы выключить плиту. Потом я схватил со стойки ключи.

— Куда это ты... ах... собрался?

— Поправочка: куда *мы* собрались, — я развернулся к нему лицом. — И ты знаешь ответ на этот вопрос, — я потянулся, чтобы найти бумажник в карманах, но, когда его там не оказалось, я помчался по дому, чтобы поискать его в спальне. Найдя на комодке то, что искал, я сунул бумажник в карман штанов и пошел за Ридом.

— Олли, это сумасшествие. Мне становится лучше.

— Сумасшествие? — я покачал головой. Возможно, он не понимает последствий того, что может произойти, но будь я проклят, если позволю чему-то случиться в мою смену. Я не хотел рисковать, особенно с Ридом. — Нет, сумасшествие в том, что ты никому не говоришь, что тебе больно. Сумасшествие — ничего не делать, — я протянул ему руку, и, когда он встал, продолжил, — нам нужно, чтобы тебя посмотрели, и я буду чувствовать себя лучше, если мы сделаем это сейчас. Хорошо?

Что-то в моем лице, должно быть, сказал ему, не спорить со мной, потому что он кивнул.

— Окей.

Когда мы шли к моей машине, мое сердце билось, как тысяча скачущих лошадей, топавших по моей груди.

«Это просто предосторожность, — твердил я себе, когда помогал ему сесть в машину и закрыл дверь. — С ним все в порядке. Нет необходимости волноваться. У него могут быть головные боли».

Когда я пристегнулся и завел машину, тихий голос Рида заполнил пространство между нами.

— Ты на меня сердишься?

— Нет, я не полоумный. Я просто... — потерев глаза указательным и большим пальцами, продолжил, — очень беспокоюсь. Прости, я не хотел, чтобы это именно так выглядело. Но если что-то не так...

Рид убрал мою руку от лица и положил себе на колени.

— Не о чем беспокоиться. Я в порядке. Но если тебе от этого станет легче, я пойду проверюсь, а потом у тебя будет возможность ночью загладить свою вину за то, что ты ошибся.

Господи, как я надеялся, что он прав. Но у меня было какое-то предчувствие. Назовем это интуицией, но что-то подсказывало мне, что его срочно надо проверить и это должно произойти сейчас. Я знал признаки, знал симптомы, но я ни в чем не был уверен наверняка, пока мы не отвезем его в больницу на осмотр.

— Договорились? — спросил он.

Я поколебался, потом кивнул.

— Договорились.

— Отлично, — сказал он, отпуская мою руку, чтобы пристегнуть ремень безопасности. Когда он пристегивался, я увидел, как его лицо вздрогнуло — я бы поставил всю свою зарплату, что это еще одна вспышка боли. Но когда он поднял на меня глаза и увидел мое беспокойство, он слегка улыбнулся.

Он не мог меня обмануть, но я ничего не сказал, завел машину и вылетел на дорогу. Слава богу, больница была всего в нескольких минутах езды от моего дома. Я отчаянно хотел скорее попасть туда, по крайней мере, для того, чтобы вернуть нам душевное спокойствие.

Рид положил мне на плечо голову, и тот факт, что он был спокоен во время поездки в больницу, заставил мой желудок чувствовать себя неуютно. Я хотел позвонить его родителям, но, если ничего страшного не обнаружится, не стоит их беспокоить.

Возможно, я был в этой профессии слишком долго. Может, у меня началась паранойя.

«А может и нет...»

Обычная десятиминутная езда до больницы заняла меньше восьми, и когда я припарковался на стоянке Скорой помощи и выключил двигатель, Рид нахмурился.

— В скорую помощь? Подожди, я думал, мы просто идем к врачу?

— Нам надо к врачу скорой помощи.

— Но... — он закрыл глаза и вздохнул. — Хорошо.

Я вышел из машины и, как только он открыл дверь, я быстро обошел ее. Он позволил мне взять его за руку, чего мы никогда не делали на публике, и это маленькое достижение не осталось незаметным для меня. У меня все перевернулось, нервы и

бабочки воевали в моем животе, когда я вел его через автоматические двойные двери входа и дальше по коридору в приемную скорой помощи.

— Олли, привет, — приветствовала Конни, администратор, когда мы подошли к окошку. Она посмотрела на нас и, должно быть, уловила мрачное выражение моего лица, потому что ее улыбка спала. — Что привело вас сюда?

— Он попал в автомобильную аварию в начале января, — я кивнул головой в сторону Рида. — В настоящее время испытывает мучительные боли в месте травмы, — я с трудом произнес следующие слова. — Я бы хотел, как можно быстрее проверить его на... возможные осложнения.

— Пойду посмотрю, кто свободен. Может кого-то конкретно? Есть предпочтения? — она отодвинула стул и встала.

Я покачал головой.

— Фарруджи осматривала его в последний раз.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть он заполнит бланк поступления вон там, а я вернусь через секунду.

— Спасибо, Конни.

Когда я обернулся, Рид уже был у стойки, вводя на сенсорном экране информацию и симптомы, и я старался не нависать над ним. Когда он закончил, двери, ведущие в коридор, открылись, и Конни жестом предложила нам следовать за ней.

На этот раз Рид взял меня за руку, переплетая свои пальцы с моими, мы прошли мимо сестринского поста, заполненного людьми, которых я знал и с которыми работал ежедневно. С плотно сжатыми губами я кивал им, когда мы проходили мимо, и, скорее всего у них были вопросы о том, что происходит, но они, казалось, все понимали, что сейчас не время для разговоров.

Конни повела нас в одну из смотровых комнат, где были измерены все жизненные показатели Рида, после чего мы остались в комнате одни. Я сел на стул рядом со столом, а Рид переоделся в специальный халат для больных и, сел со мной рядом, потянулся к моей руке и положил ее себе на бедро.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Как сексуально ты выглядишь в этом халате.

Рид усмехнулся и потянул зеленую как горох ткань.

— Не самый подходящий цвет для моей кожи.

— Как-нибудь переживешь.

— Ха. Бьюсь об заклад, *ты хочешь* снять это, — подмигнул он, и мне удалось улыбнуться, потому что, черт, если он собирается шутить вместо того, чтобы волноваться в напряженном молчании, то мне нужно поддержать его в этом.

Дверь открылась, и в комнату вошла высокая брюнетка женщина с пучком на макушке. Она протянула руку Риду.

— Здравствуйте, я доктор Ребекка Фарруджи, — потом она увидела, что я сижу по другую сторону от него. — Олли, привет.

— Ничего, если он останется? — спросил Рид, крепко сжимая мою руку.

— Конечно, — улыбаясь, ответила она.

Я убрал руку, когда она начала осмотр, все время задавая ему вопросы, и я не мог не думать о том, как странно было находиться по другую сторону отношений пациента и

врача, особенно на заднем плане, как я был сейчас. Потребовалось все, чтобы сидеть тихо, не отвечать на вопросы, не высказывать своего мнения.

«Позволь ей делать свою работу. Поэтому ты здесь».

Закончив обследование, доктор Фарруджи откинулась на спинку стула.

— Как вы сейчас чувствует себя? — спросила она. — Это больше ноющая боль или острая?

— Боль появляется и пропадает. Но сейчас мне не очень больно.

— Ну, Рид, я бы хотела сначала сделать томографию, чтобы убедиться, что ничего не происходит, о чем мы должны беспокоиться, — доктор Фарруджи мельком взглянула на меня, и я смог правильно прочитать между строк ее оценку. Обследование необходимо, чтобы убедиться, что в его мозгу нет кровоизлияния. — Затем, в зависимости от того, что нам покажет томография, мы позаботимся о вас.

Рид посмотрел на меня, и я кивнул, соглашаясь с ее планом.

— Хорошо, — сказал он. — Когда мне сделают томографию?

— Я сейчас же решу этот вопрос, и скоро кто-нибудь придет за вами.

— Ох. Тогда ладно.

Она встала и снова пожала ему руку.

— Я вернусь, когда будут готовы результаты. Если будет сильная боль, дайте нам знать, нажав кнопку вызова на пульте, хорошо?

— Хорошо. Спасибо.

Доктор Фарруджи улыбнулась мне и вышла, погружая комнату в тишину.

— Вот видишь? — с напускным весельем сказал я. — Просто сделаешь томографию, и тебя с тайленолом отправят домой.

Я не знал, почему я это сказал. Я понимал, что этого не произойдет, и, когда взгляд Рида встретился с моим, я увидел, что он тоже это понимает.

— Олли...

Я пододвинулся на край сиденья и снова взял его руку в свою.

— Я знаю, Рид, — сказал я и поцеловал его ладонь. — Я знаю.

Глава 15

Вскоре после ухода доктора Фарруджи, Рида отвезли на томографию, и я остался ждать один в пустой комнате, глядя на телефон Рида в своих руках. Он отдал его мне, пока он будет на обследовании, и я обдумывал, стоит ли звонить его родителям. Я намеревался подождать, сомневался нужно ли сообщать им или нет пока мы не получим результаты, но, если бы я был на их месте, я бы хотел знать, что происходит.

Я пролистал его контакты, ища номера его родителей, и когда увидел в списке «мама», нажал кнопку вызова. Мать Рида ответила после второго гудка.

— Рид, ты пропускаешь самого невероятного лосося, — проговорила она в знак приветствия. На заднем плане слышались голоса людей и звон бокалов. — Тебе следовало пойти с нами.

— Здравствуйте, миссис Валентайн. Это Олли, друг Рида, — я колебался, не зная, насколько она осведомлена насчет нас.

— Ох, да, Олли, здравствуй. Все в порядке?

— Вообще-то... — *«Как это объяснить, чтобы они не запаниковали?»* — На этой неделе Рида несколько раз беспокоили головные боли. Он заверил меня, что ничего серьезного, но сегодня у него был еще один приступ, и я подумал, что мы должны проверить его, просто чтобы исключить опасность. Ему сейчас во Флойде делают томографию, и мы должны все узнать.

— Во Флойде? В больнице Флойда? — связь приглушилась, как будто она убрала телефон, и я слышал, как она повторяет кому-то то, что я сказал. Когда она вернулась на линию, она сказала: — Олли? Мы скоро будем там.

— Окей. Может, в этом и нет необходимости, но я знаю, что он хотел бы, чтобы вы на всякий случай были здесь.

— Спасибо. Спасибо, что сообщили нам.

— Всегда пожалуйста, — я отключил телефон, и, когда Рида вкатили обратно в комнату, я встал, встречая его. — Довольно быстро, не правда ли?

— Ммм, — он вздрогнул, когда еще одна вспышка боли, казалось, пронзила его, и закрыл глаза рукой.

— Тебе от света хуже? — я взглянул на медсестру, которая его привезла. — Сью, мы можем вообще выключить свет?

— Конечно, — она щелкнула выключателем, оставляя только слабое свечение, освещающее комнату, и после этого Рид снова лег на кровать.

Я наклонился и обхватил его лицо ладонями, прижимаясь поцелуем ко лбу и желая облегчить боль.

— Я так злюсь, — сказал он, опустив лицо. — Я очень хотел тако во вторник.

Это меня рассмешило, и он тоже улыбнулся.

— Ты получишь еще более удивительный тако во вторник, когда будешь чувствовать себя лучше

— Мне нравится, как это звучит. Но пока, — прошептал он, постукивая пальцем по губам, — поцелуй?

— Столько, сколько захочешь.

Положив одну руку на кровать, чтобы сохранить равновесие, я провел языком по его нижней губе, дразня его, и он ухмыльнулся и предоставил мне доступ, поднимая голову, чтобы встретиться с моими губами. Наши языки медленно, томно поглаживали друг друга, каждый из нас пытался запомнить ощущения другого. Ничего вокруг не существовало, кроме нас двоих. Не было никакой больницы. Никаких головных болей. Ни тревоги о том, что может случиться. Только мы вдвоем, поглощающие друг друга, как будто у нас никогда не было возможности делать это раньше, и не думающие о том, что произойдет, если мы никогда не получим шанс снова.

Должно быть, прошли минуты, когда Рид напрягся и застонал в мои губы. Я отстранился, и он осторожно опустил голову на кровать, а затем подождал, пока боль пройдет.

Глаза Рида открылись, он задыхался, и одинокая слеза сбежала по его виску.

— Прости меня.

— Ну что ты, не стоит, — сказал я, вытирая влагу. — Я приготовлю тако для тебя, ты приготовишь поцелуй для меня. Это будет справедливо.

— Мне очень повезло познакомиться с тобой, Оливер Макфадден, — его влажные глаза смотрели на меня. — Как такое могло случиться?

— Ну, — начал рассказывать я, пододвигая стул поближе к кровати, — все началось с кофе-машины.

— О, Господи. Думаю, мне придется вернуться и посмотреть, из-за чего вся эта шумиха.

— Эй, это был первый момент, изменивший мою жизнь, — сказал я, указывая на себя.

— Да. Я никогда не спрашивал...

— Да?

— Я так понимаю, я покупал его? Свой кофе?

— Откуда ты думаешь, я об этом знаю? — дразнил я.

— И как это было?

— Ты брал обычный латте, — я выдавил из себя улыбку. — Думаю, может быть, потому, что тебе нравится немного пены или, может быть, тебе нравится молоко. Затем добавлял три сахара и две порции сливок.

— Э-э, это специфично. Я всегда так делал, ничего не меняя?

— Каждый раз, хотя вкус сливок иногда менял. Ох, и кроме тех случаев, когда ты был занят, проклиная машину за поломку, а потом ты соглашался на обычный кофе, как мой.

— Поэтому, ты и обратил на меня внимание, Олли Макфадден, — губы Рида изогнулись в улыбке.

— Я только удивлен, что ты так долго этого не замечал, — я сказал это в шутку, но на его лице появилось тревожное выражение.

— Я *просто* не мог заметить. Если бы я был умным парнем, я бы ни за что не пропустил тебя.

Я открыл рот, с дразнящим комментарием на кончике языка, но тут раздался быстрый стук в дверь, и в комнату вошли доктор Фарруджи, за которой следовала...

«Черт. Ох, черт».

Мое сердце упало вниз, и вся надежда, которую я держал в руках, что я просто запаниковал, что я был слишком осторожен, привезя сюда Рида, исчезла в тот момент, когда женщина позади доктора Фарруджи появилась и закрыла за собой дверь. Не было никаких причин, по которым нейрохирург должен был бы навестить Рида, если только это не было веской причиной.

Очень плохой гребанной причиной.

Мое тело стало горячим, как будто кто-то погрузил меня в чан с кипятком, я не мог дышать. Я потянул воротник рубашки и уперся локтями в колени.

О Боже, я готов был упасть в обморок еще до того, как они что-то скажут.

— Рид, это доктор Босвэлл, нейрохирург, — представила доктор Фарруджи. — Мы вдвоем просмотрели вашу томографию, и нам нужно кое-что обсудить.

«Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо».

Доктор Босвэлл взяла все на себя, но это было похоже на учителя в мультфильме «Мелочь пузатая», где все слышали, как она говорила, но не могли понять, что она говорила. У меня в голове все затуманилось, а в ушах ревела кровь. Я вытер пот со лба тыльной стороной ладони и попытался сосредоточиться, но я слишком хорошо знал, что они ему говорили. Время от времени в моем мозгу гремело это слово, которое только подтверждало то, что я уже знал.

— Кровоизлияние... в височной доле... операция... сегодня...

Я снова сосредоточился, как только заговорил Рид.

— Простите, вы можете повторить последнюю часть еще раз?

— Нужно оперировать, — сказала доктор Босвэлл. — Рид, с вашего согласия, сегодня.

Так или иначе, я знал, что будет такой результат, но никак не легче услышать их вслух. И по отсутствию шока на лице Рида, я понял, он все это время догадывался, что его симптомы были более серьезными, чем просто головная боль.

— Я так понимаю, нет другого способа... исправить это? — спросил он.

— Боюсь, что нет, — ответила доктор Босвэлл. — Кровоизлияние в мозг является серьезным заболеванием, которое может быть смертельным, если его не лечить. Мы не можем рисковать и ждать.

Рид моргнул, и когда его глаза нашли мои, я кивнул, показывая, что она говорит правду и что я согласен с ней.

— Мне... мне нужно позвонить семье...

— Твои родители уже едут, — сказал я. — Я позвонил, пока тебе делали томографию. Они скоро должны быть здесь.

— О... Хорошо... хорошо, — он посмотрел на свои руки, его зубы кусали губу. — Полагаю, вы... получили мое разрешение. Если нет другого выхода.

— Боюсь, что нет, Рид. Но не волнуйтесь, мы хорошо о вас позаботимся. У вас есть ко мне вопросы?

— Я... не знаю.

Она понимающе улыбнулась ему.

— Я знаю, что это, вероятно, немного шокирует. Но если вы решите что-то узнать, просто спросите. Хорошо?

— Окей.

— Я через некоторое время вернусь со своей бригадой, чтобы начать подготовку. Просто спокойно лежите.

Рид кивнул, и, когда они вышли из комнаты, я чувствовал его ошеломленное молчание, как осязаемую вещь в воздухе.

— Как такое могло произойти? — прошептал он. — Я должен был поправляться, а не... — он замолчал, всхлипывая, но потом закусил кулак, пытаясь сдержаться.

— Просто дыши, — сказал я. — И, если ты хочешь плакать, то можешь это делать.

Рид глубоко вдохнул и медленно выдохнул, делая так несколько раз. Когда он снова открыл глаза, страх, который был там, больше не был доминирующей эмоцией, хотя он все еще оставался. Место страха заменило принятие ситуации, и когда он снова медленно выдохнул, он потянулся к моей руке.

— Спасибо, что за то, что ты со мной. За то, что заботился обо мне и привез сюда, — я наклонился, чтобы поцеловать его в губы, и когда я отклонился обратно, он сказал: — Это будет не так, как в прошлый раз, не так ли? Я не собираюсь проснуться и снова все забыть. Верно?

— Не знаю, — ответил я. — Надеюсь, что нет. Но всякий раз, когда происходит подобная операция, последствия могут быть непредсказуемы.

— Что, я могу забыть тебя? — его взгляд был настолько прямым, настолько пронизательным, что я поклялся, что он видел ответ — который бился в моей голове и

которого я боялся — как будто он был написан на рекламном щите. — Это возможно, хотя и не точно?

Я сглотнул комок в горле и попытался улыбнуться.

— Ну, это просто предположение.

— Олли. Могу ли я?

— Не знаю, — повторил я, желая дать ему окончательный ответ. — Надеюсь, нет. Я уверен, что вероятность невелика, но я не знаю. И я не могу дать тебе обещание, так как не уверен на сто процентов, что смогу сдержать его.

Рид отвел глаза, его взгляд переместился на медицинское оборудование, установленное в углу.

— Когда я проснусь, я могу не быть собой. Возможно, я тебя больше не узнаю, — его глаза остекленели. — Но мне нравится знать тебя.

«Тук. Тук. Тук». Мое сердце не было готово к такому исходу.

— Мне тоже нравится тебя знать, — «Дышать. Просто дышать». — Но не думай о том, что будет, если... Думай о том, что ты проснешься и будешь помнить меня.

— Я буду помнить, — сказал он, стискивая зубы, и его глаза встретились с моими. — Клянусь, я тебя не забуду. Я не забуду ничего из этого, — его рука сжала мою так сильно, что у меня остановилось кровообращение. — Обещаю, что проснусь и буду помнить тебя.

Я понимал, что он не должен давать обещаний, которые не сможет сдержать, также как и я, но все равно кивнул, надеясь, что это правда.

Дверь распахнулась, и когда родители Рида ворвались внутрь, одетые в элегантные вечерние наряды, которые определенно дали мне понять, что я выдернул их с мероприятия, я отпустил руку Рида и встал на ноги.

— Детка, мы приехали так быстро, как только смогли, — сказала его мама, обходя кровать, чтобы поцеловать его в лоб, а затем она отошла в сторону, чтобы отец Рида тоже поприветствовал его.

Я стоял в комнате, как слон, пока они оба не посмотрели в мою сторону.

— Вы что-нибудь знаете? — спросила его мама, и я начал давать им краткое изложение того, что выявлено и что будет дальше. Рука матери взметнулась вверх, закрывая рот, и она посмотрела на Рида. — О, Господи. Как... мы сделали что-то не так? Я не знала о головных болях и...

— Уверяю вас, вы ни в чем не виноваты, — сказал я. — Он тоже ни в чем не виноват. Иногда это случается, и вы не можете этого предугадать; можно только попытаться выявить это раньше, — понимая, что я собирался сказать, и не желая произносить эту болезненную правду, я попытался снова. — Просто лучше устранить пораньше, и это то, что они сделают сейчас.

Кто-то в дверях откашлялся, и когда мы повернулись в ту сторону, медсестра Сью посмотрела на нас с извиняющимся выражением лица.

— Мне очень жаль, но мы не можем впускать больше двух посетителей одновременно.

— Черт бы побрал это гребаное правило.

Я указал пальцем на дверь.

— Я просто буду снаружи и выпью кофе. Мы еще увидимся, прежде чем тебя заберут, — сказал я Риду.

Выражение его лица говорило мне, что он не хотел, чтобы я уходил, но ему нужно было провести это время со своей семьей.

— Олли, спасибо тебе. Ты снова был рядом с Ридом, и я не знаю, как мы можем... — его мать запнулась, разрыдавшись, и ее муж обнял ее.

— Спасибо, — сказал он над ее головой, и благодарность в его глазах сказала достаточно.

Взгляды моих коллег, когда я выходил из комнаты, где находился Рид, были полны сочувствия, и я чувствовал поддержку, которую они посылали мне, без каких-либо слов, которые нужно было говорить.

Когда двойные двери открылись, и я направился в зал ожидания, мне показалось, что я двигался как в замедленной съемке. Я взял ближайший стул и опустился на него, положив локти на колени и голову на руки.

А потом я стал ждать.

И ждал.

И ждал.

Рука на моем плече испугала меня, но это была только Сью, которая пришла проводить меня. Она не спросила, как я — это можно было прочитать по моему лицу.

— Принести тебе что-нибудь, Олли? Хочешь кофе? Что-нибудь поесть?

— Нет, — сказал я, потирая лицо. — Но спасибо тебе, Сью.

— Зови, если что понадобится, — она сжала мое плечо.

Когда двери снова открылись, вошли родители Рида, и я встал на ноги.

— Они собираются забрать его, но он хотел сначала увидеть тебя, — сказала его мама. — Мы должны пойти в зал ожидания на четвертом этаже.

— Спасибо, — поблагодарил я, глядя, как они уходят, и подождал, пока двери снова не распахнулись, и поспешил войти.

Когда я вошел, на коленях у Рида был блокнот, и он быстро оторвал верхнюю страницу и сложил ее.

— Олли, — сказал он. — Прежде чем меня увезут, я хотел...

— Мы готовы забрать вас, Рид, — сказала доктор Босвэлл, входя в комнату с бригадой, везущую каталку.

— Но... — Рид указал на меня. — Могу я поговорить с ним минутку? Пожалуйста?

— Простите, но мы должны подготовить вас к операции.

Все происходило слишком быстро. У нас даже не было возможности сказать то, что мы хотели сказать друг другу, и Бог знал, что я не готов к тому, чтобы потерять его, каким бы иррациональным ни казался этот страх. Но медик во мне понимал, что на кону его жизнь, и каждая секунда, которую я затягивал, была секундой, когда все могло принять драматический оборот. Я не смогу жить с этим, если что-нибудь случится с Ридом.

— Сделай это, — сказал я ему, отбиваясь от эмоций, которые угрожали переполнить меня, если я их выпущу. Мне нужно было быть сильным ради него, даже если я этого не чувствовал.

Рид потянулся к моей руке, и когда я обхватил ее, он сказал:

— Я обещаю. Я обещаю, что проснусь, помня *тебя*, — затем он поднес наши руки ко рту, поцеловал меня в ладонь и, прежде чем отпустить, передал мне лист бумаги, который держал в руках. — Скоро увидимся, Олли.

— Я буду здесь.

Он улыбнулся мне, улыбкой полной надежды и, может быть, чего-то большего — любви. Той любви, которой ты любишь своего друга или любимого человека. Он не мог выразить по-другому, но чувства все равно были. *«Ты тот, кого я люблю и о ком забочусь. Я вернусь к тебе».*

Я сжал его руку и отошел от кровати, и пока они перекладывали его на каталку и выкатывали из комнаты, взгляд Рида оставался на мне. Я следовал за ним, насколько мне было позволено, но потом мы подошли к дверям, и настало время. Я поднес пальцы к губам, и он сделал то же самое.

А потом он ушел.

Нет, не ушел. Стал временно вне поля зрения. Он пройдет через это лучше, чем в прошлый раз.

Он должен.

Я был в оцепенении, когда выходил из отделения скорой помощи. Неужели прошло всего несколько часов с тех пор, как мы проснулись утром и Рид мирно лежал рядом со мной? Я никогда не считал время с ним само собой разумеющимся, желая наслаждаться каждым мгновением на случай, если оно будет мимолетным, но черт... я не был готов к тому, что это произойдет.

Лифт был пуст, когда я вошел. Я бы мог подождать с родителями Рида на четвертом этаже. Он будет в операционной и после нее — в скором времени — все будет благополучно. И тогда жизнь вернется к тому блаженству, каким она была последние несколько недель.

Другого исхода не должно быть.

Я об этом и не думал.

Глава 16

Я не стал подниматься на четвертый этаж. Вместо этого я вышел из лифта, прошел через вестибюль и вышел через центральные двери больницы.

Я не хотел сидеть в неловком молчании с родителями Рида, пока они начнут или не начнут задавать вопросы, на которые я не смогу ответить. Я не хотел, чтобы мне пришлось изображать из себя храбреца, чтобы они не волновались еще больше, что я медик и паникую. И я не хотел читать записку, которую Рид дал мне, когда рядом был кто-то еще.

Дождь стучал по асфальту, заставляя меня оставаться под козырьком у входа. Прислонившись к стеклянной стене, я откинул голову и глотнул влажного воздуха. Часть меня хотела прочитать записку немедленно, но другая половина знала, что то, что было внутри, вероятно, сломает меня.

Прямо сейчас анестезиолог дает ему наркоз, который погрузит его в глубокий сон. Я не знал, как долго продлится операция и когда смогу его увидеть. Я не знал, когда он проснется, улыбнется ли мне, будут ли осложнения. Я ничего не знал.

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным.

Сложенная записка прожигала дыру в моей ладони. *«Читай уже, кусок куриного помета».* Разве не так Майк всегда называл меня, когда дразнил из-за Рида? И вот теперь, я здесь, с запиской от Рида, но слишком напуган, чтобы развернуть чертову бумажку.

Майк дал бы мне подзатыльник, если бы увидел.

Я осторожно развернул листок, вырванный из блокнота, на котором было письмо, написанное аккуратным почерком.

Олли,

Я знаю, что ты волнуешься. И я тоже.

Зачеркни это. Я очень боялся. Там. Признаюсь. Я был чертовски напуган, но я пытался не показывать тебе.

Будет несправедливо, мы через столько прошли за эти последние несколько недель, чтобы сдать сейчас.

Я только что нашел тебя. Я не потеряю тебя, и я не забуду тебя, что бы ни случилось.

Но если каким-то образом произойдет худший сценарий, пообещай мне, что не откажешься от меня.

Помоги мне вспомнить.

Помоги мне найти дорогу обратно к тебе.

Люблю тебя,

Твоя Синяя Птица.

С затуманенными слезами глазами я перечитал письмо еще раз, два, дюжину раз. Я читал его снова и снова, пока не запомнил наизусть, а затем снова прислонился к стеклу и закрыл глаза. И даже тогда я видел его слова и снова почувствовал, как меня охватывает липкий страх перед надвигающейся катастрофой, которую я не мог предотвратить.

Сделав глубокий вдох, я попытался очистить мозги и сосредоточиться на позитиве. Это было единственное, что я мог контролировать прямо сейчас.

Все будет в порядке.

Когда ливень прекратился и превратился в легкий дождик, я оттолкнулся от стены. Я прошел мимо парковки к тротуару, который проходил по периметру огромного комплекса, и пошел по дорожке. Мне нужен был свежий воздух, чтобы успокоить нервы, что я не смог бы сделать сидя или расхаживая в душной, закрытой комнате ожидания, хотя я скоро отправлюсь туда. Я следил за временем, а также за телефоном Рида, на случай, если появятся новости и позвонят его родители.

Но этого не могло быть. Пока нет. Для этого было еще слишком рано.

Прошел час, и наступила темнота, а я сделал еще один круг вокруг больницы, и я начал нервничать. Конечно, я предполагал, что операция на мозге не может продлиться час, откуда я могу знать? Но я хотел быть там, когда все закончится.

Прошло чуть больше двух часов, и я наконец поднялся на четвертый этаж. Когда я вышел из лифта и вошел в комнату ожидания, отец Рида сидел, глядя на что-то в своем телефоне, а потом поднял на меня глаза, кивнул мне и вновь вернулся к телефону. Его жена, закрыв глаза, лежала головой на его плече, но у меня было ощущение, что она не спит. Я думал, они понимают, что я хочу, чтобы меня оставили в покое. Или, может быть, это они хотели, чтобы их оставили в покое. В любом случае, я был благодарен за молчание.

Там было еще несколько кресел, так что я отошел в угол у окна, где у меня сохранялся вид на двери, когда выйдет доктор, чтобы сообщить нам последние новости. Ну, чтобы сообщить родителям новости. Я бы услышал.

Время шло. Я перестал проверять время на телефоне. На самом деле, так как аккумулятор был почти разряжен, я выключил его полностью. Я связался со своим боссом, чтобы сообщить ему, что происходит, и он обещал найти подмену на мое место на следующий день.

Через некоторое время двери открылись, и вышла доктор Босвэлл. Я вскочил на ноги, когда она направилась в сторону родителей Рида, и побежал к ним как раз вовремя, чтобы увидеть ее улыбку.

— Он хорошо справился, — сказала она. — Он действительно отлично справился.

Облегчение, которое я почувствовал, чуть не сбilo меня с ног, когда она простым языком объясняла детали операции и то, что произойдет дальше с точки зрения восстановления. Но я слышал только, что с ним все хорошо.

Нет, лучше, чем хорошо. Он «действительно отлично» справился.

Первая за несколько часов улыбка тронула мои губы, и только когда мама Рида положила руку мне на плечо, я понял, что отключился.

— Иди домой, Олли, — ласково сказала она. — Отдохни. И первым делом, что ты сможешь сделать утром, это вернуться и увидеть его.

— Но...

— Никто из нас некоторое время не сможет увидеть его, и эти кресла не очень удобны для сна. Я обещаю, что позвоню тебе, если что-то изменится.

Доктор Босвэлл кивнула.

— Хороший ночной сон пойдет тебе на пользу. Сейчас с ним все в порядке. Будет отдыхать, как и все вы.

Я ненавидел их за то, что они были правы. Я ничего не смогу сделать, буду ли я здесь или дома, поэтому с некоторой неохотой я сказал:

— Хорошо. У меня есть телефон Рида, но я могу дать вам свой номер?

Его мама передала мне свой телефон, и после того, как я набрал свои цифры, она крепко обняла меня, застав этим врасплох.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что ты здесь и заботишься о нашем сыне. Не знаю, что бы мы без тебя делали.

Я подумал, чувствовала бы она то же самое, если бы знала, что я на самом деле испытываю к Риду, но я обнял ее и наслаждался комфортом, который может обеспечить прикосновение матери. Прошло так много времени с тех пор, как меня так обнимали, и я понимал, как отчаянно долго я был лишен этого.

— Пожалуйста, отдохни, — сказала она, в последний раз сжимая меня, прежде чем отпустить.

Я не представлял, как я буду спать, но почему-то мое тело лучше знало, что делать, потому что, как только я вернулся домой, я в изнеможении упал и отключился, как только моя голова коснулась подушки.

* * *

— Он проснулся, — сказала мать Рида. — Я подумала, ты захочешь знать.

— Я уже в пути.

После самого быстрого душа, известного человеку, я накинул одежду и выскочил за дверь. Но, пока я ехал в больницу, я понял, что забыл одну важную вещь, поэтому я заехал

в ближайший магазин, чтобы быстро это исправить. В конце концов, я не мог прийти с пустыми руками, чтобы навестить своего мужчину.

Поездка в лифте, казалось, заняла больше времени, чем обычно, и я нетерпеливо постукивал ногой, пока двери не открылись. В холле я прошел мимо матери Рида, которая сообщила мне, что спускается вниз, чтобы перекусить, и в глубине души была рад, что она ушла, чтобы мы с Ридом могли встретиться, без ее присутствия. Не знаю, почему я так нервничал, но тревожное чувство, которое я испытывал все утро, не покидало меня, когда я шел к палате Рида с вазой в руках, полной голубых гортензий и белых лилий.

Дверь в его палату была приоткрыта, но я все равно быстро постучал, прежде чем войти. Свет был выключен, когда я вошел внутрь, но жалюзи, закрывающие окна, были открыты, впуская ранний утренний солнечный свет. Завернув за угол, я остановился, увидев, что глаза Рида закрыты. Последнее, что я хотел сделать, это разбудить его, но Боже, как хорошо было видеть его, даже спящим.

Я огляделся в поисках места, куда поставить вазу, и когда подошел к окну, глаза Рида открылись.

— Рид... Боже мой. Ты представить не можешь, как чертовски хорошо видеть, что ты проснулся, — с радостью сказал я, зная, что моя улыбка должна была расколоть мое лицо, такой она была широкой. Я поставил вазу на стол и подошел к его постели. Его волосы были снова выбриты, и повязка закрывала левую часть его головы, но он мог быть зашит с головы до ног, но я все равно буду считать, что он был самым великолепным мужчиной, когда-либо ходившим по планете. — Доктор Босвэлл сказала, что у тебя все хорошо, — продолжал я, протягивая ему руку.

Я должен был увидеть знаки, когда он открыл глаза и увидел меня в палате. Я должен был обратить внимание, но я был слишком поглощен своей радостью, видя, что Рид проснулся и дышит, чтобы что-то заметить. Когда я потянулся к его руке, а он отдернул ее, вот только тогда я понял, что сделал ошибку, и у меня в животе упал булыжник.

Я знал, что те слова, что он сказал мне дальше, будут выжжены в моей памяти навсегда. Каждый раз, когда я буду вспоминать их, я снова буду чувствовать боль, сжигающую мое тело и уничтожающую мою душу. Открытая, зияющая рана, которая никогда не заживет.

Жизнь, какой я ее знал, закончилась тремя маленькими словами, десятью буквами, четырьмя слогами, исходящими из уст человека, которого я любил. Того, кто смотрел на меня этими прекрасными карими глазами, омраченными только пустым выражением в них и легкой хмуростью, выгравированной между его бровями.

— Вы кто такой?

Продолжение следует...